

Ирина Дудина

Предводитель Маскоронов

МАСКАРОНОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ирина Дудина

Предводитель Маскаронов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63019422

SelfPub; 2020

Аннотация

Роман о современном Петербурге, в котором Она живёт в спальном районе, Он- в историческом центре, на Шпалерной. Она – журналист и мать двух детей, он потомок баронов Литопурков, музыкант, разгильдяй, хулиган и алкоголик, «абсолютно свободный человек». Куда заводит человека беспредельная свобода? Что происходит с людьми, городом и страной? Где выход – в ценностях либеральных или консервативных? Повествование происходит на фоне описания бурной богемной жизни. Содержит нецензурную брань.

Содержание

ЧАСТЬ 1. ЗЕЛЁНАЯ))))))	4
ПИСЬМА НЕПОНЯТНО КОМУ	73
ЧАСТЬ 2. РОЗОВАЯ.	111
ЧАСТЬ 3. ГОЛУБОГО ЦВЕТА.	206
2 сцена.	246
3 сцена	248
4 сцена.	250
5 сцена	253
6 сцена.	255
7 сцена	257
8 сцена	258
9 сцена	259
9 сцена	261
ЧАСТЬ 4. ЗАЩИТНОГО ЦВЕТА	291

ЧАСТЬ 1. ЗЕЛЁНАЯ))))))

Влад, красивый, с гладко выбритым черепом, сказал мне, сидя на моей заплюзганной кухне: «Ты подумай, согласна ли ты стать моей женой или нет. Крепко подумай. Если скажешь «да» – то это будет навсегда. Я – собственник. Моя женщина должна быть только моей и ничьей больше... Если ты мне изменишь, я выколю тебе ножом глаза оба глаза выколю, ты поняла?». Он махнул перед глазами по особому сжатой рукой, показывая, как это делает. Я захихикала: «Может, один глаз мне всё ж оставишь, а?». Он сказал: «Неа. Женщине, которая мне изменит, глаза не нужны».

Я подумала, что мне это страшно нравится. Это так концептуально!

Он ушёл, а я взвешивала долго – что ему ответить.

– Я не люблю тебя, Владик, и ты меня не любишь. Мы друг друга почти не знаем. Я видела-то тебя всего три раза. И к чему такие экстремальные обещания? Нежелание делить меня с другим с самцом – не это ли главное, а? А, может это желание на монопольное потребление самки – это типа страх перед СПИДом? Ты просто напросто так трясешься за свою жизнь? – сказала я ему, когда он пришёл через день.

– Нет, мне по фигу. Не поэтому.

– Зачем я нужна тебе? У меня двое детей. Я нищая, старая и страшная. К тому же у меня нет отдельного жилья; скоро

приедет бабка с дачи, и всем нам будет труба.

Влад присосался к дырке в банке пива «Охота», ответа я не услышала, вместо него- засасывающие звуки рта.

–Ты свободный мужик и мог бы найти себе помоложе, без детей и с отдельной квартирой. Может быть, даже богатую. Она бы тебя содержала... Ты же не фига работать не любишь, тебе хочется писать музыку...

Я смотрела на него вопросительно, мне правда был непонятен его выбор.

–Ты спрашиваешь, зачем ты мне? Я вычислил тебя, я просто тебя вычислил. Считай, что это брак по расчёту.

–С обеих сторон, что ли?

«А с моей стороны, на хрен ты мне сдался – нищий алкоголик, без своих квадратных метров, к тому же без российского гражданства. Гражданин мира – ха-ха-ха!». Так подумала я, но вслух не произнесла. Из вежливости.

Он насупил свои абдулаевские брови, гладкий выбритый его череп при этом не наморщился. Мне ужасно захотелось потрогать его лысину. Я протянула руку, трогая его колючий пух, он перехватил меня снизу.

–Не пора ли нам сударыня перейти к совокуплению?

«Вот это темпы! И всё от застенчивости!», – удивилась я.

((((((

Влад быстро разделся. Он был потрясающим. Бледный, как могильный червь, ужасно худой; на его длинном скелете

почти не было мышц, ручки тооненькие, ножки тооненькие, но всё удивительно мощное. Конструктивизм. Несущая основа человеческого тела без декоративных украшений. Мне его совсем не хотелось. К тому же от него ужасно воняло спиртом, каким-то особым искусственным этиловым спиртом, который добавляют в отечественное пиво. От потрясения его неземной, а какой-то инопланетянской, технократической красотой, я впала в смущение. Я не могла ему в глаза смотреть. Он приказал мне раздеться. Я знала, что вряд порадую его своими материнскими останками. Он не разрешил выключить светильник на прищепке, который свисал с дверцы книжного шкафа, и я великолепно видела, как жадно он смотрел мне в глаза. Я вращала глазами в разные стороны, особенно мне нравилось рассматривать его бритый череп, но только не в глаза. Я умирала от застенчивости. «К совокуплению пригодна», – пробормотал Влад, ощупывая мою белую ляжку. С потенцией у него всё было в порядке, значит он не наркоман, – поняла я. Но чего надо этому алкоголику от меня, ведь он же водку будет хотеть всё равно сильнее. Унизительно соперничать с бутылкой. Владик трахал меня, и в тощем его желудке булькало одиннадцать баночек пива «Охота», которые он выпил перед приходом ко мне. Когда я засыпала, то слышала его злобный шёпот: «Чёрт, не получил никакого удовольствия». «Я тоже, – думала я во сне. – Какой-то чужой незнакомый мужик зачем то влез ко мне в постель, зачем то трахал меня. Как всё просто! Сказать, что

хочешь жениться – и вот уж делай что хошь... Да, у меня никого нет уже год. Всё внутри меня умерло. Ну и пусть умирает. Ты, Влад, не тот герой, что способен меня пробудить». Когда я спала, мне показалось, что он блюёт в ванной.

((((((((

Владик исчез, да и пошёл на хрен. Появился через месяц, страшный, красноглазый, и на ухе у него выросли две гадкие папилломы. Он был похож на породистого бультерьера, на котором есть какие-то врождённые бородавки, говорящие о его собачьем аристократизме. Он вошёл, покачиваясь, я попыталась его выставить за дверь, но потом подумала: «А чего! Прикольный такой. Я же писательница, а не обывательница. Пусть расскажет что-нибудь. По речам – вполне адекватный, хотя видок у него – ужас!!!».

Влад опять был безумно красив. В ярких синющих джинсах, в красной байковой кофте, белоснежных маленьких кроссовках. За спиной у него был рюкзак, в нём был профессиональный строительный инструмент: пилы какие-то, шуруповёрты, свёрла всякие. Лысый череп сиял как солнце, отбрасывая блики на стены. Строитель Сольнесс пришёл к нам!

–Сударыня! Не нужно ли вам что-нибудь распилить? Или шурупы вернуть?

–Ты откуда такой красивый, и что это у тебя в котомке?

–Меня отстранили от работы по причине моего непра-

вильного состояния. Это возмутительно! Неужели я пьян, скажите, сударыня! Раз я стою на ногах и могу передвигаться, значит, я могу работать. Вот, смотрите!

Влад стал как аист задирать свою огромную ногу в моём маленьком кукольном коридоре, как бы из сказки Незнайка в цветочном городе, мы с сыном с ужасом смотрели, что из этого выйдет... Всё было странно нормально. Влад зажмурил глазки, стоял на одной ноге и довольно точно, без дрожания рук, хватал себя за кончик носа.

–А они говорят – пьян! Да, нетрезв, но это не значит, что не могу приступать к выполнению своих обязанностей.

–Владик, а можешь своей хренотенью всобачить пару шурупов в Митькин секретер, а то он весь расползается?

–Безусловно могу. Легко!

Влад швырнул на пол свой шикарный инструмент, воткнул в сеть провод шуруповёрта, и удивительно точно и метко вонзил своим страшным орудием несколько шурупов куда надо. Потом достал циркулярную пилу и сделал пропил в моей хрущовской стене. Я заорала на него, и он не пропилил стену насквозь. Я залепила щель скотчем, чтобы в ней не могла завестись какая-нибудь жизнь. После проделанной работы он откупорил очередную баночку пива «Охота», хотел сесть на диван, но промахнулся, шлёпнулся задницей на пол, из пивной дырки на пол вытекла вонючая пивная жижа. Я с омерзением смотрела на это большое животное, колеблющееся на моём полу.

К ночи он вышел на улицу и вернулся с двумя огромными пакетами, набитыми чудовищной какой-то жратвой. Влад пошёл за мясом, но мяса в ночных магазинах не было. Влад парил на сковороде несколько пакетов замороженных овощей, потом всё это залил кетчупом и съел. «Ага, пожарать любит, значит не совсем конченный алкоголик!», - подумала я с лёгким воодушевлением.

Мы сидели на кухне, и я опять расспрашивала, чего ему от меня надо.

–Мы с вами, сударыня, старпёры. Мне тридцать девять лет, у меня в бороде полно седых волос.

Я это давно заметила. Когда он не был свежевыбрит, на голове и на бороде у него пробивался жёсткий проволочный волос, на голове – молодой и сивый, на бороде- с вкраплением белоснежного.

–Я хочу пожить стабильной бургерской жизнью. У меня было две жены, сыну моему пятнадцать лет, он живёт в Англии. Я свободный человек, много зарабатываю, но все деньги куда-то чудовищно исчезают. Я хочу на старости лет семь. Сколько вам надо в месяц на проживание?

–Ну, мы втроём живём на 300 баксов.

–Вам хватит 1000 баксов в месяц моей зарплаты?

–О, это великолепно!

–Я так не считаю. За последний год я куда-то потратил 18 тысяч баксов. Сам не знаю на что...

–Пропил, наверное? – заметила я не без пронизательно-

сти.

–Такую сумму пропить невозможно. По определению. Это нереально.

Я слушала его бред и тихо его ненавидела. Алкоголик. Урод хвастливый. Самоутверждается сам перед собой, оперируя языком с большими суммами денег.

–Более того, я считаю, что я – бедный. Мне не хватает этих денег.

–Все мои знакомые, почти все, живут на гораздо меньшую зарплату. И мужчины, и женщины. Такая среда, с университетским образованием много не заработать. Как писал Но-страдамус в своих «Центуриях», настанут такие времена, когда люди науки и знаний будут жить в нищете и позоре. Вроде как они и настали. А кто имеет 1000 долларов в месяц- то эти люди живут очень неплохо. Имеют машину, дачу, летом ездят в Болгарию или Испанию. На 1000 баксов можно очень неплохо жить. Улучшить жильё, если экономить деньги...

–Я этого не понимаю. Мне одному этого не хватает ни на что...

(((((((((((

Постель нас примирила. Владик протрезвел в ночи и был великолепен. Он превратился в буддийскую лодочку, я плавала на ней. Влад поймал какую-то классную программу, свою любимую ди-джейскую музыку, которую он сам мечтал писать, когда купит хороший компьютер. Про Влада говори-

ли, что он сделал диск, его купили в Израиле, и дальнейшая судьба его неизвестна. Он хотел опять писать мёртвую электронную музыку, в которой убито всё живое. «Побольше, побольше мертвечины- чем более искусственное звучание, тем лучше», – говорил он. Я с ним соглашалась. Под синтетическую музыку ужасно было приятно трахаться. В глаза я ему не могла смотреть. Глаза у него были живые, добрые. Он был ужасно слабый и трусливый, несмотря на свой рост и сумасшедшие поступки. Он был слишком деликатен и осторожен со мной, всё время ждал руководства с моей стороны. Терпеть не могу таких нежных мужиков в постели. Маменькин сыночек... Он лизал мои грудки, налившиеся от похоти как дыньки сорта «торпеда», мы превратились с ним в круг сансары. Под утро я засыпала, прижавшись к его теплу, и мне было спокойно в эти мгновения. В эти мгновения я не думала, что не хочу жить.

(((((((((((

«Владик, а чем вы по жизни занимаетесь? Таланты у вас есть какие-нибудь?», – так я спрашивала Владика, когда первый раз его увидела, красавчика охренительного лысого. «Я, сударыня, музыку сочиняю. Ещё я танцевать люблю!». «И где вы сударь танцуете? В каких таких местах?». «Я обычно в клубах танцую. Как начну танцевать, так мне не остановиться. Танцую я так, что меня охранники выводят из клуба!». «За что?». «Они говорят, что я танцую неприлично! Выве-

дут из клуба, а я продолжаю танцевать прямо на улице, и они на улице с ума сходят». «А можете показать мне, как вы так неприлично танцуете? Очень хотелось бы увидеть!». «Нет проблем!». Тут Владик стал так танцевать, с такой агрессией извиваться, высоко подпрыгивать, задирать ноги, изгибая их в коленях, будто это великий рок-музыкант танцует, или это сам Сатана танцует. Я залюбовалась. К тому же Владик был одет в удивительнейшую одежду. В зэковский фланелевый халат кофейно-молочного цвета, в коричневую клеточку, с номером на сердце. Это был халат, который Владик спёр в театре, где шла постановка про ГУЛАГ. Там работал какой-то друг Владика, и вот какой-то лишний сценический костюм Владиду перепал. Очень стильная вещица. Владик в этом халате был аки тать. Пляшет, полы развеваются! Хотя танцевать Владиду было трудно – в коридоре метр шириной и два длиной. Я бы на месте охранников тоже бы с ума сошла... «Владик, вам надо плясать так за деньги на дискотеках перед многотысячной толпой. Или в кино сниматься». Владик посмотрел на меня каким-то кротким, коротким взором, который я не поняла.

((((((((

–А дети? Какой из тебя Влад отец? Ты же сам как дитя.

–С детьми я нашёл общий язык. Юра твой – уже взрослый дядька, а с дядькой Митькой мы будем приятели.

В углу за холодильником стояла красная пластиковая пал-

ка. Это была ручка от соседской швабры. Когда Владик пришёл ко мне первый раз полгода назад, он стал гавкать на детей, шипеть на Китса, а эту палку прогрыз в двадцати местах. Это была крепкая, как ствол, палка. Владик скорчил ужасную морду, оскалил никотиновые свои, но крепкие зубы, и всю палку искусал за минуту, от чего она превратилась в безвольную тряпку, типа измочаленного тростника. Дети орали и гавкали на него, он на них. Митя со слезами на глазах пытался ударить Владика побольнее, норовил даже по яйцам. «Я этого дядьку Владика забью. Приёмчиками», – говорил он, пытаясь завалить огромного Владика на снег.

((((((((((((

–А где мы будем жить? У тебя – коммуналка, куда влезает токмо диван. У меня ещё хуже – на 30 квадратных метрах четыре человека плюс гадкий, орущий по ночам тревожный кот. Не говорю уже о своей матушке, которая ни одному мужику на этой территории жить не позволит. Ты не представляешь, скольких она уже отсюда выжала.

–Можно снимать. При 1000 баксов отдавать одну сотню – это реально.

–А, кстати, не подкинешь ли ты мне немного бабосов. У меня они кончаются, а Юрка подросток, его надо мясом кормить.

–Нет, это исключено. Барабульки будут через месяц. До 5 августа – ни копейки не предвидится.

–Но ты же на что-то живёшь. Где твоя хваленая 1000 баксов? Ты же каждый день пьян, приносишь пиво. Принёс бы лучше в дом мяса. Чая, кофе хорошего. Я же тебя по утрам пою и немного кормлю, перед твоим уходом на работу. Это неправильно.

–Если я буду давать тебе деньги, то получится, что я покупаю твою любовь. Нет, это неправильно.

–А если я тебя пою утром кофе – я что, тоже покупаю твою любовь, выходит, за чашечку говняного нескафе? Ну и дешёвый же ты, парень.

–Это другое.

Жадная, жаднящая скотина!

(((((((((((

На следующий день у Влада на руке был гипс. Он пьяный шёл домой, и во тьме споткнулся об недоложенную плитку на своей улице. Гастарбайтеры всё расковыряли к юбилею, изображая освоение денег, а после июня работы все забросили, всё так и валялось расковыренное. Ночью Влад держал свою лапку на весу. Когда я её нечаянно задевала, он стонал. Ему было больно. Он не вызывал у меня жалости. Я знаю такую породу людей. Они вечно имеют какие-то травмы. Любят ходить в бинтах. Чтобы их все жалели. Травма – это призыв о помощи и любви. Детская истерия. Ах, маменька, вы на меня не обращаете должного внимания, так вот вам – я умру, покалечусь, буду весь-весь в бинтах, злая маменька!

Пронзить жирное маменькино сердце навывлет. Почувствовать, что кто-то плачет по тебе и страдает. Дешёвый способ проникнуть в сознание другого.

—У тебя, пожалуй, патологическая связь с матерью. Она тебя затискала до смерти своей любовью. Твоя Мегера Фёдоровна, как ты её зовёшь, тебя, такого лба огромного, обстирывает. Готовит тебе еду, привозит в приятных мисочках, моет посуду. Прислуга. Она тебе показывает, что ты без неё жить не сможешь...

—Нее, всё не так. Я же жил без неё.

—Ну, так, а сейчас чего пользуешься её обслугой, чего не имеешь свой суверенный дом? С твоей зарплатой ты мог бы купить себе что-нибудь.

—Стимула нет. Вот поэтому я и хочу жениться. Ты будешь моей невестой, скажи? Да, это мучительно и ужасно — быть моей невестой. Я собственник. Что моё, то никому и никогда уже принадлежать не будет.

—А как же твои первые две жены? А? — ехидно спрашиваю я его.

—Первая — блядь и проститутка. Она в Англии, кажется, работает в борделе. Хотя уже вряд ли. Старая уже. А вторая — в тюрьме сидит. Она весила сто килограмм, здоровая была баба. Потом её мой друг посадил на наркоту. Она, такая огромная, за год превратилась в скелет. Я её встретил и даже не узнал. А потом жадность и наркотики её погубили. Тот мужик умер у неё в ванне от передоза. Она думала, что у

него деньги или наркотики в одежде, скрыла факт смерти, пыталась расчленить труп. Ишь чего учинить вздумала... Но это всё под наркотой... Теперь в тюрьме.

Я от омерзения закрываю глаза. Быть подружкой этого типа после жирной стокилограммовой наркоманки. Нет, это уж слишком, это уж слишком... Какая страшная, унижительная жизнь у меня. Какая страшная.

((((((((((((

К тому же я жаворонок, а он сова. К 12 ночи я немею, соловею, я ничего не соображаю. У него пик активности. Я стремлюсь к одному – заползти на диван и чуть-чуть, свернувшись в круг, покемарить. Влад во всю включает телевизор, или ставит сидишки на магнитола. Он мучает мой старенький компик, он пытается заставить работать его винамп. Винамп тронутый какой-то у меня всегда был. Он сам по себе вдруг начинает петь. Или выдаёт посекундную нарубку трэков. Владик мучает и мучает с непостижимым упорством мой винамп, но заставить его работать за всё лето ему так и не удаётся. Потом у меня ломается Интернет- ломаются старые ломкие провода внутри пластиковой оболочки. Влад настырно приваривает проводки при помощи сварки, потом отдирает всю красоту от фирменной телефонной розетки с двумя выходами, как-то перекрещивает проводки. Интернет Влад добил. Заработало. Хотя на стене теперь торчат какие-то оголённые и изоляцией замотанные проволоч-

ные узлы и усики.

Когда я на диване совсем зарубаюсь, Влад выходит из ванной, и начинает меня, полумёртвую, тормошить. Я то ли сплю, то ли нет, я ничего не понимаю, что он мне говорит, но точно мы трахаемся. Когда первый золотой луч солнца покрывает розовым светом ствол берёзы перед окном, я чувствую необычайный прилив энергии. Мне хочется верещать. Мой мозг необычайно свеж. Я щебечу, щебечу, как птичка. Хихикаю сама с собой, как дурочка. Пристаю к Владу, но вместо ответа слышу храп. Влад с появлением первого луча вдруг внезапно сворачивается, обмякает. Он впадает в сон, который трудно прогнать. 5 утра. Жизнерадостно пиликающее существо над замершим лысым ящером с сомкнутыми намертво веками.

В 6 утра мобильник Влада начинает верещать. Страшным голосом, как сумасшедшая злая фитюлька. Потом он переходит на подпрыгивания и что-то типа ударов по медному тазу. Мобильник вскакивает на попа, бегаёт по столу и падает с него, но и лёжа продолжает дерзко будить спящих. Орёт, улюлюкает всё громче и громче. Всё по барабану. Влад мёртв. Мобильник вопит уже как совсем съехавший с колёс, смешно и даже пугающе подпрыгивает. Я должна растолкать Влада, чтобы в 8 он ушёл от меня на работу. Я несу ему бутерброды с сыром и крепкое пойло нескафе. Типа на стакан кипятка четыре столовых ложки черноты с могильным запашком (нескафе почему то отдаёт трупным затхлым за-

пашком часто). Влад лежит трупом и звонко храпит. Но всё же каким-то усилием воли он приподымает свои голубиные веки, лёжа пьёт свою бадью кофею, долго плещется в ванной, ящеры же земноводные, они любят воду, потом чистый и ослепительно красивый лысый Влад одевает трусики, комбинезон с ляжками на вылинявшую зелёную рубашечку, и идёт таки на работу....

((((((((

За окном опять что-то пилят. Звук пилы отвратителен, как звук зубопилительной машины. Басистый гадкий звук убийц деревьев. Пилят не что-то, а кого-то – хорошее живое существо от 40 до 50 лет. Пилят ровесники ровесников. Пилят из службы озеленителей. Когда едет машина озеленителей- специальная такая космическая техника для единовременной пилки, ухватки, распилки и увозки готового древесного трупака куда-то, не знаю куда, я подпрыгиваю, как ужаленная в сердце. Тем более, что выпиливают бездушно, выпиливают отличные деревья, а мёртвые деревья оставляют. Значит, тут коррупция, тут они бабло какое-то делают, древесину на дрова дачникам продают, что ли, или «план» выполняют, и профессионалов у них нет, раз они живое от мёртвого не отличают. Однажды я набросилась на пильщика и долго на него орала, что он лишает кислорода себя, своих детей и весь двор, лишает всех нас натурального очистителя воздуха от пыли и газов, лишает пташек малых гнёздышек,

лишает осенью нас красоты золотых листьев, а зимой- красоты изящных линий ветвей, и что неужели ему много платят за его иудство. Мужик смотрел на меня как на чокнутую болонку, сказал грустно и стыдливо, что платят мало. «Ну так а чего ты чёрту прислуживаешь за малую копейку»,— орала я, чувствуя, что ещё пара минут, и меня в дурку отправят.

((((((((

Я люблю деревья. Больше всего я люблю старые, большие деревья. Я понимаю, что зря живу в городе, что я друид какой-то, что при моей любви ко всему натуральному и природному, при любви к Флоре прекрасной, мне надо жить в деревне. Но это абстрактное размышление. Я работаю журналистом в гламурном издании, профессии никакой у меня нет, кроме как умения делать хорошие интервью со всякими звёздами из мира культуры. Я не знаю, как могла бы я зарабатывать на жизнь в деревне, как могла бы я бороться каждый день за выживание, топить печь, выходить в сарай на ледяной нужник, как носить воду в дом и как мыть посуду, как расчищать от снега дорогу, как топать в чунях по раскисшей земле, как выливать воду из дождевых переполненных бочек, как трястись от векового природного ужаса по ночам. Как жить, не видя новых людей ежедневно и не получая подстёгивания от живого мыслящего биопланктона вокруг... Все эти бытовые детали мне знакомы, я вряд ли способна жить постоянно в единении с природой.

В городе жить намного легче. Вода льётся из крана, горячая и холодная вода, дерьмо уплывает не знаю куда, можно не озадачиваться, зимой, долгой осенью, долгой весной в квартире тепло. Очень тепло, можно ходить в футболке, это великая ценность- это дармовое, непонятно откуда постоянно идущее тепло по батареям. Электричество-ещё один бонус, колоссальный бонус. Ноутбук есть куда воткнуть в розетку, плюс телефония постоянная, дешёвая Интернет-связь. Удивительный доступный комфорт. Самые необходимые условия для существования есть, это убогая бедность, но уже не нищета и не бездомность. Но есть ещё одно «но»- это воздух, это деревья...

Мне повезло. Хрущёвка вся окружена деревьями. Хрущёвки тут были построены на пустырях в 60-е, им уже скоро будет по 50 лет. Тогда же люди, получившие отдельные квартиры со всеми удобствами, выбравшиеся из жутких перенаселённых коммуналочек, первым делом стали сажать деревья на пустырях вокруг домов. Кто-то посадил яблоню себе под окна, кто-то рябину, кто-то лиственницу, кто-то берёзу и ясень. Тополя, тополя, наверное, тоже сажали.

Я помню вертушку своего детства. Это был такой красно-коричневый чемоданчик из хорошей крепкой пластмассы- формальдегида, букочки были стильными, жёлто-белыми, нарисованными футуристическим почерком, намекавшим на скорость, на свободу, на полёт в будущее. Чемоданчик открывался, подключался к сети, в нём крутились пла-

стинки. Пластинки были сначала чёрные, тяжёлые, потом стали появляться гибкие, голубые, красные, белые. На одной из пластинок мужчина приятным голосом пел «Тополя, тополя». На другой пластинке женщина пела про «Клён стучит в окно». Это было такое деревенско-городское пение, пение жителей окраин городов, которые ещё помнили своё деревенское детство, в деревню к родителям часто ездили, и там их ждала игра на баяне и гармошке, а в городе их ждало пение под гитару, и вот рождались такие модные песни, задушевные, уже не глубинно посконно русско-народные, но и не разнузданно-городские, милые песни. Они мне жутко не нравились. Они вводили меня в одурь и ступор, от них хотелось спать и зевать, становилось скучно и бессмысленно, навозно.... Правда, был и уют, были остатки скучноватой природы, которые стучались в окно. Таким же ступором и зевотой веяло от пения Зыкиной. Ещё хуже были совсем городские песни, песни Толкуновой, Сенчиной, Хиля. Как будто лежишь в уютненькой тошнотворной пыли среди скучнейших харь. От них совсем становилось тошно. Я думаю, от этих песен советские мужчины того времени спивались. Без водки такое слушать нельзя. Это было как суета сует, как быстрая мать земля, когда токмо родился, не успел очухаться, а уже состарился и в землю пора...

Но тогда, в те годы, когда я топала новорожденными ножками по 11 комнатной коммунальной квартире без ванны и горячей воды, тут, вокруг хрущовок, счастливые обладатели

отдельных квартир сажали свои саженцы.

Мне досталась хрущовка уже пооблезлая, в зарослях зрелых деревьев. Я была очарована. Птички пели, всё утопало в зелени. Что утопали в зелени страшные длинные коробки, уложенные лестницей, рядками, в линию – так на это было наплевать. Квартира выходила окнами на две стороны. Окон было много. Лифта не было, опора была на мускульные силы ног. После жизни в 13-этажном доме, полностью зависящем от электроэнергии, которую всё время отключали, это был шаг вперёд. В 13-этажном доме вода еле поступала в ванне, мыться приходилось под тонкой струйкой. Иногда вообще всю воду отключали – и горячую, и холодную на пару дней. Приходилось с вёдрами ходить в соседние дома. Иногда отключали электричество – плиты были у всех электрические, чая не согреть, приходилось питаться бутербродами и лимонадом. Лифт отключался в эти дни тоже, иногда это совпадало с отключением воды, и тогда приходилось на 13-ый этаж нести в руках вёдра с холодной водой, натываясь на узкой, нерабочей лестнице со стариками, ползущими наверх со своими костылями, с женщинами, волокущими титанически на себе коляски с детьми, вес очень немалый. Тринадцатиэтажный дом сотрясали полёты самолётов, по ночам казалось, что самолёт сейчас снесёт плоскую крышу, иногда снились соответствующие сны. Внизу простиралось оживлённое шоссе, громкое, почти немолкаемое, над шоссе стоял серый смог.

Здесь всё было не так. Тишина, зелень в окнах, птички,

свежие ароматы ветвей и листьев. Берёза под окном качала своим стволом с глянцевой серой кожей, она то пела от ветра, то тихо трепетала, на неё взбирались всякие пернатые твари и смотрели на меня своими глазками. Противоположный мерзкий дом-барак со своими квадратиками окон летом было не видно – листва устраивала хорошую бархатную занавесь. Зимой стена цвета больного тела лезла в очи. В очи лезла жизнь обывателей из соседнего дома. То баба жирная высывалась и трясла половичок в окно, то парень мускулистый с голым торсом крутился, то старик кряхтел на постели возле окна. Гадкие шторы, дешёвые, отставшие от жизни, или вообще газетами окно прикрыто.

Гадость. И эти стены шелушащиеся больные со швами расползающимися. Ремонты делали, но гладкость штукатурки исчезала через год. Непонятно, чем таким некачественным красили стены, и почему такой цвет набадряживали. То ли он самый дешёвый был, то ли ещё что. То ли это было отражение больной депрессивной психики маляров, или там районного архитектора, который утверждал план раскраски домов. А ведь в домах было полно художников от 5 до 75 лет, штук по 5 в доме минимум, и любой из них мог бы нарисовать что-нибудь, создать красивую гамму цветов. За небольшую зарплату художник придумал бы очаровательную гамму цветов, или даже даром бы придумал бы. Но всем художникам эта сраная жизнь приказала быть связанными по рукам и ногам, с кляпом во рту и повязкой на глазах. Худож-

ники и те, что по жизни художники, и профессиональные художники, работавшие художниками на заводах, фарфоровом комбинате, в журнале или просто члены союза художников – они имели право быть художниками в узких рамках своих комнат, ближайшую среду обитания они преобразовывать не имели право. Среду обитания имел право раскрашивать в цвет больного дождевого червя, нажравшегося синего навоза, некий СанСаныч, какой-нибудь хрен из райсовета или жилконторы, ибо и сам он и был таким вот червём, и глаза имел червивые, антиэстетические.

Природа примиряла меня с действительностью, выпуская повсюду свои ветки и палки, шатры и занавеси живые.

Мне казалось, что все вокруг мыслят и чувствуют как я, что всем противен СанСаныч с его червивой эстетикой, что все сдерживают рвотный рефлекс, пробегая по лестнице, крашенной в зелёный цвет плохого солдата, что у всех тлеет внутри желание расцветить эту гадость, покрыть стены домов снаружи лепниной или картинами, внутри- фресками и яркими сочными цветами, например, рамы окон покрасить в бирюзовый цвет, двери- в красный, стены- в коричневый, да мало ли есть способов украсить реальность и сделать её жизнерадостной. Ведь художник встаёт утром, и ему так хочется рисовать, как вот птице петь, а рисовать негде и не на чем, и надо, почему-то, жить в уродстве убогом блевотном.

Потом оказалось, что таких, как я, мало...

(((((

У нас во дворе опять трупак. За последние три года – три трупа на небольшом пространстве. Два было в нашем замечательном подвале. Третий вот у соседнего дома раскинулся, метров сто от парадной. Это блин не город, это джунгли дикие. Между хрущёвками снуют стайки заморышей мужского и женского полу, они вечно матерятся и пьют дешёвое вонючее пиво, они одеты в чёрные куртки, они вечно в истерическом припадке. Может, у них истерика на почве безработности, охоты пить «охоту» и от готовности ради охоты пускаться во все тяжкие. Это как угольки какие-то. Наркота продаётся у нас всюду хачиками средних лет. Наша лестница вся измазана кровью наркоманов. Звонить в ментовку бесполезно, говорят, сам участковый повязан с наркодельцами. Идёшь домой, перешагиваешь через сидящую на ступенях деваху с расставленными ногами. Говоришь ей: «Девушка, милая, вам плохо? Почему вы не учитесь и не работаете? Вы же тут не живёте, зачем вы у нас сидите целыми днями на ступеньках? Не хотите ли пойти отсюда вон, подальше куда? Поработать над собой? Нет, не хотите и не можете? Бедная ваша мать!». Гадость и ужас. У киндеров отбирают мобильники, ночных мужичков просто мочат.

Мужика убили позавчера ночью; он пролежал день, ночь, и опять лежит под голубым полиэтиленом. Народ выходит из парадной 12-этажки, и идёт прямо мимо этой душераздирающей кучи полиэтилена. Даже дохлую кошку бы быстрее

убрали. Это видно в назидание что ли, чтобы не убивали, или чтобы не бродили по ночам? Менты приезжали, вели себя как в сериалах: снимали отпечатки, рассматривали голое белое пузо солидного трупа. Кошмар! Человек как дерьмо и при жизни и при смерти.

Мы живём в новой дикости. Выживают самые шустрые и снующие, пронирывающие в щёлку норм. Мелкие ядовитые хыщники, занимающиеся людоебством и каннибальством, подлежат уничтожению. Двух плюгавых пацанов, промышляющих у английской школы, я как-то пристально наблюдала в 1 час дня. Они выслеживали у подвала несмышлёнышей. Вид у них был как у охотников. Я сказала крепкому дедку, ожидавшему у школы внука: «Давайте к этим уродам подойдём и пугнём их!». Он засмутился: «А вдруг они просто так, мы оскорбим невинных юношей!». Тьфу. Я одна подошла и грозно стала смотреть им в глаза. Им это не понравилось, и они исчезли. По крайней мере, сегодня ни у кого из школьников наших мобильник не отберут. В классе нет ни одного мальчика, у которого не отобрали мобильник. Зато как пышно расцвела комисионная торговля этими игрушками! Полный беспредел и слияние жалких бизнесменов с жалкой властью.

Рано или поздно эти пацанчики, вставшие на путь преступления, будут сидеть в тюрьме, выйдут законченными тупыми отморозками, ещё меньше понимающими жизнь, чем раньше. Люди – как вши, с которыми никто не дружит, кото-

рым никто ничего не объясняет. И они в скорбном бесчувствии гадают, гадают, пока не убьют других и себя... Наверное, главное – научиться радоваться жизни...

((((((((((((

–А что ты Владик, делал раньше?

–Когда?

–Ну, с самого начала?

–В театре работал. Сначала я в театральном учился, на актёра. Но оттуда меня выгнали на 1 курсе за профнепригодность. Я нервный очень. Слабонервный, не подхожу для театра. А потом я осветителем работал. Потом путешествовал по Европе на велосипеде. В Белоруссии границу перешёл в лесу, оказался в Польше, сел на велосипед и несколько лет так и ездил по шоссе.

–А на что ты жил?

–Строил всякое.

–А работу как находил?

–Зайду в бар, разговариваю с каким-нибудь типусом.

–На каком языке? Ты что, иностранные языки знаешь?

–Да, могу изъясняться. Я же английскую школу заканчивал. Говорю, что строить умею. Во Франции мужику одному сарай для коров построил. В Германии – дом ремонтировал. Потом путешествую, пока деньги не кончатся. Во Франции тот мужик меня выгнал. У него в подвале были бочки с вином. Он сказал, что после работы я могу пить, что захочу.

Я у него несколько бочек выпил. Он пришёл в ужас и меня прогнал. Он думал, что я по чуть-чуть буду потягивать. Когда заглянул – все бочки пустые, я последнюю допиваю...

–А чего в Россию вернулся?

–А надоело. Потом меня везде полиция ловила как футбольного хулигана. Я на одном матче у них в Европе засветился, попал в базу данных...

Я засыпаю на плече Владика и вижу во сне молодого красавчика, который на велосипеде как птица порхает по Европе. Я завидую Владике. Мне так и не удалось преодолеть силу притяжения родных просторов, так и не удалось ни разу пересечь границы страны. Я не понимаю, почему он такой мудака, почему так быстро прошла молодость, почему он здесь, в комнате на Шпалерной, в этой гробообразной длинной и тонкой с боков комнате, где, если диван разложить, уже по стенке надо к окну продвигаться. Вид из окна у Владика не ахти. Упирается в старинный дом со скромной лепниной, там какие-то чиновники маются за рабочими столами, так что надо всё время окно прикрывать шторой.

((((((((((((((((

Штора у Владика смешная: собачки у мисок, старинная детская штора из Владикова детства, посеревшая и полинявшая.

Комната у Владика вот такая. Поднимаешься по покрытой сталактитами и сталагмитами лестнице, очень древней,

истёртой лестнице. Дому то лет 200. Последний этаж пристроен был при Сталине. Тогда, наверное, был и последний ремонт. Тогда, наверное, и нарезали комнатух, пять штук, одна большая кухня, ванная с колонкой. В каждой комнате – эгоист-солипсист, типичный питерский одиночка живёт. Всё же продвижение есть – в каждой комнате по телефону. Порядки в коммуналке такие: никто в душу не лезет ни к кому, никто голый по коридору не ходит. Коридор – зона приличия. Никаких коммунальных бесед по душам. «Здравствуйте» – сказать можно. В комнатах скрываются молодые люди, пара одиноких мужчин, несколько семей. Стариков здесь нет. На коммуналку эту в центре города раззявили рот всякие бандиты-акулы-риэлтеры. Квартирка провела совещание. Никого не пускать даже на порог. Только своих друзей и родственников. Внизу домофон, наверху, при входе в квартиру, пять кнопок звонков на двери. На них никто вам дверь не откроет, хоть умри. Как бы ты не вопил, что к Владу, но коль кнопку перепутал, иль, коль Владик не отвечает – ну так и иди отсель, никто дверь не откроет тебе. Отличная система! И люди живут тут уютненько, местоположением у Невы дорожат, никаких разменов и в помине нет, всех такое сожитительство устраивает. Коридор, правда, жуткий. Линолеумные плитки от пола отщербились, обои древние подраны котами и засалены до ужаса. А вот и котик сиамский бежевый, с мудрыми еврейскими глазами и с морщинками на щеках, смотрит на вас, греясь на батарее, на

шерстяной подстилке. В ванной чисто, ванная белая, лучше, чем в отдельной квартире у меня. Когда летом нет горячей воды, я у Влада с удовольствием без брезгливости моюсь в его коммуналке. Так что мифы всё это – про непременные ужасы коммунальной жизни. Кухня – место молниеносной готовки жратвы. Добежал, засунул в газовую плиту, забрал с собой в свой номер. Можно помыть посуду, если надо. Из окна вид на крыши и трубы. Хороший вид. На окошечке раскинулась тощая узорчатая герань, похожая на коноплю.

В комнате у Влада стоит тёмно-зелёный диван, новый, но уже разваливающийся от постоянного барахтанья и ворочанья на нём крепкого человеческого тела, иногда и не одного. Диван из мерзкой породы с глубокой бороздой посередине, так что когда спишь по центру, то тело в щель закатывается и там даже ущемляется, если не подложишь одеяло потолще. Шкаф с барахлишком и пустыми коробками отгораживает уголок жратвы в углу. Там батюшко-кормилец, дряхлый, но работающий советский холодильник марки «МИР» с округлыми формами. Не светит и не греет, холодит отменно. На холодильнике Влад держит грязную посуду. Гигантские подгорелые сковородки, кастрюльки с пельменной отработанной водой, тарелки со следами пищи. Мыть посуду Влад отказывается категорически. Мегера Фёдоровна с этим смирилась, раз в неделю она приезжает и моет посуду, метёт затоптанный как в конюшне пыльный пол, устланный рваными упаковками от жратвы, раз в два месяца стирает серое

затёртое до дыр постельное бельё. Я пыталась помыть Владу посуду- но он на меня гаркнул- не надо, это дело пусть Мегера делает, она профессионал... Ну и отличненько. Я прихожу к Владу как девочка ради чистого гедонизма.

Ещё у Влада комната его зелёнообойная чем-то провоняла от антисанитарии. Пахнет самцом, несвежим бельём, куревом, алкоголем и старыми питерскими стенами, очень старыми стенами, впитавшими вонь котлет и сапог, сонного пота, мебельных испарений и пыли ушедших эпох от ушедших одежд ушедших людей. Пора делать ремонт в комнате этой замшевившей.

Когда по ущелью Шпалерной проезжает особо толстая и нагруженная машина, дом заметно трясётся. Сначала я изумлялась этому забытому ощущению. В детстве и юности я тоже жила в доме, который дрожал от каждого трамвая днём, а ночью от чего-то необъяснимого, ночных подземных поездов метро, наверное, так как по улице ничего не проезжало, а дом вдруг ощутимо потряхивало, аж ложки в стаканах звякали и створки трюмо чуть колебались, но потом я к этим потряхиваниям привыкла. Трясётся, но не рушится, значит, система жёстко-мягкая, притёртая, простоит долго.

За шкафом прячется обеденный столик. Там стоит заплюзганный электрочайник, много раз эксплуатируемый. На столе всегда можно увидеть большой пузатый заварной чайник с обитым краем, в него Влад забрасывает четыре пакетика чая, заливает кипятком и это пьёт в свежем виде. Сле-

ва – сервант. Там рюмочки тонкостенные советские стоят, а также чашечки маленькие запылённые, так как Влад любит пить из огромной длинной чашки с розочкой, куда полтора стакана жидкости помещается. Также в буфете Владик держит булочку, плюшки, сахар и горчицу в тубике, также ложки и вилки старинные, от предков запавшие, в ящике специальном.

(((((

Любовь к порядку в этой части комнаты сыграла как-то с Владом злую шутку. Мегера Фёдоровна как-то узрела тубик с горчицей в серванте, а не в холодильнике, что является непорядком. Она горчицу положила в холодильник. А на место, где обнаружилась горчица, Мегера Фёдоровна положила тубик клея «Момент», который лежал на обеденном столе, что тоже непорядок. Влад поутру, отправляя в рот разгорячённую сардельку, сверху густо снабдил её выдавленным столбиком из привычного тубика, полагая, что это горчица. Засунул в рот, подивился странному острому синтетическому вкусу и тому, что вроде как зубы липнут. Взял вторую сардельку, опять её намазал тем, что полагал за горчицу. Опять подивился и съел. Зубы совсем слиплись. Влад стал про себя чертыхаться, что за горчица такая некачественная на этот раз попалась! Приблизил к носу тубик, увидел, что это клей «Момент»! Но деваться некуда, клей в животе, обратно не выдавить. Последствий никаких не было. Сожрал, в целом,

полтюбика.

Рядом со столом у Влада стоит старинное кресло, дореволюционное, тоже привет от предков-петербуржцев. Кресло низкое, с оборванной тканью, но с ручками и спинкой, имеющими украшения и резьбу, а также хорошенькие воткнутые гвоздики для усопшей и истлевшей, красного шёлка когда-то обивки. В углу – телевизор, который у Владика работает денно и нощно. Также денно и нощно в комнате горит люстра. Слабонервный Влад боится темноты и тишины, он спит и ест при свете и шуме, если выключить – начинает зверски ругаться. Очень энергозатратный образ жизни ведёт Влад, как и положено крупному самцу. Под телевизором в тумбе у Влада трусики и одежда. Одежды у него мало. Дома Владик сидит в ярко-голубом спортивном костюме с пошлыми красными и белыми полосками. Костюм это воистину бессмертен. Он не снашивается, из такой материи синтетики он сделан!

Влад вообще любит пластмассу и синтетику. Он считает, что чем технологичней, чем искусственней, чем дальше от природы – тем лучше. Он до хрипоты настаивает на этом. Он любит пластмассовую мебель, что на мой вкус ужасная гадость. Он говорит, что ненавидит природу, что любит нюхать аромат выхлопных труб, любит видеть гладкий асфальт без всяких гадостей – земли там какой, травы или цветочков. Он говорит, что хотел бы вживить в себя всякую технику, например – мобильник. А то всё равно теряется всё

время, или надо его куда-то к телу в одежду пристраивать. Одежду Влад любит рабочую. Напокупал себе комбинезонов с грудками, ляжками и кармашками спереди. В кармашках Влад носит целую лабораторию, целый набор инструментов. Ножи, отвёртки, провода, омметры какие-то, дрели, шуруповёрты, кисточки. Идёт весь в функциональном металле. Это вам не бирюльки металлистов и всяких манерных пацанов. Это всё рабочее, нужное.

Сверху Владик любит одевать что-нибудь яркое. Ослепительно жёлтую куртку-дождевик с капюшоном и кармашком спереди, или ослепительно красную куртку-дождевик такого же фасона. Идёт как палач города Лили, бровями своими густыми и выразительными шевелит, зубы свои крепкие за крепкими губами скалит в притворной язвительности.

Идёт Владик по городу, сияя курткой лучезарной и бритой лысиной лучезарной, идёт, как луч света в тёмном царстве, металл на нём звенит, ментов пугает.

(((((((((((

Любимое занятие Владика – дразнить собак и ментов. Как увидит собаку – начинает на неё гавкать, чтобы она изумилась и рехнулась от удивления. Лаает Владик на всех подряд собак, независимо от размера и породы. Собаки крепконервные отвечают ему строгим злым лаем. Собаки слабонервные трясутся и писаются, путают свой поводок за ногу хозяйина, доходя да жалобного визга и предсмертных судорог от

страха, что вот какой-то тощий огромный калека-пёс, двуногое чмо без хвоста, страшные зубы показывает, лает гадко. Ужас!!! Хозяин выходит вперёд и начинает ругать Владика. Владика этого только и надо. Кого-нибудь удивить, вывести из скучной однолинейности жизни. Любит Владик входить в общение и с другими животными. У него было две кошки. Одной, очень пушистой и толстой, он обрил её пушистый хвост до розовой кожи, отчего она стала похожа на смехотворное существо. Второй белой кошке он фломастером подрисовал под глазом фингал. Мегера Фёдоровна увидела, что что-то с кошкой не то. Влад ей говорит: «Видишь, подралась, фингал ей под глазом поставили!». Мегера Фёдоровна охнула, присмотрелась, потом до неё дошло, и она отобрала у Влада кошек.

Мой кот Китс сразу понял, что за зверь Владик. Владик стал корчить рожи коту, лаять на него. Китс на него посмотрел презрительно, как на слабоумного чувачка, и на всякий случай спрятался в соседней комнатухе. Только Влад заснул, Китс нассал ему под его белоснежные копытники. В следующий раз Влад поймал Китса и посадил его на антресоль. Китс хладнокровно там уселся и стал смотреть, что этот лысый самец будет делать дальше. Лысый Влад подошёл, стал лаять на Китса, рычать, скалить на него зубы. Китс спокойно на всё это смотрел, тогда Влад стал его палкой подгонять, чтоб Китс, очевидно, полез на потолок от страха. Китс посмотрел прямо в глаза мучителю, холодно так, с человече-

ским презрением. Потом он как бы прищурился, измеряя на глаз расстояние. Потом он прыгнул. Прыгнул он удивительно. Прыгнул он так, чтобы во время полёта чуть скребнуть Влада по лысине всем четырьмя лапками, а потом приземлиться точно у двери в среднюю комнату и там и скрыться под диваном. Когда Китс прыгал, все мы взвизгнули. Сначала показалось, что Китс метит Владу глаза выдрать, как это любят с обидчиками делать злые коты. Но и Китс и Влад – оба добряки по натуре, так что прыжок был образцово-показательный. Китс как бы сказал: «Ну чего, чувак, шутки шуткуешь? А слабо вот так вот, с такой хирургической точностью, а?». Влад ошалел от мужского поступка Китса. Стал ругаться на Китса.

В третий раз Китс показал Владу фак. Влад стал ещё ниже подавать голос, ещё на первом этаже. Китс сидел на цветочных ящиках, на высоте четвёртого этажа, наблюдал за жизнью воробьиной семьи, дышал летним воздухом. Когда он увидел лысого Влада, который кричал: «Котик Китсик! Я иду к тебе! Я сейчас буду! Хвостик тебе подстригу!», то лицо его выразило высшую степень презрения. Потом Китс повернулся попой к Владу, задрал победоносно хвост и покачал им, как качают рукой, другой эту руку поддерживая, как знак фака. Влад растерялся. «Мне Китс показал фак!», – сказал он нам. Дети обрадовались и сказали гордо: «Знай нашего Китса! Он ещё и не так может!».

(((((((((((

Но всё же на первом месте из всех удовольствий у Влада стоит удовольствие дразнить милиционеров. Когда-то Влад носил джинсы в цветочек и длинные волосы, когда это было делать нельзя. Менты сильно тогда длинноволосиков обижали. Я смотрю на Владика и пытаюсь прицепить в уме к нему длинные тёмные конские волосы. Не получается. У Владика низкий лоб. Такой лоб обычно делает красивыми женщин-Венер с густыми волосами, которые они гребнем зачёсывают назад. Нет. Решительно не могу представить Владика в волосах, такого всего гладкого и безволосого, как мраморная статуя...

Потом Влад решил резко сменить имидж и побрился налысо. Получилось расчудесно! Голова лоснится, сверкает на солнце розовой кожей, череп у Влада хорошо сложен, фигура статная, длинная, морды он корчит ужасные. Владик, кстати, занимаясь еженедельным бритьём головы, задался целью лишить своё тело вообще всякой растительности. Стал изучать журнальчики, теребить специалистов из косметических салонов. Потом выбрал самый доступный путь – купил много-много тюбиков с кремом для депиляции, для нежной женской кожи. Потому что мужская кожа и женская мало отличаются, только волос резче лезет. Волосы на ногах и груди на время отпали, а вот на голове фокус не удался. Приходится сбривать бритвой обычной почаще, так как волос из Влада лезет густой и мощный.

В-общем, менты видят в бритом налысо и сверкающем жёлтой курткой Владике что-то глубоко чуждое порядку, что-то необъяснимое и настораживающее...

Недавно Влад вдруг сказал, что он потомок литовско-немецких баронов Литопурков. Он вдруг разразился загадочной фразой: «Как он смел, смерд, крестьянский сын, перечить мне, барону Литопурку!». Это Влад так сказал о милиционере, который требовал у Владика паспорт, испугавшись его экзотической Рамштайновской внешности. Владика опять приняли за олдowego, немолодого главу скинхедов.

Я обалдеваю от внезапно открывшегося барона Литопурка. Ужасно смешно – барон Литопурк. Ха-ха-ха! Сейчас упаду с дивана на затоптанный пол, посыпанный обёртками от данкейксов! Хотя Владик никогда не врёт, всё, что он говорил пока – всё чистая правда. Как его голубые глаза. Иногда, когда Влад в хорошем состоянии, глаза у него красивые и голубые. Голубые и кроткие, как у трепетного голубя. Когда ужрамшись – глаза цвета грязи на асфальте, абсолютно непонятные.

Так, значит мы бароны Литопурки! По маме или по папе? Оказывается, по маме. Баронесса Литопурк, говорливая женщина, умеющая готовить вкусные штучки, имеющая непонятную тягу к английской культуре. То вдруг на сраных зелёных обоях Владика приклеит вырезанную картинку с рисованной джинсовой парочкой из 60-х. То вдруг приклеила

вырезанный откуда то рисованный «Биг Бен». Так стильно! В ней, в этой затоптанной двумя неженатыми сыновьями советской домохозяйской пенсионерке явно пропадает талант к современному искусству! Она явно коллажистка! По ней Гельман и Бакштейн плачут!

Когда она как-то пожаловалась сыну на старость, он ей посоветовал джинсы в стразах от Версачи носить. «Чего ты Мегера Фёдоровна жалуешься!— сказал Влад. — Надень джинсы в стразах, курточку короткую серебристую или розовую, например, и так ходи, и старости в тебе поубавится!». «Ты что, что ты, что ты!»,— застеснялась представительница древнего рода Литопурков, чья смелость сильно подпорчена на генетическом уровне жизнью двух поколений предков при совдепе. Так что Мегера Фёдоровна предпочитает ходить в сером, как все её ровесницы кроме Аллы Пугачёвой, не выделяясь из толпы.

(((((((

По поводу ментов... Я то вижу, что на самом деле в глубине души Владик страшно рад, когда милиция обращает на него внимание. В родном отделении Центрального района на него внимание уже стараются не обращать, его вроде как все тут уже знают как безобидного идиота.

Но на окраинах города его возбуждающий фантазии вид постоянно привлекает стражей порядка. «Ну-ка, что за проводки у вас из сумочки торчат?». «Конечно проводки от бом-

бы. Я же террорист, везу 10 кг тротила», – шутит Влад, делая страшную морду. Иногда, когда стражи порядка не обладают чувством юмора, они требуют у бритоголового человека паспорт. И тут – кранты полные. Всё во Владе диковинно, но документы его диковинней всего в нём. Самая суть диковинности Владика – в его паспорте!!!!

(((((((

–Ну, расскажи, что ты там такое удивительное с паспортом вытворил? Почему ты гражданин мира?

– Я отказался от советского гражданства. Я ненавижу комсу и комуняг, пошли они в жопу! Меня, барона Литоपुरка – сделать гражданином этой сраной страны!

–Йё! Чегой-то ты так разбесился. Страна сраная, но ты тут вырос. Переделай эту страну! Этой стране нужны крепкие красивые совершенные парни типа тебя. Не всё же Рамштайну хвастаться своими немецкими красавчиками!

–Легче из неё уехать. Чем северней и западней, тем люди лучше.

–Перестройка же была?

–Плевал я на перестройку. Народ здесь поганый живёт. Крестьянские дети. Как увидишь крестьянского сына – убей его! Как увидишь комсу – убей! Комунягу – на кол! Мне Горбачёв лично подписал согласие на то, что я не гражданин СССР.

–И кто же ты?

–Гражданин мира!

–Нет, всё же какой-то документ то ты получил?

–Я добился. У меня вид на жительство. Я имею прописку, могу платить налоги и получать медицинское обслуживание, но я не могу быть избранным в депутаты и не могу служить в армии!

–Ой! Ой-йё-ёй! Какой ты хитрец! Да ты просто так от армии закосил, да? Какая ты шельма!

–Да, закосил, и других научил. Пошла нах эта армия. Я хиппи, я против войны и против государства! Я ненавижу эту страну и этот народ!

–Ну, так я тебя не понимаю. Надо было тебе там остаться, когда ты там был.

–Я сам не понял, зачем я вернулся

–Ну, так тебе надо опять отсюда во Францию или Англию. Тебе там будет хорошо,– говорю я с холодом обиды внутри. Он меня не любит.

–Я нахожусь под условным сроком.

–Ни хрена себе!!!! Как это?

–Да ни за что, по пьяни. Хотел пообщаться с людьми... Мне приписали, что я бутылкой по голове... Потерпевший сам был пьян. Он хотел взять обратно свои показания. А менты, козлы вонючие, не отдали... Через 7 месяцев я буду свободен.

Ничего себе барон Литопурк учудил! Бутылкой по голове! Хотя его предки, наверное, тоже в выражении чувств не

стеснялись. Били мечом по голове или по шее, и всё им с рук сходило....

– Не было бутылкой. Не было ни шишки, ни сотрясения. Тот чел даже не почувствовал...

Владик оправдывается истерично.

– Я не хочу в тюрьму! Ни за что не хочу! – вдруг говорит красномордый жуткий Владик, которого я не то что начинаю бояться, но порой смотрю на него как на кусачую запредельно ядовитую тварь, в своих противостояниях наносящую удар выше меры. Уж больно простонароден Влад... Или, наоборот, бароны потому и стали баронами, что отвечали на удар ударами превосходящими, добивающими противника. А те, кто стремился блюсти меру типа око за око, те остались баранами. Барон отличается от барана тем, что за око голову отгрызает, и никаких мук совести... Нарушает равновесие в сторону своей экспансии. Может, первым не начинает, но если кто на его территорию позарится, так и сам жив не будет, и земельку свою отдаст, а барон расширится за счёт своего праведного непомерного гнева. Хм. Барон Литопурк...

– Я в Голландию хочу. Я, как появится возможность, обязательно туда навсегда уеду.

«А я как же?», – хочу я задать вопрос, но не задаю его. Интердевочка проклятая, вот ты кто, Владик. Ты замшелый фарцовщик, любитель ихней жизни. Это, Владик, пошло. Но я ничего не говорю страшенькому Владиду.

Владик раздвигает диван и закрывает дверь изнутри.

–Сударыня, а не пора ли нам перейти к совокуплению?–
говорит Владик.

(((((

Владик приходит донельзя возбуждённый. Он мне показывает свою расползшуюся от многочисленных купаний в Неве ксиву, по которой он является лицом без гражданства, проживающим на Шпалерной улице. Ему нужно было ксиву продлить, но по новым законам его заставили пройти медицинское обследование. «Ты не представляешь, что эти твари со мной учудили, лекаришки эти бюрократические!». «А что они с тобой учудили?»,– с некоторым волнением спрашиваю я. «Я пришёл, а они у меня кровь взяли из всех мест, и из пальца, и из вены... Я чуть сознание не потерял, я не люблю кровь... Потом просветили рентгеном. Простукали, прослушали. И даже ёршиком в задницу зачем то залезли! И там покрутили!». «Ёршиком? Какой бред!». «Я тоже изумился. Я не ожидал. Но теперь я – гражданин мира ещё на год, менты, козлы вонючие, ко мне теперь не придерутся!»,– гордо восклицает Влад. Я смотрю на него скептически, всё же он мудака, этот барон. На деле он сделал своим странным гражданством столько бытовых проблем, что тяжба с государством тех жертв не стоит! Хотя то, что Влад такой зловредный анархист, такой крючкотвор, который смог пойти против махины государства – мне это ой как нравится, ой

как мне это нравится....

ДРУЗЬЯ ВЛАДИКА

((((

Друг у него Миша Взоркин. Это такой толстый еврей, который ждёт смерти своей тёти. Он живёт один в хрущовке, он очень умный и начитанный, безумно любит книги, музыку и кино. Работать он не умеет. Негде интеллектуалам работать. Тонкий слой культуры – он как тощая аура на теле мясного телесного общества, живущего как биопланктон. Тот планктон обывательский живёт ради брюха, размножения и набивания квартирок барахлишком, а также банковских счетов циферками с ноликами. А вот Миша Взоркин – типичный планетарный фрик-интеллектуал. Он ни хера не зарабатывает, братья евреи по разуму ему помогают жить. Дают чуток бабла, чтоб он не сдох в своей хрущовке и не провонял там беспризорным трупом. Много бабла Взоркину не надо. Ест он немного, но жирно и вкусно. Он почти не двигается, приростя к компьютеру и будучи его мясным продолжением. От этого Миша жирён, холёный вид имеет и жиреет всё больше.

Миша набивает квартиру книжками и дисками. У него собран нектар сегодняшней реальности. Всё лучшее, что производят в культуре люди, всё это Миша коллекционирует и хранит. Он эксперт высокого класса в этом деле. Но ему лень социализироваться, куда то идти, куда-то предлагать себя, куда-то себя встроить, или, ещё чего доброго, са-

тому что-то возглавить и руководить. Миша восседает тучный на скрипучем кресле перед компом, кой-куда всё ж ему подсказали пописывать, кой-какие монетки ему капают иной раз. В нете нашёл сайтик, где за статейки платят...

Девушки ленивого Мишу мало интересуют. С ними надо трудиться – трудиться на подступах, чтоб соблазнить. Потом, поймав, опять трудиться. А нах всё это надо. Миша плюнул на девушек, он смотрит манго-порнушку, где трахаются нарисованными пиписками мультяшные аккуратные девочки с огромными кукольными глазищами, крошечными носопырками и чистыми малюсенькими губками без микробов и грязи. Он сам большеглаз, с маленькой носопыркой и ротиком, он сам отчасти в стиле манго.

Правда, годы берут своё. В чёрных роскошных кудрях завелось серебро, серебро появилось даже на кудрях на брюхе и груди. Миша к этому относится с грустью, но благостно. У него слишком много радости в жизни – найти в компе нового писателешку, прочесть его, вынести своё суровое мнение по поводу его творений. Или выловить задорную критику на литературный процесс и согласиться с ней или нет. Также полакомиться только что выползшим фильмом, эстетски снятым. Или утащить в свою компьютерную папочку новую музыку, недавно кем-то состряпанную и интересную. Попсу Миша не терпит, он слишком тонок и элитарен. Но вкус у Миши всё же странный. Миша иногда затачивается на что-то скучное и длинное, что ему кажется интересным и познавательным.

Или иногда его влечёт сало, жирное, грубое и похабное, с площадным улюлюканьем, кем-нибудь бездарным написанное. Когда похабно, то тут Миша теряется. Тут он уже не отличает одно от другого и может проглотить полное гавно, не просто проглотить, но и получить от него оргазмическое удовольствие. Потому что сам нежный.

Что-нибудь самому творческое сделать Миша не в силах. У него вроде есть всё – тонкая рафинированная душа, хороший вкус, позывы к чему-то туманному. Но нет. Написать свой стих или рассказ Миша не может. Отзыв о книжке или фильме – это он ещё может. А вот свой стих или рассказ – нет. Тут ведь надо полюбить себя, свой стержень, найти в себе кость и остяк, и так крепко взяться за этот шест, что даже заорать на всю ивановскую о себе, своих чувствах и видении мира. Ленно это Мише.

У Миши богатая одинокая тётушка в очень хорошей квартире живёт. Когда Миша был мальчиком ещё, уже тогда кто-то ему шепнул, может мама, может папа, что Миша – её наследник. Что когда тётушка умрёт (тут мальчик Миша нежно взвизгнул от ужаса), тогда квартира и наследство достанутся Мише (тут Миша призадумался). Откуда старая пердунья нахапала свои сокровища – это пусть будет в тумане. Может, овдовела удачно. Может, получила в наследство от цепко и жадно живших родителей. Неважно. Мише тогда шепнули в детстве, что ему надо чтить тётю, и тогда он будет Наследником её несметных сокровищ. И вот Миша уже по-

седел головным и телесным волосом, но неукоснительно по субботам ходит на чай к тётё. Это его железное правило с надеждой получить за его исполнение заслуженное вознаграждение. Тётушка не умирает. Она и не стареет даже. Она законсервировалась и превратилась в вечный соблазн для Миши. У них даже азарт возник, о котором вслух они не говорят – кто кого переживёт. Вполне возможно, что тётя унаследует хрущовку своего племянника со всеми его ценностями и драгоценностями, со всей его прекраснейшей, аппетитнейшей для знатоков коллекцией всего лучшего в культуре, созданного при Мише и до Миши. Правда старомодная тётя, знающая толк в столовом серебре, настольной бронзе, хрустальных люстрах и подлинном багете, не столь хорошо разбирается в виртуальных ценностях, которые и потрогать то нельзя, диски да диски какие-то одинаковые белёсые с нехорошей искусственной радужностью на поверхности. Что там внутри тётю не очень волнует.

Но в целом и Миша и тётушка живут в своё удовольствие, делая то, что им больше всего в этой земной жизни хочется. Миша вылавливает сливки культурки в Интернете, тётушка сладко потягивается в своей роскошной большой квартире среди милых дорогих вещей.

Владик сильно любит Мишу, иногда даже испытывая к нему гомосексуальную тягу, так как Миша жирён, сисяст, жопаст и пахнет свежей жирной девочкой. Но всё же больше всего ему нравится тонкая нежная любознательная душа

Миши, его меломанство и синефильство, его бескорыстная страстность фрика-коллекционера. Оба они – гумос культуры, а гусак гусака чует издалека...

(((((

Ещё у Владика есть друг по кличке Высоколобый. Это тоже одинокий бессемейный и бездетный фрик. Он увлечён другими вещами. Он увлечён компьютерным нутром. Он сам себя возделал в великого программиста, въедливо сутками бессонно просиживая перед монитором. В отличие от Миши и Влада, увлечённых вечными и эфемерными культурными ценностями, Высоколобый увлечён тем, за что деньги дают. Он научился очень хорошо зарабатывать, оказывая элитарные компьютерные услуги нуворишам. Ну, там в банке комп накрылся, и вся ценнейшая информация исчезла. Зовут Высоколобого, Мерседес, джип, вертолёт за ним посылают, слёзно молят, чтоб спас. Он поколдует с умным видом, восстановит исчезнувшее, и хозяин на радостях хорошо одарит Высоколобого. Деньги полученные вкладывает в то, что ему больше всего нужно. У него машина, квартира, плазменная панель во всю стену, самый лучший компьютер и всякие технические игрушки.

Недавно Высоколобый уехал в Голландию. Туда его сманил русский друг, давно уже там угнездившийся. В принципе Высоколобому без разницы, где жить и где добывать бабосы на новейшие технические игрушки. Но друг обголландил

дившийся таки сманил. Нет теперь Высоколобого в Питере, на одного друга стало меньше, к которому можно сходить в гости и сладко до доньшка потрындеть о всяких штуковинках и финтиклюшках компьютерных...

((((

Ещё у Влада есть друг-сантехник высокой квалификации. У него есть семья, жена и дети, человек он более простой. Простой, но с изюминкой. Он как-то купил маленького питончика. Прошли годы. Питон вырос. Влад зашёл навестить своего сотоварища. «Как твой питон? Где он?»,- спросил Влад. «Ой, и не говори!»,- сказал Серёга и опасливо показал на запертую дверь. Питон подрос. Вытянулся до 5 метров. Потяжелел. Рос питон тяжело. Ему надо было периодически менять кожу и ложиться на зиму спать. Питон обычно почёсывался, обвиваясь вокруг табуретки. Потом ему табуретки стало мало, он стал почёсываться, обвиваясь вокруг ножек стола. Однажды он чесался, чесался, и стол сломал, ножки сплющил в кучу. На зиму питон забирался за шкаф и там спал. Однажды он забрался за шкаф, там долго ворочался, перед тем как заснуть, но стал он так жирён и огромен, что шкаф завалил на бок. В-общем, тварь эта переломала в доме всю мебель.

Питается питон кроликами. Ему покупают раз в неделю живого беленького кролика, выставляют его попрыгать в коридоре, питон на него издали с вожделением и нарастающим аппетитом посматривает, потом кидается и глотает. Пе-

реваривает неделю, спокойный, как бревно. Однажды к сантехнику зашёл сосед с беленьким пуделем. Пока мужчины беседовали, пудель забежал в соседнюю комнату. Потом оттуда раздался чудовищный вопль собаки. Когда беседовавшие мужчины туда вошли, то увидели пуделя, вскочившего непостижимым образом на высокий шкаф. Из угла комнаты на пуделя со странным выражением лица смотрел питон. Питон увидел беленького и кудрявенького, цокающего коготками по паркету... Он принял пуделька за кролика и захотел его съесть. Как влез пудель на шкаф – было неясно. Но беседующие мужчины вовремя зашли в комнату, где проводил время питон. Сосед страшно ругался и возмущался, ещё пара минут, и его пудель бы погиб неприятной смертью.

Теперь от греха подальше питона запирают в отдельной комнате. А он всё растёт и растёт. Что будет дальше – непонятно. Но сантехник Серёга привык к своему домашнему зверьку, он его по-своему, странной любовью любит, и потом мы в ответе за тех, кого приручили...

(((

Есть у Влада и пара одноклассников, с которыми он поддерживает отношения. Один из одноклассников стал бандитом в весёлые девяностые. То есть он стал предпринимателем, научился делать деньги, создав какое-то производство. На запах денег тут же пришли рэкетеры, пошли разборки кто кого крышует и кто кому платит с несчастного стада

подстриженных овец. Кончилось тем, что честный русский парень Никита Спиридохин, честно верящий в трудолюбие, предприимчивость и порядок в деле кто кому даёт и кто кого крышует, верящий если не в конституцию, то в негласные правила бандитской чести, этот Никита Спиридохин в острый момент достал пушку и пристрелил вымогателя. Сел на 12 лет. Сидит.

Второй одноклассник пошёл в противоположный стан. То есть он туда попал не по настоящему, а искусственным образом, он стал хорошеньким актёром и во всех сериалах играет положительных смазливых ментов. Парит людям мозги со своей смазливой голубоглазой внешностью. Изображает умного, честного и смелого такого сотрудника «органов», и вечно он в сериалах ловит тех, кто «честно жить не хочет». В-общем, лживое что-то он изображает, к жизни отношения не имеющее. Стрельба, погони, красиво закурить от волнения вместе с красивой бабой-ментовкой, расследующей очередное убийство. А страна рушится, крошится, высасывается, единичные убийства это ничто по сравнению с вымиранием и убийством целой нации и всей страны.

Вот так вот судьбы одноклассников разошлись на противоположные станы. Один реально сидит в тюрьме за то, что пытался честно поверить в честное предпринимательство, а второй играет доброго мента, таких вот «негодяев убийц» излавливающих...

((((

Но самый оригинальный и странный друг Влада – полу-криминальная личность по кличке Поп. Он живёт по соседству, в коммуналке на Фурштадтской. Это тоже страшно ленивый типус с нежной и тонкой душой. Он обладает колоссальной памятью, филологически одарён, знает наизусть множество стихов. Стоит ему прочесть один раз текст, и он может его пересказывать почти дословно. Такая мощная голова у Попа. Своим талантам Поп найти применение не придумал. Работу не нашёл себе по душе, чтобы гениальность свою применять радостно, отдавать её на пользу людям, и чтоб платили ему столько, сколько нужно ему для поддержания его толстого, требующего питания, еды и веселий тела.

Он мучался, мучался, незаметно как-то подсел на героин. Без героина и жить то не может. Деньги нужны регулярно. Ломки мучают. И вот тогда Поп стал Попом. Он сшил сам себе рясу наподобие монашеских. Сделал шапочку. Всё сделал виртуозно. Захочешь чего-то сильно, и не тому научишься. В антикварном магазине купил огромный тяжёлый крест. Захочешь чего, так для приближения к цели и деньги последние вложишь. Выучил наизусть Библию. То есть она сама ему запала при чтении в голову целиком. И вот в виде убедительного попа Поп пошёл на панель. Смастерил себе ещё чёрную коробочку с прорезью, на которой написал золотыми буквами «На пожертвования для Свято-Введенского Монастыря Сергиевой Лавры». В таком виде Поп пошёл стоять

в метро, там тепло, и дождь со снегом костюм не испортят. Да, к тому же он ещё отрастил себе длинную бороду и длинные жидковатые волосы. Стоит Поп, иногда крестит крестом своим проходящих. Люди грешные всё мимо бегут, многие деньги во искупление своих грехов Попу в ящичек бросают. Так Поп решил проблему, как доставать регулярно деньги на героин. Иногда с Попом измученные чувством вины женщины, а также увядшие и тщетно стучащиеся в небесные врата мужчины вступали в робкие беседы. «Батюшка, помоги! Батюшка, расскажи, что делать, как быть!». Поп с важным видом удачно цитировал Библию, советовал молиться, поститься и не скупиться пожертвованиями на церковь. В принципе ничего плохого Поп людям не советовал. Коробочка его каждый день была полна шуршащими и звенящими. Пару раз прицеплялась чересчур бдительная милиция. Один раз заболтал. Второй раз попал в кутузку и был предупреждён. Но отдал выручку и был отпущен.

Владик говорил Попу: «Ты хоть часть выручки в церковь относи. А ещё лучше отправляй на адрес церкви, на расчётный счёт хоть какую-то сумму. Тогда к тебе никто не придерётся!». Но Поп был очень жаден. Жаден до жизни, и вообще. Он много ел и любил красивые новые джинсы. Был экономен, стремился на всём сэкономить. В церковь деньги не отдавал.

Сэкономил на одноразовом шприце в аптеке. Подцепил СПИД. Бежал за героином на Северный рынок, там хачи с го-

товыми шприцами стоят коридором. Невмоготу было, кольнулся прямо на улице за кустом. СПИДок получил от врагов русского народа. Попал в клинику, где спидоносцам делают поддерживающие жизнь процедуры. Позвонил другу Владик. Владик навещал друга с воодушевлением, поддерживал его морально, чтоб тот не впадал в уныние. Там была в соседнем женском отсеке знаменитая певица Сирена. Она тоже, сучка мелкая, грязно кольнулась и подцепила СПИД. В отличие от Попа, который плакал только первые четыре дня, когда узнал о неминуемой кончине беспечной жизни, Сирена впала в агрессию и психоз. Била ногой медсестру и трясла дверями. Все удивлялись тому, что она такая невыдержанная и забздевшая. Владик получил яркие впечатления, ежедневно навещая и морально поддерживая друга.

(((((((

Владик приходит ко мне пьяный-пьяный. Он падает под детский спортивный уголок и начинает снимать свои синющие джинсы. Хочет трахаться. А мне чего-то с ним как-то не того. Не хочется с этим животным совокупляться.

Владик говорит:

–Су-, су-, су-... Сударыня, да-, да-, да-... Давай совокупляться!

Я смотрю на Владика с презрением. Из его джинсов вываливается множество денег. Бумажки сыплются рублёвые и долларовые, мелочь железная сыпется. Я смотрю на Владика

с изумлением. Влад пытается деньги подобрать, но колени у него расползаются, руки не слушаются.

–Ай! Ну их!, – смиряется с рассыпанностью денег Владик. – Давай совокупляться!

Но я очень-очень заинтересовалась выпавшими денежками. Я собираю их с ковра и раскладываю на две кучки.

–Владик, у меня бабла сейчас нет! Может, подкинешь мне чуток! Ты же жениться на мне хочешь, да? Ну, так давай всё пополам! Половина тебе, половина – мне. Вот давай всю эту кучку поделим. Вот это тебе, вот это мне. Вот это мне, это опять мне, а это тебе. Прикинь – я по справедливости делю, чтоб сумма была пополам. Это мне, это опять мне, это ещё мне.

Влад вдруг живо встаёт с колен, фокусируется, концентрируется, уже не так раздваивается. Он довольно грубо отпихивает меня плечом и коленом от кучи и говорит:

–Нет-нет-нет! Всё не так! Сударыня! Уймись. Это мне, это опять мне, и вообще всё мне, это мои деньги!

Влад берёт и всю кучу бумажек, и часть железных монет загребает в небольшую такую весёлую пирамиду. Я пытаюсь прихватить железных денежек, но Влад вдруг орлиным трезвым глазом зыркает на меня, и эти монетки из под моих рук тоже загребает себе, все-все деньги засовывает в кожаную куртку свою, в её огромные вместительные внутренние карманы.

– Ах, какой же ты жаднющий! Как же жить с тобой, Влад!

– Это мои деньги, и ни с кем я делиться ими не собираюсь! И вообще не до денег. Пора совокупляться. Видишь, как мой Василий на тебя реагирует!

Василием Влад называет понятно какую свою живую и ве-
сёлую часть тела. Василий действительно уже очень оживлён
и как бы ко мне тянется и за мной следит. Я начинаю бегать
вокруг Влада, а его Василий как подсолнух за мной повора-
чивается. Ужасно смешно! Я забываю про жадного отврати-
тельного Влада.

Ну его с его жадностью. Я же не интердевочка, деньги ко
мне всё равно непонятно откуда, но приходят, и всегда во-
время, когда совсем тоскливо – вдруг приходят.

((((((((((((

– А, кстати, куда ты тогда делся?

– Я попал в больницу.

Я холодею от страха. Владик пугает меня. Вдруг он в спи-
доносной клинике руки не помыл.

– Я съел по своему обыкновению сырую печень, и чуть не
умер.

Фу. Пронесло на этот раз!

– А как это ты сырую печень ешь?

– А так, она вкусная. Я её беру и вот этими клыками, вот
этими (Влад показывает мне свои чуть торчащие клычки
по бокам), вот ими я печень разрываю и ем. Жареная она
невкусная.

—Ну ты и хищник!

—Человек по определению хищник. У него специально клыки есть. Резцы, чтобы откусывать, клыки, чтобы рвать.

—Ну и как ты умирал?

—А вот так, очень просто. Меня забрали в больницу и не могли понять, что со мной. Я всегда ем сырую печень. А на этот раз мне не повезло. Это была какая-то плохая печень, печень западная, американские фермеры пожалуй эту печень вырастили в корове, нашпиговали антибиотиками, сыворотками и всякой дрянью. Эти кашки вступили в реакцию с моим алкоголем, и от этого я чуть не откинул копыта.

—Ну и любишь же ты откидывать копыта! Тебе необходимо тепло из окружающей жизни, чтобы успокоиться и смириться с тем фактом, что ты жив...

(((((((

Утром Влад любит ставить свой любимый диск. Это какая-то никому не известная группа. Молодые мужики стройными гладкими голосами нежно поют хором : «А идите вы на х—! А идите вы на х—! А идите вы на х—!». Может это хор Турецкого? Уж очень красивые, оперные, мелодичные голоса! И поют многоголосно. Это чрезвычайно позитивное утреннее пение, в нём сияние голубого утра, и щебет старух в коммунальной квартире, и журчание весенних унитазов. И молодые красивые самцы, о которых приятно мечтать, поют хором. В слове «х» слышался лёгкий выдох, как свежий вете-

рок. Влад, гаденько улыбаясь, говорит, что с такой мелодией в душе ему особенно приятно было ехать в часы пик на чудовищную свою какую-то работу. Мы как-то шли с ним по городу, всюду к 300-летию Петербурга что-то строили и ремонтировали, повсюду на лесах копошились рабочие и штукатурицы в красивых комбинезонах. Я похвалила это зрелище. Влад сказал, что вот и он так же как они, весь день болтается на лесах с мастерком в руке.

((((((((

В тот день намечалась тусовка. Позвонил Педрин. Мы договорились с ним встретиться у метро Петроградская. Вслед за ним позвонил Сладкий. Мне так не хотелось, чтобы он был там же. Безобразный пожиратель фуршетов. Самое мерзкое, он быстро, с птичьей дозы, напивается, и начинает похабно себя вести. Красномордый сатир. Он начинает, как кликуша, выкрикивать матерные слова и хватать женщин за места. Похотливо, холодно и больно. Он позвонил, начал въедливо липко расспрашивать, я по какой-то мягкотелости выдала ему информацию.

Было скучно, мертво. Сладкий ворчал: «И кто только пойдёт такую похабень рассматривать без фуршета. В искусстве главное – фуршет!», – ворчал он себе под нос. Но по некоторым признакам фуршет всё же должен был скрасить неприглядное искусство. На стенах висели увеличенные до безобразия фрагменты японского международного кухонного бы-

та. Пакеты, упаковки, баночки, разрезанные морепродукты на столе, кусок живой розовой японки, случайно попавшей в кадр. Красивая оранжевая лососина, скоро перельющаяся в жёлтую кожу восточной женщины...

– По-моему, фотохудожник где-то недотянул, – бормотала зажиревшая фуршетщица, плотоядно посматривая на фуршетный стол, на который официанты выносили и выносили тарелки с тарталетками и подносы с шампанским.

– Ничего нового. Всё как везде, – прошептал маленький кудрявый безработный искусствовед Сёма, принохиваясь.

– Хаос жратвы и быта, – заметил фотограф Сладкий, потирая руки.

– И кто его только раскручивает? Кому это нужно? – удивлялся Сёма.

– И кто только эти фотки купит? Педрин, может быть... Ему для салона интимных причёсок лососина разверстая подошла бы... – переживала профессиональная фуршетчица.

– Я бы такое и даром не повесил. Я и сам так могу – щёлк, щёлк в смазанном режиме, – ворчал фотограф Сладкий.

– Гавно, а не выставка, – сказал правду толстый мохнатый модный художник Ваня Стрижов.

В центр зала вышла хозяйка галереи, высокая увядающая красавица в гламурном костюме, из бывших манекенщиц в отставке, удачно вышедшая замуж за отечественного миллионера. «Искусство Бориса Махальского не нуждается в представлении. Мы все его знаем! Он занимает достойное место

в артпространстве Петербурга. На этот раз он сделал серию фотографий «Образы и подобию». И я с радостью предоставлю слово куратору нашего выставочного зала Игорю Колесейчику.

Игорь Колесейчик, тяжёлым вздохом сопроводив поднос с таралетками, переносившийся мимо него на заветный стол, скособочился и забубнил гнусаво в микрофон:

—Этот парень бегло говорит на английском и изучает японский. Опыт повторений его не только исключает, но и изводит из небытия «повторенное». Его фигуры, выглядывающие своими фрагментами среди кухонного быта, в пространство, зарезервированное художником, смогли бы рассказать, с чего всё это начиналось... Любая его работа достойна того, чтобы течь в глаза своим символическим значением, пропуская блики утаённых страстей. Он, взрослый человек, типа как Сезанн...

—О, как достал!— ворчал журналист Саша, сглатывая слюнки.— Не обедал сегодня. Есть хочется!

—Он может триндеть часами, раздувать любую пустоту. За это его и ценят,— заметил Сладкий.— Ну, когда же фуршет?! Пора бы приступать к главному!

Хозяйка галереи, чуя нетерпение толпы, всё плотнее окружавшей фуршетный столик, с трудом завладела микрофоном из рук куратора Колесейчика и на подъёме воскликнула:

—А теперь приступаем к главному! Выставка открыта! А сейчас небольшое угощение... Фуршет!

Слова хозяйки галереи потонули в шуме и гаме, топоте ног, лязге посуды и звонах бокалов.

Фотограф Сладкий, объедаясь тарталетками с лососиной, поймал за пуговицы автора выставки Махальского, тоже с тарелкой в руках, и сказал ему:

–Ты, Махальский, прохиндей, но снимаешь хорошо! Гениально снимаешь! Давай с тобой чокнемся! И обнимемся. Эй, Саша, сними меня с великим прохиндейским гениальным фотографом Бобом! Ой, что это! Ещё и горячее будет?– изумился Сладкий, увидев официантов, выносящих в ресторанных металлических кастрюлях что-то ароматно дымящееся.

Публика ещё больше оживилась.

–Ну, Саша, я думаю, ты хорошо напишешь про эту выставку в своём журнале! Бараньи котлетки в соусе! – триндел фотограф Сладкий, отпустив на волю Махальского.

–Да, я чувствую, что Махальский мне нравится всё больше и больше!– поддакивала профессиональная фуршетчица.

–И мне тоже! – воскликнул модный художник Ваня Стрижов, закусывая котлеткой водку.– Очень вкусно! Неожиданно! Свежо! Талантливо!

–Вы это про выставку?– спросила хитрован Сладкий

–Конечно про неё, про что ещё!

Позвонил по мобильнику Влад, он требовал встречи со мной и говорил о каких-то заработанных деньгах. Я не очень

хотела ему говорить, где я, мне хотелось потусоваться с Педриным и Сладким, но при упоминании о полученной зарплате я раскололась. Вскоре я увидела сквозь стеклянные двери приближающегося Влада. Его синие джинсы и лысую голову было видно издалека. К тому же эта голова совершала радиусные движения при ходьбе, в отличие от прямолинейных пунктиров других голов. Мне захотелось исчезнуть, но не удалось.

Появился Влад, как всегда, навеселе. В рабочем комбинезоне, с пилой в рюкзаке, с полиэтиленовым мешком, наполненным двадцатью банками пива «Охота». С наушниками на голове и с плеером. Влад вошёл в хрупкое пространство галереи с её евроремонтом, ровными хрупкими стенами из гипсокартона, с полами из тонкой глянцевой плитки, Влад вошёл в пластиковую дверь, пугая охранников, и заорал:

– Народ! Есть идея! Давайте напьемся, а?

Наступила неловкая тишина, кто-то выронил вилку из рук на пол. Я позеленела от злости. Тишину наполняла невнятная глянцевая музыка, прикрывающая чавканье.

– Тогда давайте я вам свою музыку включу! Спасибо скажете! Что вы за хренотень слушаете!

– Это что за фрукт? – спросила у Колесейчика хозяйка галереи. – Надо бы выставить.

– Дружок той рыженькой журналистки...

– Ааа. Тогда не надо.

– А может и надо. Хотя лучше не надо. Пусть продолжает.

Скандалы всегда на руку.

–Давайте ваш диск, я поставлю,– сказал Владу услужливый то ли охранник, то ли телохранитель, то ли любовник красивой галерейщицы.

Раздалась душераздирающая музыка Влада. Фуршетчики сморщились, тарталетки стали застревать во ртах. Стрижов подкрался, вынул Владиков диск и поставил прежнюю музыку. Влад сделал зверскую морду, я сильно заволновалась.

–Народ! Где мой диск? Народ! Кто стырил мою музыку? – гаркнул покачивающийся Влад и наступил ногой на упавшую на пол тарталетку. Он её как-то противно раздавил, как конь копытом, и при каждом шаге стал пачкать покрытой тонкой глянцевой плиткой пол.

Охранник в чёрном костюме и белой рубашке выбежал со шваброй и стал за Владом вытирать следы его ботинок тряпкой. Я малодушно позеленела и стала искать одежду, чтобы от позора убежать незаметно. Влад вдруг включил свою дурацкую циркульную пилу, даже непонятно было, как он так быстро засёк розетку. Потом он выхватил швабру у мужчины в чёрном и перепилил её.

Наступила тишина, потом вопли, потом шум, хохот и гам. Даже аплодисменты раздались. Влад, не ожидаясь последующих действий, бросил нервно на столик 300 рублей за перепиленную швабру и вышел из галереи.

((((((

Владик догнал меня за поворотом, следом за Владиком с хохотом бежали Педрин, журналист Саша, искусствовед Сёма и фотограф Сладкий, любитель скандалов.

–Какой ты всё-таки Владик чудак на букву «м»! Чудацкий пролетарий. Какая там музыка? Ты просто пэтэушник, пошлый такой рабочий парень, который рукастый, ухастый, слухастый, что-то любит, что-то умеет делать сам. Но сил стать творцом у тебя нет, только исполнителем и техником. И это пролетарское, заводское пошлое пьянство! Фи, как всё это неинтересно! Даже Махальский- он лучше тебя! Он хоть что-то делает, фотографирует хреновенько, но вот нашёл вот бабла на раскрутку, проявил гибкость, к кому-то подольстился, денег ему дали!– шипела я на Владика злобно, не обращая внимания на собравшуюся вокруг нас кучку любителей скандалов.

–Отстань от меня с этой темой! Не надо про деньги! Я не могу об этом. Искусство и деньги – вещи несовместные!

–И к тому же ты нетрезв, Владик! Если бы ты этот скандал устроил в трезвом виде, то это называлось бы перформансом, и за это тебе бы хорошо бы платили. Может быть. Где-нибудь. Если б Олесе Туркиной б на глаза попался б в хороший миг... А так- тупость какая-то, пьяный дебош... Я так мечтаю увидеть тебя трезвым!

–Никогда, сударыня. Не дождётесь! По определению!

–По какому такому определению?

–Мне скуууучно, сударыня! Я не могу трееезвым на этот

мир смотреть!— бормотал Влад.

В такси Влад оживился и хвастался своими 1000 баксов в месяц, из которых я не видела ни одного, навязывал шофёру сумму больше, чем надо. Педрин и Сладкий, между которыми я была зажата, смотрели на меня довольно гадко. Влад остановил такси у своего дома, вышел за дополнительными деньгами. У меня в руках оказался его бумажник с пятисоткой. Педрин и Сладкий сказали мне: «Бери! Он всё равно ничего не помнит. А тебе деньги нужны. Он всё равно всё пропьёт».

Потом пили водку в каком-то дворе, на детской горке. Аккуратно разложили на полиэтиленовом мешке сырые сосиски, солёные огурцы, плавленый сыр. Влад повизгивал от удовольствия, что нашёл не только собутыльников, но и себе-седников. Он гадко юлил, громыхал. Когда водка кончилась, он обшарил свои карманы, обнаружил пустой бумажник и вперился в меня своими красными шуруповёртами. «Отдай!». Оказывается, гад, всё заметил, хотя, казалось, мозги у него уже отсохли. Жадный, но справедливый фотограф Сладкий трезво заметил: «Не отдавай. Ты, Влад, алкоголик, а ей деньги нужны. Она мать с двумя детьми. Если сейчас у неё деньги отберёшь, то расстанешься с ней навсегда. Ты потеряешь Женщину! Женщина дороже, чем водка!». Влад как ястреб впился тощими своими недоделанными пальцами в купюру и заорал: «Это оскорбление! Это воровство. Что хочу, то и делаю со своими деньгами! И никто не имеет пра-

во распоряжаться мною. Отдай!». Я скромно отдала деньги, сплюнула через плечо и пошла. За мной фотограф Сладкий. Мы с ним поссали под помойным баком в соседнем дворе, ибо туалетов нигде нет, и поехали по домам.

((((((((

На следующий день я увидела, что газета «***» не напечатала мой обзор культуры. Писец, поняла я, моей работе. Я подсидела Сёму, теперь меня выперли точно так же, как его. На что жить? Это были жалкие, но стабильные гроши. Я шла в редакцию с тяжёлым сердцем. Влад плыл мне навстречу по Фурштаттской, совершая головой круги в небе. Красноглазый и жуткий. Мы неминуемо пересеклись. Я закричала на него:

–Пошёл сука на три буквы! Понял! Брысь, пшёл от меня. И я прибавила шагу, стараясь не оборачиваться.

(((((((

К вечеру мне стало мерзко. Мерзко от всего. В газете мне сделали ручкой, очевидно, навсегда. Я написала в обзоре про красивых самцов с длинными женскими волосами, танцующими в мужском балете. Редактору, который сам таких самцов любил, видно, не понравился иронический оттенок моей статьи. Хотя я писала без иронии – ну да, самцы с длинными ухоженными волосами танцуют. Ну и что? Но меня не поняли. А может, наоборот поняли. Неполиткорректная я.

Я горько вспоминала, как подсидела Сёму. Сёма мне как-то позвонил и сказал, что у него дизентерия или холера, что он должен был для газеты «***» написать обзор, но не успел, и уже не успеет, так как санитары с носилками уже идут по лестнице, чтобы его забрать в Боткинские бараки. Умиравший Сёма просил меня написать обзор и выслать его редактору. Я сделала, как просил Сёма. Потом мне позвонил редактор и сказал, чтобы все следующие обзоры я писала. Вместо Сёмы. «А как же Сёма? Он же поправился!», – воскликнула я. Редактор с серьгой в ухе сказал мне, что теперь обзоры буду писать для газеты я. Сёма, когда поправился, сказал мне, что презирает меня, и уехал навсегда во Франкфурт. Или в Штутгарт. В-общем, один фрукт, куда он уехал. Нет его с нами больше.

Мерзость приходит стаями. Позвонил Сладкий. Он рассказал, что Влад ему звонил и жаловался, что его оставили на детской площадке пьяного, и что у него украли все деньги и его замечательный, прыгающий по столу и мычащий мобильник-будильник. Особенно тонкая мерзость от того, что Влад оставался с Педриным. Неужели он спёр мобильник и деньги? Я представила, как он обшаривает бездыханное тело Влада без свидетелей... Нет, только не это, это нереально, невозможно... Из-за этого омерзительного плебея Влада я могу потерять дружбу самого великого и прекрасного Педрина, владельца салона интимных причёсок, выдумщика и галантного тусовщика, с которым мне так легко и адекватно

бегать по фуршетам!

При мыслях о Педрине мне вдруг нестерпимо захотелось услышать дурацкий «Шолом» Влада и расспросить о подробностях. Хотелось трахнуть его. Он приучил меня трахаться каждую ночь. Я позвонила ему домой, его не было. Потом ещё пару раз. В два ночи раздался звонок. Влад говорил мне что-то столь мерзкое, что я даже не поняла, что. Это была вонь раздавленного скорпиона, желающего опрыскать перед смертью пятку, которая по нему прошла. Я слушала спокойно, как ледяную песню, эту вонь эгоцентричного жадного одинокого самца. Представляла, как воняет он в своей комнатухе с окнами на Шпалерку, на её бессонные фонари и классическую стену в копоты напротив... Пьяный, обобранный... Я сама была такой же, наверное. Мы ещё раз послали друг друга на три заветные буквы. До пяти утра он звонил раза три, выплёвывая на меня свой горький напалм и стремясь меня уничтожить. Мы раза три ещё друг друга послали всё туда же. На сердце был лёд, я теряла очередного самца.

(((((((

Через два дня раздался звонок в дверь. Это был Влад во всём белом, в индийском каком-то костюме из прозрачного ситца, с дымительной палочкой в руке. Вид у него истрадавшийся.

—Давай помиримся. И никогда, никогда... Я ходил к буддистам в дацан. Вот Свеча Мира,— он протянул мне тощую

дымительную палочку.— Где сырая картошка?

Я не поняла, зачем сырая картошка, но Влад сам уже её разыскал на моей кухне. Воткнул в неё палочку и поджёг её.

— Эта Свеча Мира будет гореть всю ночь, и настанет мир. Буддисты сказали мне, что пьющие бесы покинут меня за два дня, с понедельника я больше не буду пить.

Влад выпивает свою «Охоту», но не до омерзения. У нас с ним опять происходит прекраснейший секс.

Однажды ночью, не помню когда, Влад говорит мне: «Я сейчас тебе скажу. Сейчас скажу. Потом никогда уже больше не смогу этого сказать. Я люблю тебя». Он засыпает, и я засыпаю. Я просыпаюсь и не помню, было ли так на самом деле. Радостная мужская сталь пришла к нам...

(((((((

Деньги Влад пропил. Он допился до такого состояния, что секса между нами не было. Секса с трупом не бывает. Ночью он неожиданно встал и пошёл куда-то. Пытался выйти в зеркало в шкафу. Больно стукнулся всем телом, чуть не опрокинув на себя шкаф.

— Гуля, помоги мне,— попросил он.

Я открыла дверь, включила свет в коридоре, довела до совмещённого санузла. Через минуту решила проверить, что он там делает. Влад с наслаждением ссыт в ванную. Потом снимает шланг с душем на конце, тщательно обильно обмывает ванную. Возвращается с трудом, стуча своими костями

об мои стены, падает на наш траходром и мерзко вонюче храпит.

Утром я спрашиваю его: «Ты зачем в ванную нассал?». Он говорит, что даже есть такая поговорка «Только покойник не ссыт в рукомойник», что в пьяном виде джентльмену ни за что не попасть в унитаз, что он берёт пол от мочи. Вместо рукомойника ему была ванная – хороший такой, добротный унитаз с безбрежными краями, куда можно струячить в разные стороны.

(((((((

Владик позвонил ночью. «Куда ты делся?» – спросила я его скучным голосом. Владика я не видела полтора года. Он позвонил мне, он был трезв и изыскан, и я поняла, что должна ехать к нему в его комнатку размером с могилу, увеличенную в 24 раза. 24 гроба в эту комнату бы влезло- 4 умножить на 6. Мне было плохо, меня всю комотозило.

До Владика меня перехватил театр, они хотели, чтобы я посмотрела их спектакль. За мной увязалась Нина. Мы смотрели нервный спектакль, где все актёры, даже мужчины, рыдали натуральными слезами. Актёры выкладывались всерьёз, рядом с моим первым рядом стоял актёр лет сорока, и по красному его распухшему лицу текли слёзы. «Ба, да сколько же соли надо ему есть, чтобы восстановить баланс в организме», – думала я. В зале некоторые зрители, очевидно, не имеющие в своей скучной вялой жизни повода порыдаться

власть, делали это вместе с актёрами. На второе отделение я уже не могла остаться, я устала, как если бы была свидетелем коммунальной склоки. Разыгрываемые сцены и персонажи от потоков натуральных слёз мне не стали ближе. Чтобы рас-трогать до глубины души, вовсе не нужно показывать слёзы, голые жопы и кровь. Особенно старалась одна красивая де-вушка-актриса, морда у неё была покрыта нервными пятна-ми, слёзы из неё струячились, как из душа. Злой режиссёр бил по зрителю ниже пояса, он не отказался бы, пожалуй, от публичного кровопускания и совокупления. «Да ведь это не искусство», – плюнула я и пошла к Владу.

Зритель – это такой нежный инструмент, на нём можно так нежно играть, если мастерски нажимать изредка на нуж-ные точные ноты. Совсем не надо бить зрителя сапогами и показывать ему мясо.

Нина увязалась за мной, ей нужно было в другую сторону, но она что-то бормотала про конечную остановку у метро, где не так страшно ночью. Я прекрасно понимала Нину, ей просто хотелось посмотреть на Влада. Посмотреть и стырить чужого самца, вот чего хотелось одинокой, давно не трахав-шейся Нине. Влад стоял в капюшоне, был страшен и прекра-сен. Меня почему то всю трясло, я не видела Влада полтора года. Перед глазами вставали сцены близости с ним, мне хо-телось Влада так, что ноги сводило.

Влад как на пустое место посмотрел на Нину, при виде меня глаза его засверкали. Я попрощалась с Ниной и пошла к

Владу. У меня было предчувствие большого секса, которого я была лишена за какие-то грехи в своей жизни.

Влад включил видик, и мы смотрели с ним какое-то панковское английское ретро – комедию 60-х с названием типа «Смысл жизни».

ПИСЬМА НЕПОНЯТНО КОМУ

Ведь ты знаешь, а самое-то ужасное – это дыры из неразделённых чувств и пустот. Это как бросаешь шарики, и ни один в лунку не попадает. Я люблю не тебя, а те чувства, которые ты мог бы во мне пробудить, и даже пробудил, хотя не воспользовался ими. Я люблю не твоё тело, а тот кайф, который оно доставляло мне, вызывая мечтания о чём-то ещё более совершенном и прекрасном, что могло бы случиться между нами, но не случилось. Я люблю в тебе то, что могло бы произойти с нами, но не произошло или произошло не так. Я гаденький Бланшо, который скользит как Голум вокруг жертвы во тьме, пристально отслеживая каждый её вздох. Я отсекаю реальность, которую хотят со мной построить такие же несчастные мечтатели-страдалыцы, недоделанные строители самих себя. Долгострой длиною в жизнь, жертвы замороженных стройплощадок. Сольнесы.

(((((((

Я была счастлива. Началась какая-то новая жизнь. Мне понравилось, как дрожал Владик. Я как-то ночью его спросила, когда его колотило как электричеством: «Ты чего, допился, да? У тебя как у актёра Лебедева в спектакле «Холстомер», да? Только не руки, а ты весь, да?». Он на меня посмотрел так доверчиво как-то и распахнул глаза: «Это дрожу

так оттого, что хочу тебя».

(((((

Опять исчез. Неделю не звонит. Да и ладно. Скорпионы исчезают на год и на два. В норе им надо отсидеться. Психика у них такая злобная. И вообще мужики живут так, будто рассчитаны на 100 лет. Будто 100 лет у них впереди, и можно исчезать на 2 года, на 3, на 20 лет, потом возвращаться к любимой, которая уже не та слегка. Годы что-то подпорчивают, а что-то улучшают. Мне иногда кажется, что мужики ищут именно того, неснашиваемого и непротухающего, что есть в женщине. И только под давлением внешним делают вид, что любят в женских человеках более всего юное мясо.

Пришёл. Похудел. Щёки впали и стали более корявыми. Мне почему-то очень обаятельными иногда кажутся мужчины с корявыми щеками. Мужчины с гладкой бархатистой кожей отпугивают слащавостью, они всегда кажутся поверхностными, официозными и подлыми.

—Ну и где ты был?

—В дурдоме.

—Как это? — я подпрыгиваю на табуретке. Думаю, что, может, разыгрывает?— А чего так быстро отпустили?

—А там долго не держат. Поддержали четыре дня и отпустили.

—А, а как ты туда попал? — робко интересуюсь я, предварительно помолчав и не находя нужных слов и вопросов.

—Я... Ну, тогда ты ушла... А я ... я чуть не утонул.

—Как это?

—Я сам не знаю. Бред какой-то. Я пошёл по Неве. Я хотел искупаться, я искал полынью. Пошёл под мост. Провалился. Мент увидел сверху, они со спасательными кругами ко мне подползли, вытащили. Ничего не помню. Очнулся в больнице.

—Ну, ты даёшь. Это уже даже и не смешно... То есть, напротив, смешно. Ха-ха-ха, менты ползут с палками и кругами.

—Да, смешно было, говорят. Говорят, что один мент меня жезлом своим в полынье подгонял в нужную сторону, и утопил свой жезл. Ругался, что за казённое имущество попадёт...

—И...И чего ты в дурдоме делал?

—Да ничего. Отдыхал. Развлечение мы там такое придумали. Там же такие есть, как овощи. Дауны настоящие. Мы с мужиком одним, который типа меня с делириумом попал, мы придумали бега устроить, со ставками. Разгоняли овощей по коридору друг на друга. А те доверчивые, послушные, что скажешь, то и делают. Выбирали самых жирных, с брюхами. Мы их направляли по коридору навстречу друг другу, чтоб они бежали. И они бежали, брюхами сталкивались так смешно. Мы ставили ставки, кто упадёт, а кто на ногах удержится. Потом врачи увидели, чем мы занимаемся, и нас выгнали.

—А то, что ты в проруби плавал...

—Я ничего не помню, как в тумане всё было.

—И ты не простудился?

—Нет....

—Ты больше не ходи под мост, ладно?

((((((((

Владик допился до того, что пытался овладеть Мишей Взоркиным! Тот его связал и держал в углу своей комнаты, чтобы он успокоился и стал бы адекватным. Я даже удивилась, что Миша оказался таким сильным... Он держал Владика связанного бельевой верёвкой в углу. Он связал ему руки, ноги, и ноги прикрутил к рукам. Так что Владик мог только колбасой кататься. Но он не стал кататься. Он при- смирел, потом протрезвел и взмолился. Потом Владик объ- яснял мне, что какие-то пидералы стали соблазнять его, что- бы он их потрахал, огромный, лысый и красивый. И что они ему дадут за это 1000 баксов. И Владик типа стал меч- тать даже, может и вправду это сделать. Но как-то всё же уж очень он натуральный и нормальный. Влад отшутился: «Я это сделаю, только если на втором плане тётка голая бу- дет бегать туда-сюда, и я на неё смотреть всё время буду, А так- неа, не получится, хоть тресни». Вот даже и с жирным, пахнущим девушкой Мишей Взоркиным ничего не вышло... Значит и пробовать нечего...

Я услышала эту историю и стала рассуждать о том, есть

ли в природе такие извращения. Подружка Ру-Ру говорит, что из птиц геи – это лебеди. Знаменитая лебединая песнь – это песнь не мужа лебедя по погибшей жене-лебедихе, а песнь друга пидера лебединого по опочившему другу пидеру лебединому. Поэтому Чайковский написал «Лебединое озеро», и вообще все изысканные геи любят лебедей в пруду. Их шеи как фаллосы. Они плавают – два фаллоса в огромной йони-озере, ибо геи – это маргинальные явления мужской природы, страшно боящиеся женской вагины, боящиеся выйти за рамки вагины-матери, в коей им уютно. Боятся они оплодотворить другие новые вагины, за старую первородную держатся.

А Леда и лебедь- это смелый фаллос, вылезший из материнской вагины внаружу, на лёд Леды, и пронзившей ея- не знаю чем. Чем они совокупляются то- птицы всякие? Кто видел петушиный или голубиный фаллос? Это всё жестокие загадки природы.

Я вот теперь люблю среди мужчин, подозрительных на гейство, заводить разговоры о лебедях. Это такой тест.

(((((((

Во время поста Владик постоянно злобно ругался против православных попов, которые одеваются как пидералы, в рюшечки и стразы, в стиле моды 60-х.. В страстную пятницу он позвонил, с утра возбуждённый и активный, он собирался пойти к порнографу Прянишникову и предложить ему по-

ставить порнофильм, где совокуплялись бы монахи и священники разных конфессий между собой, а также священники и политики. Мне даже как-то плохо стало от его бесовщины, которой он явно одержим. А в субботу я заползла на Бегбедера в Платформу, вместо того, чтобы освятить яйца и кулич. Бегбедер сказал, что все мы проиграли третью мировую войну- войну товаров против людей...

Пасха прошла вообще как-то нехорошо... Самое тягостное впечатление произвёл фильм Мэла Гибсона «Страсти Христовы». Чудовищный блевотный фильм, в котором смакуются телесные страдания. Режиссёр- тайный садомазохист. Я выключила звук, переключала на другие программы – возвращалась – а там опять порка Христа семихвосточкой, кошками, ударами с оттягом и т.д.– смотри научное пособие по садомазохизму, брошюрку «Путь плети». Америкосы настолько отупели, что христианство для них – это сползшая кожа.

В те же дни шёл фильм «Паломничество в вечный город» Николая Хотиненко. Вроде бы очень хороший фильм, но вот женщины- мученицы – это какой-то ужас. Вере было 8 лет, Надежде 10, а Любви 12, когда их зверски пытали палачи за их христианскую веру. Какое ужасное язычество, испытание веры! Приходят маниаки-дядьки-педофилы и мучают прекрасных детей узаконено. Мы-то, дети тоталитаризма, выросли на мученичестве юных пионеров героев, первым из коих был 8-летний Котя Мгебров-Чекан, чьи малень-

кие косточки лежат на Марсовом поле. Эти дети кричали палачам «нет», и диковинный свет детского упрямства горел в них, сводя с ума маниаков-дядек, которые их пристреливали. Есть в человеческой природе безумный пафос, желание умереть за идею. Сейчас таким светом упрямства светятся террористы-самоубийцы, среди которых недавно нашли 13 летнего мальчика из бедной семьи, который согласился надеть пояс шахида за порцию мороженого. А может это всё врёт зомбоящик?

Я в детстве онанировала на Орлёнка. Я вырвала из мамино журнала «Работница» картинку, на которой был нарисован побитый, в ссадинах и крови молодой комсомолец, которого привязали к какой-то горной вершине и собирались прикончить. А он, такой красивый, гордо смотрел вперёд. И рядом шёл текст песни «Орлёнок, орлёнок, взлети выше солнца ... та-та- чтобы землю собой уберечь». Ох! Как мне эта песня нравилась и картинка тоже, мне сразу хотелось заниматься онанизмом и тереть мишкиной лапой свою детскую щёлку, при этом гордо с вершины плевать на врагов, подобно Орлу. Было стыдно и сладко. И хотелось быть истерзанной. Когда я смотрела Мела Гибсона, у меня что-то такое неприличное из детства всплывало. И никакого глубинного приближения к вере. В отличие от Хотиненки, который породил в душе мощное обоснование веры и доверие к вере, несмотря на лёгкий душок садо-мазо, который, кстати, может, был раздут в более поздние века маниаками католи-

ками, которые сжигали еретиков. Понятно, что это Дьявол пролез в щёлку, в самую чистоту, и всё обосрал изнутри. Это его стратегия – сделать подмену, перевёртыш. В фильме Мела Гибсона это есть – вместо ребёнка карлик уродливый на руках у кормящей матери. Но и сам Мел стал жертвой такой подмены, увлёкшись кровавым шкуродрательством.

Но самый лучший фильм о Христе- это Пазолини, «Евангелие по Матфею», который удалось посмотреть в начале поста в Доме кино. Со мной этот фильм смотрели наши левые интеллектуалы, потом мы пошли выпить водки, выяснилось, что они потрясены, хотя неверующие. Меня изумило, что эти тонкие интеллектуалы подвержены дешёвой плесени атеизма. Для них религия- это «опиум для народа». И увидев «историю о Христе» они впали в ступор. «История» то трогательная, вроде на «опиум» то и не похожа.... А я задумалась, что вот там слишком большое увлечение мужской красотой, образы женщин в фильме- только женщина-мать, но не женщина жена, любовница, возлюбленная.. Европейская пугливость. Порыв вверх, в сферу духа, и искажённый страх плотского...

Во время самой пасхи, ночью, когда огненный язычок новой жизни вспыхивал в церкви, и священники и прихожане кричали радостно «Христос воскрес», меня сморил глубокий сон на домашнем диване, а на следующий день я бродила бессмысленно, как потерянная, дела не делались, и было неприятное ощущение, что меня опутал змей земной, и я не

летаю на поверхности земли ногами, а тяжело бессмысленно брожу. Проворонила пасху. Такая бездуховная я вся...

(((((((

По ночам мне повадился звонить астроном Пайков. Говорит часами какую-то хрень на эротические темы.

– Любишь ли ты Мандельштама? Ну, помнишь: «Вернись в смесительное лоно, откуда, Лия ты пришла, за то, что солнцу Илиона ты жёлтый сумрак предпочла!».

–Нет, не помню. Может это не Мандельштам всё же?– я вяло отвечаю Пайкову.

–Мандельштам! Мандельштам. Великолепные стихи! Фамилия у поэта эротическая, не находишь?– Пайков наконец перешёл от монолога к попытке диалога.

–Фамилия как фамилия...

– А Пастернака помнишь: «Сплетенье рук и ног сплетенье»?

–«Свеча горела на столе, свеча горела»? Да это все помнят. Оскомину, знаешь, набило.

–Набить не могло. «Сцепление ног» – как это хорошо! Знаешь, я тут маленькое исследование провёл, социологический опрос среди питерской интеллигенции, среди выпускников физфака и матмеха.

–О чём исследование?

–Я расспрашивал, у кого какого размера фаллос. Фаллосометрией занимался. Выяснилось, что средняя величина-

18 сантиметров. Немного, я скажу! Вот у меня – я замерил- в надроченном состоянии фаллос 20 сантиметров.

–Бывает, говорят, и 23!

–Ну, скажешь тоже, 23! 23... Да, мне сказал адвокат Ухов, что у него 23, но кто ж поверит адвокату! В среднем у интеллигенции колеблется от 16 до 20, самое распространённое- 18 сантиметров! А у меня 20!!! Это превышает среднюю арифметическую величину!

–Да что ты говоришь! Но у Ухова-то 23!

–По-моему, у него барахлит рулетка! Хотя, когда я ему позвонил, он живо заинтересовался этой темой! Он тут же вызвался провести обмер и рассказать мне о результатах.

–А где тут чистота эксперимента? Может он не в эрегированном виде намерял 23 сантиметра?

–Такого решительно не бывает. Тогда это уже книга рекордов Гиннеса!

–Слушай, ты меня достал этой темой! Давай сменим пластинку!

–А чем тебе тема не нравится? Отличная тема! Можно изучать проблему торможения пионеров, ну знаешь, спутники такие НАСА послала 20 лет назад в космос, а можно заняться фаллосометрией, считай, что это моё хобби! Кстати, у меня такой стояк сейчас, я так возбудился! Давай я сейчас к тебе приеду! 4 утра? Ну, тачку закажу по телефону и приеду!

–Пайков, ты меня достал. Давай лучше о пионерах! Как там они тормозятся? С чего они тормозятся?

—С чего, чего! Об этом 10 000 астрономов думают по ночам. И понять не могут. Я думаю, всё дело в переходе от фрактала к фракталу. А я вот ночью предпочитаю о другом думать. Во, у меня линейка в руках! 21 сантиметр! Странно... Это от разговора с тобой на сантиметр увеличение произошло.

Он мне так надоел. Я ему говорю: «Ты не туда звонишь, звони в платную службу «Секс по телефону»». Он не понимает, что-то скучное несёт и несёт про свою озабоченность, до которой мне нет дела. Однажды надоел мне, я говорю: «Бери тачку и приезжай!». Я знаю, что не приедет. Что трус и пустобрёх, что из породы тех мужчин, которые «сказал, будто сделал». Что он все радости жизни получает через язык свой. Говорит, говорит, строит словеса, и будто и взаправду было. Мне часто кажется, что у нас много таких мужчин, очень много, что у нас вся страна такая, во главе с головой. Что это от коммунистов пошло, от европейского рационализма. Описали, напроектировали, и удовлетворение получили, что так хорошо всё расписано на бумажке и в словесных формулах и призывах. А на деле всё по-другому.

Чтобы понять, что на деле происходит, надо не только язык иметь, орган свой эрегированный, но и уши надо уметь развешивать. Слушать обратную связь, глазами смотреть, что вышло, руками ощупывать, что вышло. Пайков как свинка визжит и визжит о своём болте, о своей эрекции необычайной. Я кладу трубку в подушку и ей подмигиваю. Пока-

зываю ей язык и корчу морды. Однажды мы с Владом развлекались у меня на диване, ласкали друг друга нежно-нежно, хорошая нежная ночь была, по ночному телевизору шёл хороший фильм из эпохи «диско», где бабы в штанах-бананах бегают, рядом на подушке лежала телефонная трубка, и ничего не видящий и ничего не слышащий Пайков самозабвенно что-то долго-долго говорил о своей эрекции. Когда ему прямым текстом говоришь: «Я не одна!», то он отвечает типа «а кому ты там нужна кроме меня, не верю, врёшь ты всё» и т.д. Даже если попросить Влада что-нибудь в трубку мужеским басом произнести типа: «Что вы там на том конце трубки, совсем рехнулись, что ли?», всё равно сумасшедший Пайков не поверит. Это удивительная порода мужиков! Однажды он вдруг подло так сказал: «Вам двоим там скучно, я третьим сейчас приеду». Совсем рехнулся, развратный пустобрёх. На фоне ничего не чующего грубого в своём потоке слов Пайкова Влад выглядит благородным сдержанным интеллигентом. Он бы никогда не стал бы обсуждать «фаллосометрию».

Одни уходят от реальности, сильно напиваясь или накачиваясь дурью и наркотой, другие типа Пайкова самозабвенно и самовлюблённо рисуют мир своим языком, создавая вокруг себя мир по своему образу и подобию, лживый уютный такой и угодный себе мир. Никто, никто не хочет смотреть правде в глаза. Мало кто хочет работать с реальной реальностью.

Но что делать, Пайков – он астроном, работа у него такая, с вещами, которые умозрительны и имеют доказательств своего существования через опосредованные вещи...

(((((((

Где-то там, на другом краю земли, сбрендила старушка. Она звонит каждое утро по многу раз. Задаёт всё время разные вопросы. «Это райсовет? Простите, не туда попала». «Это поликлиника? Простите, не туда попала!». «Это Лидия Петровна? Простите, не туда попала!». «Это Фёдор Иванович? Нет? А что-то вроде как голос похож... Ну, извините...». Фантазия старушки неистощима, порой она звонит по пять раз в разные места с утра, и всегда попадает на наш телефон. Я ей угрюмо отвечаю, чтобы она точнее набирала номер, что она уже сюда пять раз позвонила с утра. Всё по фиг. У этой старушки в мозгах произошёл железный сбой. Ей просто очень-очень скучно. Ей надо хоть какой-то человеческий голос услышать. Пойти в кафе посидеть, на людей посмотреть, себя показать, с людьми поговорить, понимаешь, пивка попить или там чашечку кофею- нет, она не приучена, не научилась она цивилизованной городской жизни в цементной келье. Да и денег на всякие передвижения, может, нет у неё.

У меня Владик на диване нежится. Старушка мадам Ку-Ку позвонила уже раза три. Владик злится: «Блин, кто там совокуплению препятствует?». Опять звонок. Влад хватает

трубку. Там старушка Ку-Ку задаёт свой очередной вопрос: «Простите, это зубной врач? Это клиника зубная?». Владик отвечает ей: «Старая перешница! Зачем тебе зубной врач, а? Тебе метла нужна, чтобы на ней летать на слёт старых ведьм! На Лысую гору, наперегонки на швабрах! Реально я тебе советую, берёшь метлу, садишься и летишь с песнями!». Я с неким трепетом думаю, как вот так вот он старушечки нахамил, больному старому человеку, можно сказать, не чтя его маразмических седин! Хотя, бля, достала до ужаса, уже месяц звонит. Но неожиданно старушка очень обрадовалась и ожила. Я слышу в трубке счастливый смех. «Ха-ха-ха-ха! Мне, на метле полетать! Ой, как здорово вы говорите, молодой человек! Вместе с другими старушками на мётлах на перегонки, да? Ха-ха-ха-ха-ха! Как вы так хорошо сказали!». «Да-да, именно на мётлах, ночью, в голем виде!». Уже и Владик хихикает. И старушка хихикает. Больше старушка не звонила. Может, реально улетела туда, куда её послали, голая, на метле, со стаей таких же обезумевших, одичалых, проживших рабскую жизнь старушек.

((((((((

Звонит художница Наташа и приглашает посетить выставку «Белка и стрелка». Мы с ней встречаемся на Сенной (в Сенной слышится скорее река Сена, нежели некое сено, которое уже все забыли, как выглядит). Мы поднимаемся на восьмой этаж старого, слегка вроде как трепещущего до-

ма. Если громко чихнуть или пёрнуть- развалится, бедолага, 1856 года постройки.

Там, у чердака собралась тёплая компания. Над ними тарелка – на тарелке написано мелко «Стрелка и Белка». Куратор объясняет, что мастерские у художников отнимают, и теперь они будут делать выставки на чердаках, в подвалах и где придётся. Молниеносные такие выставки- на пару часов или на сутки. «А название у выставки такое...»– «Потому что как подопытные собачки в космосе, которые то ли были, то ли нет, то ли летали, а то ли нет». В Москве сделали огромный артцентр в старых производственных зданиях, назвали «Артстрелка». Это огромная стрела такая, где много этажей, галерей, художников и покупателей с пушистыми от денег кошельками. А у нас маленькая такая, крошечная «стрелка» на 10 человек.

Подходит куратор Маня из галереи «Сельская жизнь». Она обожает белок и собирает их коллекцию. Белки- очень редкие игрушки, а американцы их просто ненавидят, считают чем то вроде высоко прыгающих крыс. В руках у Мани журнал «Сельская жизнь» с картинками, вручную сделанными художниками. Журнал посвящён животным, белка, понятно, на одной из первых страниц. В конце журнала- сказка про Солитэра, бившегося насмерть с Бычьем цепнем. Хороший журнал.

(((((((

3 часа ночи. Мне звонит Влад. Он должен был собрать свои вещи с тем, чтобы с утра уехать на Страусиную ферму к другу – заработать немного денег. Мы с Владом мурлычем что-то друг другу, я говорю ему, что тоже хочу на Страусиную ферму. Он говорит мне: «Ты что! Тебе туда не надо!». Я говорю: «Страусы – такие милые, то ли кони, то птицы, а, может динозавры – яички несут...». Он говорит мне: «Нет! Страусы это ужасные, жестокие звери. Прошлый раз они меня чуть жизни не лишили!». «Что, больно лягались ногами, как лошади, если к ним сзади подойти?». «Нет. Хуже. Страусы – это такие очень тупые примитивные животные с маленькими неповоротливыми мозгами. Они привыкли бить всех, кто ниже их ростом. Вот я, высокого роста, но ниже любого из страусов. Когда я входил в вольер, мне нужно было держать постоянно над головой поднятую швабру. За это они меня уважали, их глупый ум думал, что швабра – это моя шея с лохматой ссохшейся головой. И тогда они меня не трогали. Стоило мне швабру опустить, они тут же погнались за мной!». «Ха-ха-ха!». «Не ха-ха-ха, а ужас! Ужас!». «Почему?». «Да потому, что когда они догоняют, они не просто бьют своей лошадиной ногой. К этой их лошадиной ноге прикреплены ещё ужасные огромные когти, которыми страусы манипулируют по желанию. Они наносят удар по рёбрам с выпрямленными когтями, а вонзив, когти сжимают. Они хотят вырвать из человека рёбра, желательно с мясом! Ужасные твари!». «Не верю! Это к тебе белочка пришла.

Ты слишком много выпил пива «Охота». Твоё пиво «Охота» страшнее страусов. Оно вынимает из человека мозги!».

Ну вот, опять поругались.

((((((((

6 утра. Опять звонит встревоженный Владик. «Ужас! Ужас! Вчера вечером я познакомился с какими-то хмырями. Они попросили передать какую-то сумку, они со мной забили стрелку!». «Ну и что?». «Я заглянул вдруг сейчас в эту сумку. Там...». «Бомба!», – догадываюсь я. «А откуда ты узнала?». «Ха-ха-ха!». «Там действительно взрывчатка. 10 кг!». «Иди к страусам!». «Ага, ты думаешь, что у меня белочка! Нет! Боже! Боже! Зачем мне это! Подонки! Они захотели моей смерти!». «Бееелочка! Бееелочка! Бееелочка пушистая, белочка хвостатая», – пою я, подозревая, что у меня тоже белочка началась в голове. «Не веришь?», – грустно говорит Влад абсолютно трезвым голосом. «Тут и часовой механизм. Тик-так. Взрыв произойдёт в 7.15. Во, сейчас к трубке подставлю. Слышишь, слышишь: «Тик-так!».

Я реально слышу тик-так, от страха сон спадает с меня.

– Что делать, что делать? Гады! Четыре проводка!

Мне становится страшно.

– Слушай, ты не бредишь?

– Какой тут бред. Приезжай с фотоаппаратом!

– Неси енто, что мужички тебе подсунули, в милицию!

– Ага? Чтобы меня приняли за террориста? Я войду, а они

подадут радиосигнал. 10 кг- этого хватит, чтобы разнести отделение милиции....

–Этого хватит, чтобы разнести весь ваш древний дом. Ваш дом и так такой дряхлый – чихни- развалится! Я всё поняла – это они хотят взорвать ваш дом, чтобы потом на его месте построить что-нибудь. Они не хотят тратить деньги на расселение ваших коммуналок! Хитрые какие! Вот они и придумали, сунули тебе сумку со взрывчаткой. Действительно, могут радиосигнал подать, и ваш дом взорвать к чертям собачьим. Скажут – теракт. А на самом деле уничтожат людей, которых пришлось бы расселять. Сэкономят кучу бабла и дёшево поимеют кусок дорогой земли в самом центре города. Гады! Как я их ненавижу! Ненавижу их жадность и деньги! Ну вот, взорвут они вашу чудную квартирку с вашими чудными милыми людьми, а заселят этот пяточок земли проклятыми богом и чёртом двуногими существами без души, которые прокляты будут априори до 7 колена, и которым никакие деньги их грязные счастья не дадут. Ненавижу этих ублюдков! – говорю, а сама ловлю себя на том, что это всё же белочка!

–Я гений! Взрывчатку надо бросить в реку!

–Так беги быстрее, быстрее, ты слышишь, я не хочу, чтобы ты взорвался! Беги быстрее!

Владик убегает.

6.30. Звонит.

–Так. Запомни. Если что. С среднего пролёта моста. Оно

лежит на дне.

– Не взорвётся?

– Да ты что, там этой взрывчатки, бомб всяких- навалом. На 10 кг больше, на 10 кг меньше.

– Нептун не обидится.

– Так, а теперь они меня убьют. Я приду на стрелку, сделаю вид, что сумку потерял. Но такое не прощается. Я труп!

– Не надо! Не надо труп! Нет, всё же это белка. Пушистая белка. Ты слишком много выпил пива! В к тому же – зачем тебе на стрелку то идти, а? Не ходи, уезжай к страусам!

– Не веришь? Что ж, мне надоела жизнь. Мне скучно. Пусть отстреливают!

– Прекрати! К тому же – а как быть с тем, чтоб быть в ответе за того, кого приручил! Типа белку, прикормленную орешками.

– Ты на что намекаешь?

– На то самое. Так, быстро уезжай к страусам! Немедленно!

– Они и там меня найдут!

– Ну, прямо-таки найдут. Если найдут, прячься за страусов. Страусы будут бить террористов когтями в рёбра. И вырывать их с мясом. Чтоб неповадно было. Вот так, вот так!

– Прекрати издеваться! Не смешно, а страшно. Кстати... Кстати, мой друг занимается тем, что мумифицирует головы погибших страусов. Высушивает их в песке и хранит на полке

–Это белка!

–У него их 40 штук. Представляешь, на полке 40 маленьких таких сушёных безглазых носатых голов...

–Это беллкааа!!!

–О, уже 7.00. У меня стрелка.

–С бандитами?

–Нет, с человеком, который меня к страусам свезёт.

–А, со страусятниками?! Всё же это белка!

–Пока! В страшном мире мы живём. Помни про средний пролёт моста!

Я закрываю глаза и вижу Белку, бьющуюся насмерть с Бычьим цепнем. У обоих сохшиеся головы. Под подушкой у меня лежит «Сельская жизнь», зазывно маня на природу. Сука Владик. Я тоже хочу к страусам, как я хочу к страусам.

((((((((

«Владик! Кончай пить! Пьянство тебя не украшает. Ты такооой страаашный становишься! Роба у тебя становится алой, алым цветом горят уши и нос, глаза красные, и кофта у тебя красная. Только рогов и копыт не хватает. Хотя копыта у тебя есть. Ты ж свои кроссовки называешь копытниками. Ха-ха-ха. Хи-хи-хи. А вообще не смешно. И голос у тебя становится такой противный. Будто кто-то изнутри зажал тебе нос и говорит из тебя не твоим голосом. Так то голос у тебя красивый, мужской такой мелодичный голос как у Фреди Меркури. Зря ты Владик трус поганый, и закопал

свои таланты в землю. Зря ты Владик не поёшь. У тебя бы получилось как у «Спарков». А когда ты пьян, какой-то бабий голос из тебя говорит какую-то мерзкую чушь. Как чревовещание. Это гадко, Владик. Зачем ты даёшь своё тело, чтоб чрез него какие-то бабско-адские духи какую-то пролетарскую чушь несли!». «Да нет проблем!, – говорит Владик. – Я в один миг могу бросить пить. Всё под контролем. Захочу – и брошу за один день!». «Ну-ну, Владик...».

((((((((

Влад опять исчез. Появился красивый, свежий, загорелый, ох какой весь красивый, щетинка на бритом черепе бархатная, нос арийский, тело как у розового лосося.

–Ты где был?

–Я чуть не умер!

–Здорово как ты чуть не умер! Посвежел, однако!

–Мне Медный Всадник явился!

–Зашибись! Врёшь, поди. Как это он так тебе явился?

–Как-как... Обычно так. В двери прямо конь входит, на нём человек сидит, бронзовые, тяжёлые, пол аж скрипит и прогибается под ними.

–А змея за Медным всадником не заползала? На копытах он её не приволок?– я ёрничаю и похохатываю, хотя это ведь не смешно.

–Нет, змеи не было.

–Нет, нет, Влад, ты вспомни, там, наверное, зелёная змея

была по имени Делириум?— я ржу и вспоминаю одного художника, который хотел поставить спектакль «Бой Медного Всадника со змеёй». Он даже нарисовал картинку— такой длинный тощий змей, похожий на бычьего цепня, летает по небу, и Медный Всадник пытается от него отмахнуться.

—Нет, зелёного змея не было, — грустно вздыхает Владик. — Я сидел у себя на Шпалерке, в комнате своей. Много пил перед этим. Пить одному было скучно, я столик поставил пластиковый, дачный, рядом поставил стул, посадил зайца своего розового, ну ты видела, длинный такой, с ушами, любимая игрушка моего детства. Поставил на стол два стакана водки — один зайцу, один себе. Вдруг стук грубый такой в дверь... Открываю дверь — а там Медный Всадник, прямо с конём, входят такие бронзовые. Я и ему стул поставил, стакан водки налил. Не одному же пить... Он присел...

—Как присел? Конь присел? Или всадник слез и присел. Или конь сел и всадник на нём?

—Угу.... Последний вариант верен. Потом ничего не помню... Проснулся, решил, что сон такой неприятный приснился. Вдруг смотрю: на столе три стакана пустые, три стула вокруг стола, заяц розовый сидит. Значит тот, третий, Всадник Медный— то, приходил, значит, однако...

Опять мужик в бреду! В полном! Опять делириум к нему приходил! Белочка к нему пришла в бронзовом виде. Мозг к нему его вынутый с волей в обнимку пришёл...

—Ну и что ты делать стал?

–Позвонил другу-психиатру. Он меня взял с собой в Лосево. Там турбаза такая. Свиноферма там своя, огород. Меня подвели к свинье. Свинью на моих глазах закололи, за ноги подняли, крови свиной в стакан налили. Заставили выпить. Меня чуть не вырвало, но выпил. Потом меня в бане долго парили. Потом зелень заставили есть свежую, мясо есть, кровь пить. Потом мне стало хорошо, и к алкоголю не тянет. Я, наверное, никогда больше пить не буду!

–Да уж, Влад, ты уж дошёл до ручки. До свиной крови дошёл. Ты уж не пей, ладно?

(((((((

Владик опять упал на гастарбайтерских плитках и сломал себе ребро. Как он прокликает этих гастарбайтеров! Хотя надо проклинать чиновников-коррупционеров. Это они то заставляют снимать асфальт, то его укладывают, теперь вот вечно туда-сюда ковыряют плитку. Явно деньги воруют. Плитка – золотое дно для воровства из городской казны. Зарывают и откапывают, берут подряды, львиную долю себе, малую толику беднякам с лопатами.

Владик стонет, но хочет трахаться. Я ему говорю:

–Расскажи, что ты сегодня делал. Как ты с ребром своим по улице ходил? Как ты будешь лечиться?

Владик рассказывает. Пошёл в травмпункт. Сделали рентген. Принесли снимки. На одном снимке чья то рука сломана, на другом – чья-то нога. Ещё на одном снимке – все рёбра переломаны и как бы не очень срослись, все вкривь и

вкось. Врач с любопытством стал рассматривать. Владик тоже. Стал злорадствовать, что вот хуже травмы бывают. Стал острить, что вот мол, что за чудик такой с такими рёбрами живёт? А врач ему и говорит: «Ты этот чудик и есть. Это твоя грудная клетка и твои это рёбра и есть! Сам ты чудик этот, выходит!».

–Ха-ха-ха! Ну и история! И ты чего тогда сделал?

–Я в обморок упал.

–Ты? В обморок?

Я в шоке. Я такого не ожидала от Владика.

– Мне дали нашатырь понюхать, ватку под нос сунули, и я ожил.

–Да. Ни фига себе, какой ты нежный. Извини... И... И чего теперь?

–А ничего, гипс не накладывают на это место, само срастётся, сказали.

((((

–Я очень здоровый!– говорит Владик. – Врачуги меня исследовали и говорят, что, несмотря на годы пьянства, организм у меня как у абсолютно здорового человека,– хвастается Владик.

–Просто ты никогда не болел, поэтому алкоголь тебя не ломает,– замечает Женя, скручивая косячок.

–Как не болел! Я шесть раз подцеплял гонорею, пять раз трихомоноз, четыре раза триппер, не считая более мелких

заболевания типа соплей из члена. Вот сифилис только не подцеплял.

Мы с Женей изумлённо смотрим на Владика. Это открытие... Хиппи любили свободную любовь и секс без границ...

«Здоровый, но хрупкий!»,— думаю я про Владика. Эх ты, барон Литопурк, рыцарь-мародёр, хулиган-алкоголик, борец с ментами и ветряными мельницами!

Женя тоже смотрит на Влада по-особому. Он три года провёл в туберкулёзной больнице. Думал, что не выйдет оттуда никогда. Многих оттуда уносили на кладбище. Худенький Женя пытается открыть свой журнал. Но к нему какие-то тормоза прицеплены. Уже лет 5 как он мечтает о журнале и ежедневно предпринимает некие шаги в сторону воплощения своей мечты. И воз и ныне там. Болото. В болоте больном мы колышемся....

(((((((

Звонок ночной по телефону. Ужасно ругается соседка снизу. Опять залили их. Я выскакиваю и попадаю голыми пятками в огромную лужу. Это протекла отключённая от электричества неработающая стиральная машина. Судя по всему, накрылся клапан в резиновом проводе, и в машине тоже какой-то клапан накрылся, и вот вам результат. Соседка орёт и орёт, что вызовет комиссию и т.д., я ей говорю: «Вызывайте, и давайте-ка я воду уберу, клапан чем-нибудь заткну, что-нибудь придумаю, чтобы вода не лилась!». Сосед-

ка аж визжит. Я бросаю трубку, совершаю всякие манипуляции с тряпками, тазами, кошачьим поддоном – для слива туда из-под стиральной машины. Соседку мы заливаем раз пятый, и всё время не по своей злой воле или ротозейству, а по воле духов. Однажды прорвало батарею. Вода долилась до первого этажа, у нас было сухо, только сильно журчала вода. Вода из дыры как-то хитро проваливалась прямо в щёлку вокруг трубы, так что у нас сухой был пол, а соседи трёх этажей вопили и стонали, вода текла у них по стенам потоками. Потом прорвало у нас фановую трубу, тоже хитро как-то, над унитазом, щель была между стеной и трубой, так что не подсмотреть и не рассмотреть. Дерьмо от соседей сверху стекало по трубе и прямо к многострадальной соседке ниже этажом. Дыру удалось обнаружить путём пальпации, мои пальцы нашли провал в трубе сантиметров в десять длиной и пять шириной. Как так могла прогнить чугунная труба- хрен его знает. Менять её сантехники отказались, они сказали, что надо тогда менять на всех пяти этажах. Дыру мы забинтовали и зацементировали, но это опять прорвалось, тогда замотали эластичным бинтом, труба выглядит как перебитая нога. Потом промылась незаметно щель между кафельными плитками – крошечная такая щёлка, но вода туда проливалась так, что опять соседку залило. Потом незаметно прорвало резиновый шланг от стиральной машины, пол тогда в прихожей был в шашечку, вода моментально стекала к соседке. Такие вот перекрытия щелястые и полые.

У нас тоже постоянно протечки от соседки сверху, иногда мистические – у неё сухо, у нас капель. И пол вздут от воды, которая неведомо откуда берётся. Но соседка снизу – вещь особая. Это девушка лет тридцати одинокая, боже, как быстро идёт время, я её помню ещё весёлой волосатой толстушкой, которая радостно напевала от предчувствия счастливой жизни. Прямо как в рассказе Петрушевской. Они жили сначала типа впятером – мама, папа, бабушка, дедушка. Сначала исчез папа, потом дедушка, потом вроде бабушка исчезла, а может и нет, она стала дряхлая и редко выходила, может она и сейчас жива, но вроде как умерла всё ж. Мама весёленькая такая, одевается в яркий секонд-хенд, гуляет с собачкой, иногда сильно пьяная, видно, что напивается втихоря и одна сама с собой. Дочка вроде как училась в культуре на библиотекаря. Ни разу не видела её с парнем, или с мужчиной, она всегда одна, все 10 лет, что здесь живу. Часто истерично ругается с матерью. Бедная! Какая жуткая у неё жизнь! Как у меня.

Потом я часто бывала в их квартире по поводу протечек. Зрелище угрюмое. Большая комната, зала- которая у нас в хрущобах метров 15, она у меня вся заставлена. Пять шкафов, три из них книжных, два стола письменных, спортуголок. Барахла жутко много, диски мои и Мити, видеокассеты от видака старого, компьютер, телик, книги на шкафах, игрушки под столами, блокнотики, тетради, цветы комнатные, кот хрюкает, тапки всякие, шмотьё для переодевания

на стульях, лифчик, джинсы, носки грязные, тигрёнок, которого трахает Китс.

У соседки же эта комната абсолютно пустая. Один диван и тумбочка, лиловенькие занавесочки и всё. Такая скука, и ужас, и отчаяние, такое отсутствие всяких интересов и хобби. Я зашла, и на меня полыхнуло адским холодом. Как так люди живут- без книг, без компьютера, даже вроде без телевизора в этой «зале». Диван и тумба. Ну, хоть бы календарик на стене! Сесть с мамой вдвоём и пялиться на нашу протечку. А годы идут. Весёлая толстушка превращается в истеричную, склочную, не дратую кобелями бабищу, как это грустно, боже, как страшна и безрадостна жизнь. Какая там демография! Вот куда эта девушка приведёт мужа- в эту коммунальную стерильность со своей попивающей покладистой мамочкой? Или мама если найдёт себе мужчину- куда она его приведёт- к этой злой толстушке? И где найти мужика с жилплощадью своей? Так они и будут жрать друг друга до скончания веков в лиловых занавесочках, без аистов и бэби, как грустно всё это. Как хочется, чтобы Бог был и что-то бы менял в лучшую сторону у людей, а не только в виде перемен при помощи выноса вперёд ногами...

(((((((

Владик опять исчез. Неделю его нет. Появляется оживлённый. Был в застенках. Шёл лысый и жуткий по городу, потребовали паспорт. Обозвал ментов козлами вонючими

и крестьянскими сынами, сказал, что президент наш – долбаный чудаки. Три дня дали за оскорбление ментов, четыре дня – за оскорбление головы. Отсидел в застенках с приятностью. Подержали его в специальной тюрьме для нарушителей паспортного режима, потом в другое место перевели. Там был милейший англичанин, у которого паспорт стыбрили, и вот он мается в Питере, совсем ошалевший от приключений. Негр был лиловый беспаспортный, пара ещё каких-то чудиков, вроде инопланетян. Соседом по камере был хороший чел, бизнесмен, не уплативший штраф гаишникам, ибо штраф ему прислали в виде письма, а в почтовый ящик он давно не заглядывал. Он умолял ментов выпустить его, деньги им давал, они выпустить отказались. Бизнесмену родственники носили фрукты сетками и колбасы палками. Влад отъелся палками колбасы и фруктами, посвежел.

((((((((

Солнечный и очень нервный день. Бесконечное одно и то же – безобразная среда обитания-обидания, от которой с души воротит. Мусор кой-где убрали, засунули в чёрные жирные мешки ростом с человека, но кой-где не убрали, какие-то спорные дворниковские территории. Убогие отношения земли и асфальта. Земля вечно вспучивается и размазывается колёсами машин, которые вечно на природу налезают. В результате и так то асфальт весь поколот и разбит, а тут ещё на него земля выливается, потом сохнет. Серая пыль

города.

Земля города- это убитый прах, и так то прах, а тут ещё дважды умерщвлённый- пропитанный нежитью машин, их твёрдыми частицами мёртвеньких синюшных газов. И всё в хабариках, трупики хабариков как ипостась городских жителей, которых когда-нибудь трахнут атомной бомбой, и вот так вот они и будут всюду валяться причудливыми сочетаниями. И всюду палочки от чупа-чупсов, и пробки, и упаковочки нетеленные и тленные, и всё это оскорбляет глаза, оскорбляет, оскорбляет... Земля, изнасилованная Одноразовой цивилизацией пластиковых стаканчиков, бедная, бедная земля.

. Опять трава жирная зелёная лезет, пытается меня, старого эльфа, помирить с реальностью, мусорок прикрыть. А я её, эту реальность, непримиримо не люблю, она меня оскорбляет антиэстетикой на каждом кубическом сантиметре вокруг.

И сердце у меня остывшее, и душа ледяная. Раньше я была как гагара во льдах. Я пришла в жизнь и увидела вечную мерзлоту и пустоту, мерзость и антиэстетику Города. Но внутри бывали искры надежды, они грели меня, не давали сливаться с мерзостью и мерзлотой. Теперь я часто чувствую себя остывшей изнутри, пустой и остывшей.

Ведь этот город, дома, эти дворы, этот мусорок- всё это порождение этих бесчувственных людей, у которых столько тепла внутри, что они не чувствуют смрад помоек, дыма,

пыли, их глаз равнодушен к уродливым объёмам и линиям домов, эти люди не плачут по траве, цветам и деревьям, голубым облакам, красивому колориту, тонкой красочности и живой узорчатости, эти люди живые и сильные, а я маргинал, я нелюдь, меня терзает антиэстетика, она меня прессует и депрессует, я пуста внутри, у меня колокольчик внутри не звенит радостно от самой себя, я зависима от внешних форм жизни. Я формалистка, формо- и эстетикозависимое существо.

Я не хочу жить среди этого, но это длится и длится, в городе нет ни одного уголка, который бы меня примирял бы с жизнью. Если старые дома – то вонючие и грязные, и зелень убита. Если «новые» районы – то кубики примитивные, линии нервные и больные, обшарпанность, отсутствие цвета, несочетаемость живых растительных форм и форм архитектурных.

(((((((

И ещё. Я вот не могу жить в квартире внутри семьи. Правда, это и не квартира и не семья. Территория чужой активной самки. На ней я и мои киндеры, как моё продолжение, проживаем, как некий мусорок, как скукоженные сущности, которым ничего нельзя по большому счёту. По маленькому счёту можно- у телевизора подремать кверху пузами. В ванне поплескаться, съесть что-нибудь втихоря- это можно. А по большому счёту- типа как «вот это мой дом, тут святое-

мой кабинет, тут детская, тут я принимаю гостей, тут обеденный стол»— этого ничего нет, что типа «положено иметь в доме». Всё под прессом истеричного упрёка, всё встревожено, ибо могут войти и передвинуть. Мы все: я, дети и кот-крепостные под гнётом барыни-матушки. Интересно наверно изучать жизнь растений под гнётом. Как они там изгибаются а протiwоестественных щелях и щипках, без солнца, удушенные старыми задницами раньше них выросших деревьев. Вот и я так. А из меня уже тоже вылезли отпрыски. И тоже изгибаются. Я растение, даже не животное, даже не рыба и не комар. И где взять ум, где взять энергию, чтобы из разряда растений перейти в высший класс? Моя подруга Елена переехала в огромную 5-комнатную квартиру. Их пять человек, и комнат пять. А живут как мы, как растения, под гнётом друг друга, в хламе и истерии, и жажде выбежать на улицу и там погреться у чужого огня. Даже разделяющие стены и двери не помогают.

Я прихожу домой, и меня охватывает сонная одурь. Мне тут тупо. Я вертела и так и сяк мёбель, но не получается- никак не нащупать нужные энергетические углы и точки, всюду неуютно и зажимисто и тревожно, что переставят и запутают. Старший сын затянулся в тину Интернета. Младший приходит и мается, мается. Стол его письменный это свалка, ему на нём неудобно. И у меня стол – свалка, мне тесно, он сам собой стал подставкой для огромных лимонных деревьев до потолка, на нем лежит кот среди банок с кнопками, ка-

рандашами и прочим хламом. Мы изнутри какие-то скукоженные и повязанные веревьями. И тишина. Я боюсь музыки. Музыка – это очень нервно. Если уж музыка поёт, то она меня совсем поработощает, она раскачивает мой эмоциональный аквариум, я начинаю вся внутри колыхаться, пафосничать, у меня то слёзы подступают, то мечты о несбыточном душат, жалко себя, жизнь свою загубленную и зря пролежленную на диване, кулачки сжимаются, и одиночество, одиночество. Ваше отечество- это одиночество. Ваше естество, величество, девичество, мужество, почвенничество. Какие то всё платформы и фундаментальные состояния среднего рода, какие то нули бесполые среднего рода. Хотя это всё ложь и слабость. Вот- полк детей рядом, какое ж одиночество.

А время мы проводим так. Мы молчим. Я не знаю, о чём с детьми говорить. Я так привыкла к тому, что в доме говорить ничего и ни о чём нельзя, лет с 12 привыкла- матушка тут же тупой и злой клюкой забьёт. И я так и живу молча, молча уже и перед детьми своими. Дети иногда со мной говорят, но беседы получаются весьма примитивные и животные. Поел, поспал, помылся, пописал. Иногда- об иудохристианской цивилизации и о четвёртом рейхе со старшим, иногда об экзистенциальном – с младшим.

Мне всегда не хватало тёплой животности семьи- мягких пухлых диванов, одеяла пушистого, столика под носом, тарелки на коленях, хлопчатобумажных портков разнузданных. И я это сделала. Все жрут предельно комфортно: то

бишь каждый уносит плошку в удобное место- под экран телевизора или компьютера. Мы все расслабились. Нет чинного стола, вокруг которого надо сидеть по стойке «смирно». Можно в своей норе почавкать, порыгать, пёрнуть, плюнуть в тарелку, а потом опять дожевать. Или втихоря дожрать вкусный кусок из грязной тарелки в мойке, пока воды нет, за кем-нибудь, пока никто не видит, а то блеванул бы и стал ругаться бы. Расслабуха и кайф. И я никого не напрягаю беседами, и, боже упаси, поучениями. Иногда находит: заставляю Митьку убрать хлам на письменном столе. При этом я чувствую себя садистом, измывающимся над маленьким Кибальчишом, под видом классовой борьбы.

Скука, полное неумение организовать совместное действие внутри квартирки. Все действия- вовне. Хотя какие там действия? Потрындеть, посидеть в кафе, прошвырнуться туда сюда. Вот и вся свобода человеческой жизни, бя. Как человек изнывает от своей свободы! Какие вериги неподъёмные для человека- его свобода! Вот открыл глаза- и ужас, свобода перед носом. Пустой звонкий куб комнаты, наполненный звенением слежалых вещей, свидетельств твоих слабых потуг чем-то увлечься и что-то полюбить. Есть люди, которые могут поразвлечь, но это не те, что в быту с тобой упрессованы. И мы все тяжко скучаем друг с другом, у всех сердечко ищет теплоты и задушевности духовной где-то вовне, на стороне. Все мы стрекочем по телефону так, что аж провода накаляются. Старший весь вылез в Интернет, младший лезет туда

же. Там, в виртуале тепло, радостно, в доме- скука.

Ещё я думаю, что виртуал приятней из-за отсутствия физического тела в нём, не надо телами соприкасаться, глаза куда-то пялить, руки-ноги куда то девать. А быт раздражает, так как нора мелкая, выйдешь в коридор метр на полтора, а там санитар леса- мамашка моя, бабушка детишек моих, как выпрыгнет, как прижмёт к стене, как начнёт глазами по твоему телу бегать, гадости запредельные говорить, всё не в тему, всё из мира фантазий и всё направленное, чтобы меня подавить и раздавить тяжелой пятой маразматического истерического материнства. Если ж не смогла бабушка повампирить, крови попить, если я быстренько так незаметно уныриваю в свою норку или на улицу выскальзываю, то она принимается физически вонять и чадить- как продолжение своего шпилящего монолога. Бросает на сковороду шмат масла, во всю катушку включает газ- греет внучику ужин. Выжигает весь кислород в крошечной квартирке. Дым, чад, гарь, взвешенные частицы жира липнут к потолку и ко всем вещам. Как в рекламе про какое-то масло. Как масло называется – хоть убей не помню, а бабка в рекламе отличная, жизненная, злочадящая.

Иногда думаю, что так всё тоскливо и по-животному внутри квартирке из-за того, что мужа настоящего нет, мужчины рядом пребывающего физически. Ну, чтоб не по телефону трындеть, а глазами в глаза. Типа дом бы наполнился бы живой беседой в реале, дети бы видели пример положительный,

как одно тело может триндеть с другим телом, как папа кладёт маме руку на плечо и на попу, то есть это был бы пример телесного и человеческого контакта. А так мы все живём как ангелы без телесных контактов, токмо если на тему пожрать. Хотя, пожалуй, пятый человек физически бы у нас уже не поместился бы. А если бы был мелкий, малогабаритный, и поместился бы, то был бы съеден заживо тещей, или сам бы убил её и сел бы в тюрьму. Это мы уже проходили.

А на улице я прыткая, резвая, бегаю, сверкаю, произвожу впечатление живого человека. Один человек мне говорит: «Дай попить от тебя живой крови, а то нам скучно». Зябко жить людям, зябко. Многим людям жить зябко. И, что странно, когда я попадаю в логово к одинокому солитёру, жениху моему полумёртвому Владику, я ловлю себя на том, что я не человек, что я и с ним реальным не знаю о чём говорить. И у него я впадаю в сонную одурь. И дико боюсь быта. Хорошо жить целиком вовне норы. Типа утром встал и сразу побежал куда подальше, в общественные структуры. И возвращаться поздно ночью сразу в постель. Дом только как лежбище котиков. Вот почему все рванули в города- от скуки быть со своими домочадцами мордой к морде без наружного разнообразия человеческих морд.. С домочадцами и коровами, курами, собачками, кошечками и с ликом природы.

(((((

Владик опять исчез. Владик, Владик, где ты был! Нет, не

на Фонтанке ножки мыл. Да, ты приходил ко мне этим летом розовый и радостный. Ты в жару освежался в коричневатой, но всё равно живой и свежей Фонтанке. Ты рассказывал, как спас чудика, который в пьяном виде полез бросать монетки на маленького вонючего бронзового чижику у Летнего сада, и вот чудик упал в воду, его стало сносить течением. Владик прыгнул с берега и поплыл, так как барон Литопурк у нас отлично, как лосось, плавает, и вот Владик выволок упавшего в воду мужика на берег в Летнем саду, где ступеньки к воде спускаются, под аплодисменты гуляющих. Эх, Владик, Владик.

А потом ты ослеп.

Ты выпил бутылку абсента. Глупый чудак на букву «м». Зачем ты это сделал? Ты думаешь, что ты из стали и гранита, да? Что ты киборг и человек-паук, да? Что ты как в Эрмитаже крепкие чучела с гигантскими мечами зазубренными, да? Ты думаешь, что тебе подходят стокилограммовые женщины и латы весом в 100 килограмм, да? Ты думаешь, что можешь ломать кости многократно, и они все сами по себе быстро прицепляются, да? Что ты можешь пить пиво так, будто шланг в тебя вставили и на том конце бездонная бочка, да? Что можешь ссать в ванную, изливая из себя 5 литров пива? Что всё тебе нипочём, что всех крестьянских сынов, комунык, комсу и кэгэбуху ты поприжмёшь, что отшкуришь и отреставрируешь с весёлыми песенками все фасады Питера, что будешь танцевать буги-вуги до утра, да?

Нет, Владик. Ты не из камня. Ты часть природы, да-да-да! Тебе нужна свиная кровь и зелень, солнце, воздух и вода тебе нужны. И абсент тебе вообще не нужен, глупое жадное любопытное существо. Какие ты такие разводы хотел увидеть? Как ты хотел ещё по-особому возбудить свою психику?

Владик утром встал и понял что ослеп. Врачуга знакомый посмеялся над Владом, над его нечеловеческой жадностью, и сказал, что, скорее всего зрение вернётся. Абсент то оказался настоящим абсентом, а не метиловым спиртом, подкрашенным зелёнкой.

ЧАСТЬ 2. РОЗОВАЯ.

(((((

Эвелина спрашивает меня: «Кто твой мужчина, кто он, как с ним, какой он?».

Ей всё время звонит астроном Пайков. Он ей говорит о том, как любит поэзию, поэтов и меня. Эвелина сидит в своём скучном итальянском аду, и её радуют эти многоречивые монологи на русском языке абсолютно незнакомого ей человека. Он ткёт и ткёт некую свою ирреальность, ткёт своё идеалистическое полотно, где всё сделано по его разумению и его хотению, где всё структурировано с теми пимпочками и горками, впадинками и затушеваниями, какие ему удобны. Эвелина сидит, полуслепая после операции на своих синих глазах в своей маленькой итальянской студии, в душистом, пахнущем итальянской пиной и эвкалиптом дворике, зажав старомодную телефонную трубку в своей немолодой белой руке с покрашенными розовым ногтями, она сидит и слушает, слушает горячий рокот Пайкова, льющийся за тысячи километров от Милана, из почти позабытого ею холодного сизого Петербурга, ещё более холодного от тёмно блистающих вод каналов...

Пайков врёт и врёт. Врёт и врёт. Пайков мощно вгрызается в цифровые соотношения вселенной, он с карандашиком в руках всё более могуче и тонко прорабатывает раз-

ные соотношения, которые как-то иначе представляют то, как сцеплены звёзды там, в глубях чёрных, непредставимых человеческому разуму. Когда Пайков устаёт от исчислений и размышлений, от манипуляций с уравнениями, значками невиданной красоты и сладости звука, ему хочется на землю, ему хочется земной теплоты. Он вспоминает о своём земном тельце, о своём необласканном, неотсосанном тельце, в котором бурлят гормоны и жидкости. Бурлящее физическое тельце Пайкова напоминает довольно грубо о своём существовании, о своих надобностях, о своих удовольствиях, о которых Пайков почти позабыл.

Много лет он живёт без жены, которая от него ушла. Пайков сближался с разными женщинами по зову телес, но разочаровывался душой, душевной теплоты не было, тельце удовлетворялось, но сердцу было так холодно после соитий, когда дама начинала говорить о своём, о переживаемом. Дамы были очень унылые и мелочные, мелкохозяйственные и копошащиеся в бытовушских дербеденьках, или же напротив, чересчур абстрактно духовные, под большим полётом их духовности царил у них неприятный неуютный заплюзганный быт. Раздражала одежда какая-то дамская дорогая, но очень мрачная и солидная, или напротив, серая такая бедная одежка бедных позабывших о себе интеллектуалок. Обои на стенах с блестящей соплёй пугали, безупречные ламинаты, на которые не взбрызни, не пролей, или, напротив, тараканы такие лет 40 не ремонтировавшиеся халупы с запахом

таким старушачьим, плесневелым, с вещами неухоженными и затёртыми, потерявшими всякий задор. И губы, увядшие губы, вечно читающие нравоучения и поучения, вечно нудящие о грядущей рухляди и смерти, о болячках и болезнях, о давлении, очищении и оздоровительных процедурах, о правильном питании, о посте и молитвах.

Увидев меня, Пайков ожил, его глаз почуял энергию в сочетаниях фиолетового и золотого, рыжего и зелёного, в брючках в цветочек и в лице моём, не знающем косметики. Он решил, что это ему подходит, это уж намного веселее, чем все его дамы, удовлетворявшие его возбуждающееся по вечерам тельце в бежевых волосках, разбросанных бедно повсюду. Но он всё-всё врал. Языком трепать- это не девок топтать.

(((((((

Когда я прискакала домой на костылях с гипсовой ногой своей, в перенаселённую халупу свою с домочадцами своими с верным котом во главе, с тяжёлыми, разнопёрыми, непростыми домочадцами своими, которых- ну куда ж их девать, некуда их девать, надо их вскармливать телом своим, среди них находить лазейки в пространстве и времени, и как-то тянуть свою трель, хотя с гипсовой ногой- какая там трель, ещё обездвиженной, ещё тяжеловесней, и Пайков, и Владоба они узнали о дате моего костыльного припрыгивания домой, а плечо мне подставлял чужой муж Вампир, милый

приятель Вампир, крепкий высокий Вампирушко с острыми садомазохистскими зубами, и маленькая его жена Вера сидела за рулём машины, на которой Вампир меня с вокзала до хаты моей довёз, и я с большим изумлением училась скакать на костылях вверх по лестнице четыре этажа, и совсем уже крепко обнимала шею Вампира, так как в гипсе нога страшно ныла, прыгать было страшно наверх, главное – ноги не перепутать, костыли вверх, на них упор, прыжок здоровой, гипсовую ногу подтягиваем, упор на здоровую – костыли ступенькой выше, прыжок здоровой, гипсовую тянем. И т.д. Главное, не перепутать алгоритм... Ни Пайков, ни Влад, женихи милые, они на вокзал не пришли, доверили меня чужому мужу Вампиру и его терпеливой жене Вере, привыкшей всякие чудачества претерпевать, и не такие...

Дома бабка выползла из норы с довольным величественным видом – воот, кара то небесная свершилась то, вот наказание то тебе прохвостка, вот не будешь по Москве то скакать то, детушек оставлять, и т.д. и т.п. Детушки вылезли посмотреть на отяжелевшую маменьку с окаменевшей ногой и костылями, подивились, младшенький потрогал гипс с опаской, но ничего особо интересного не нашёл в нём, оба убежали в свою комнату монстров по компьютеру гонять, очень интересное, захватывающее занятие. Мне это было приятно, что не надо их пугать своей ногой и костылями, что у них своя здоровая и весёлая жизнь.

Вампир поцеловал меня и ушёл к жене. Я, устав, легла на

диван, на ложе страдалищ моих, выложив ногу на подушку повыше. Нога внутри гипса, растревоженная, зверски ныла. В комнате моей был страшный хлад, весенний такой пронзительный апрельский белый холод, морозный ветер дул в щели, выдувая всё живое и тёплое в комнате. Сердце сжалось от тоски. В Москве среди не родственников мне было теплее. Гипс проморозился и всё тело вверг в пучину холода. Мороз через камень гипса меня dokonать хотел. Я накрылась двумя одеялами, шубой из шкафа. Костыли противно упали. Куда их не поставь, всюду они скользили по полу и падали, пугая кота, который попытался ко мне подойти, помурлыкать нежно, говоря, что помнит меня, любит, за свою держит, хотя странная я стала, лапа вот у меня какая-то стала неприятная, каменная, холодная, а так всё по старому.

Одеяло и шуба не спасали, я впала в заледенелый сон, нос у меня заледенел и заострился, руки побелели и были холодные и застывшие, ногу непонятно было, как держать, она ныла по всякому. Когда я открыла глаза от некоего шума и передвижений по квартире, передо мной стоял Владик. Стильный, красивый, в алой кофте, в синих джинсах. Вид у него был виноватый. По Питеру ползали слухи, что Влад мне ногу поломал. Он сказал, что сейчас, сейчас придёт, сходит на рынок за зеленью и свиными рёбрышками. Мне стало теплее от алой кофты Влада и от свиных смешных ребрышек.

Потом мы с ним вышли-пропрыгали на кухню, Влад в большущей кастрюле стал варить рёбрышки, набросал туда

зелени. Потом мы с ним ели этот отвар, и уже ночь настала, и Влад не уходил, и у бабки слов быстрого реагирования не было, так как вот больная с гипсом, а тут лекарь пришёл, супчики варит. Влад сверкнул глазами, защёлкнул задвижку, сглотнул слюнку. Дети в детской уже спать легли, засыпали они быстро и спали крепко, а бабка шипела в своей пятиметровой за шкафом, да и пусть шипит. Я смотрела на Влада виновато так, стыдливо, ну что вот за фигня приключилась- хряп, нога в гипсе от пятки до лобка. Влад сказал: «Ну-ка, сними с себя всё!». Мне было холодно, снимать сто одежек, в которые я закрутилась, было сложно. Влад тянул меня то за рукав кофточки, то за ворот футболки. Распаковал. «И трусы сними!». С трусами было сложнее, Влад сильно их натянул, но удалось и их содрать. «А теперь возьми-ка костыли!». «Чего?». Влад уже таким знакомым, по-особому тихим голосом: «Ну да. Вот. На. Возьми-ка в руки, на, бери. Ну да... А теперь... Попрыгай-ка передо мной на костылях по комнате! В голом виде. Туда и обратно...».

Я, голая, стыдливая, с закрученной в белый камень ногой от пятки до середины ляжки, послушно упёрлась подмышками на коричневые бородки костылей, сделала несколько прыжков до окна, потом обратно, приподымая тяжкую каменную ногу свою. «Да-да, вот так, очень хорошо! Очень хорошо!», – сказал Влад, быстро скидывая с себя всю-всю свою одежду...

(((((

Так у меня началась новая жизнь на моём раскладном диване. Влад приносил с рынка пороссячи рёбрышки и зелень, творог и всякую всячину, ногу в каменной ступе мы приспособились забрасывать на пол, чтобы она не мешала, правда, при этом, она порой начинала ритмично довольно громко стучать, пугая кота.

Гулять было сложно, на гипс я натягивала разрезанный красивый вязаный носок, сверху наматывала полиэтилен. Потом соседка-художница Наташа принесла краски и кисти, а также розовый мех-пух. Она покрасила мне костыли в золотой цвет, а к перекладинкам, которые больные обычно обматывают серой ветошью, чтоб не натирало мозоли в подкрыльях-подмышках, к ним она приклеила роскошный длинный розовый мех. Я нашла в шкафу старые свои розовые легинсы для аэробики, они были из роскошного нестареющего эластика, и я натягивала легинсы на две ноги, включая гипсовую тумбу, и получилось, что я стала такая вся стильная и красивая, златовласая, в чёрной кофте и розовых легинсах, и с золотым костылём, опушённым розовыми перьями и пухом. И так я стала по городу прыгать, и Влад помогал мне пропрыгивать вниз по лестнице, так как оказалось, что вверх проще, а вниз труднее. И Таня ко мне приходила, Влад принёс «Ночной позор» в переводе Гоблина, там была хорошая музыка, смешные тексты и стихи, и мы с Таней раз 6 кассету гоняли, я сидела на диване, задрав ногу

на стул, иногда засыпая, а Таня рядом хохотала, а вечно воняющий спиртом из пива «Охота» Влад приходил, и чудил, варил свиные хрящики, потом запирал комнату изнутри на защёлку, скидывал всё с себя, с меня стягивал, и грел меня свои горячим влажным телом, и опять стучал гипс по полу ритмично, и я придумала свитер подкладывать, чтоб стук не будил детей, хотя они и так дрыхли крепко без задних ног и ничего их в моей жизни за стеной не интересовало.

(((

Тане, одинокой девушке, живущей одной в четырёхкомнатной хрущёвке, ей нравилось у меня. Особенно она зачатила, когда я оказалась приколотой костылями к дивану.

–Как тесно у тебя, Гуля!– говорила Таня с восторгом. – Тесно, но уютно. Вот я одна в 4-х комнатной квартире живу, и так неуютно, величина пространства на меня давит. Мне нравятся крошечные квартирки. Теснота. Чтобы несколько поколений кучковались: прадедушка, бабушка, родители, внуки, деды, дети, кошки, собаки, хомяки... Чтобы всё жизнью было заполнено, каждый сантиметр кубический. Есть даже такая теория, что полезно людям в тесноте кучковаться, что когда несколько поколений друг о друга трутся, то от этого энергии больше и дольше живут.

–Таня! О чём ты? Это ужасно! Это ад и невидимые миру слёзы. Как мне хотелось бы жить с Владом полноценной семьёй в большой, нормальной квартире, жить как взрослые

люди, среди моих ровесников, без давления со стороны могучих предков. Знаешь ли ты, Таня, что такое главенствующая территориальная самка в норе, и что такое с этой самкой тереться на крошечной кухне полушариями ягодиц? Гадость невероятная, скажу я тебе... Как мне хотелось бы не продавать пианино, а чтоб Митя на нём играл бы! Да и я бы иной раз играла бы... И чтобы не говорить шёпотом, не ходить по струнке, не испытывать чувства вины, в которой ты не виноват... Так хотелось бы исхитриться, чтобы снимать большую квартиру минимум трёхкомнатную... Чтобы туда перебраться с Владом и детьми, и хоть чуть-чуть пожить бургерской стабильной жизнью, без старшего поколения гнетущего, без Мегер Фёдоровичей всяких... Члены расправить свои. Перья распушить. Быть самим собой, а не плюгавцем подкаблучным...

–Проще маманю твою отселить в однокомнатную...

–Увы. Она отсюда не сдвинется. Это кремень человек.

–Вампирка она у тебя.

–Что делать... Родителей не выбирают. На них живут и умирают. В условиях квартирного дефицита.

– А, кстати, у твоего Влада есть друзья?

– Есть.

– А неженатые есть?

– Полным полно. Все неженатые. Миша Взоркин. Красавец, любитель артхаузного кинематографа. Добрый, щедрый, заботливый. Днями и ночами работает на компьютере.

—А что, мне нравятся трудолюбивые мужчины... Главное-непьющие. Алкашей вот я совсем не понимаю, типа Владика твоего пролетарского простонародного. Лярвы сосут его и всех алкашей... Сосут... Сосут. Мозги, печень, разум, волю, деньги, силы. Ох, как сосут. (Таня автоматически сосёт банку «Отвёртки», заметно пьянея.).

—Особенно противно, что элита нации отсасывается в другие страны. Ведь только тонкий слой научной и художественной интеллигенции делает нацию, это её соль и теин в чаю. Мозги — это и есть теин и соль, и они вместе с редкоземельными металлами высасываются...

— Знаешь, тут передача была, как немецкий художник заказал для себя русских дешёвых мозгов для своих инсталляций. И реально ему в Сибири по моргам надрали целый вагон человеческих мозгов от беспризорных трупов. А на таможене вагон открыли и чуть не умерли. Шум пошёл. Это лярвы, лярвы, это всё они... Души умерших некрещеных пьяниц. Принципиально ненасыщаемые, они не попали ни в ад, ни в рай. И их полно всюду. Я думаю, это они сосут нашу кровь и нашу нефть из недр. Мозги наших физиков и генетиков. Газы сосут. По трубам. Деньги, деньги...

—Йес. Йевроньес. Все высосали из карманов. Именно как в трубу всё улетает! Работаешь на унитаз буквально. Ничего не остаётся от трудовых доходов.

— А потом всё высосут и отринут, как пустую оболочку. Вот так. (Таня, пьяненькая, отбрасывает высосанную банку)

–О’кей! Змеям ядовитым смерть! А у Влада есть друг, который реально змеёныша вырастил на своей груди! Теперь два метра уже. Женатый, правда.

– Змей?

–Нет, мужик. Сантехник питерский.

Вот так мы с Таней беседовали. И тут обычно появлялась мать моя, старушка с ядовитым взглядом. Таня здоровалась с ней, а та сквозь зубы бросала ядовитое «Здравствуйте», цепко осматривая Таню, кухонный стол, а потом нутро холодильника, явно подозревая, что мы съели её продукты. Обычно мать моя, ядовитая старушка, не стеснялась демонстративно вынимать из холодильника сосиски, масло, сыр, уносить всё к себе в комнату, припрятывать. Невзирая на мою сломанную ногу в гипсе. Добрая, любящая меня женщина-мать!

((((((

Я вдруг решила нарисовать картину. Хорошая такая большая монументальная картина на бумаге получилась, солдат сидит в зелёной форме, и свинью розовую весёлую на коленях держит. Что я хотела сказать этой картиной? Не знаю. Наверное, что солдат- пушечное мясо и свинка для тушёнки- это одно дружественное целое. И оба они –это не цель, а средство. Или ещё что. Хрен разберёшь. Постмодернизм...

Вечер настал. Влад приехал. И как только добрался! Пьянуший. Вонючий. Только дыхнул в маленькую комнату мою,

как я почувствовала, что пьянею, будто сама напилась. Влад не просто пьяный, а качается и хрюкает, и пытается влезть на мою половинку дивана. Если влезет, то мне труба – мне негде спать будет. Я его подтолкнула, он легко завалился на пол, прямо головой у картины моей «Солдат со свиньёй», упал на ковёр, что там подстелен, и тут же уснул богатырским рыцарским сном, каким рыцари и богатыри, а также гладиаторы и наёмные солдаты спят. Упал, ручонку положил под голову, и захрапел зверски и под солдатом, и под свиньёй, сам как солдат и свинья в едином флаконе.

Митя вбежал покачаться на спортивной лесенке, увидел Влада вонючего, завалившегося под лесенку и качельки. Тут же что-то смекнул, убежал в туалет, вернулся с ароматизатором воздуха «Душистая сирень», густыми струями Владика и воздух над ним опрыскал.

Я, чтоб заглушить ужасающий храп с улюлюканьями Влада, включила ящик, программы какие-то ночные. Владик храпел так, что картина на стене колыхалась. Вонь из Влада была жуткая. Я костыликом форточку приоткрыла, чтоб от вони не умереть. На Владика свой халат зелёный накинула, зелёный в чёрный горох, как олицетворение тоски зелёной домашней.

Когда заснула, вдруг Влад ожил, скинул со своего розового тела одежды свои, и как-то вытянулся вдоль меня и моего гипса, как змей, и мордой стал храпеть и дышать прямо мне в лицо. Я рассвирепела. Ну что за гад такой! Разбудить его

невозможно, так тогда я решила его заморозить. Сдёрнула с Влада одеяло, пусть голый спит. Под форточкой морозной, которую я костылём своим золотым открыла. Влад очнулся заледенелый, удивлённый, что вот часть тела у него ужасно промёрзла, в 6 утра встал и ушёл.

Исчез. Появился через две недели. Оказалось, что получил воспаление лёгких. Блин, я его чуть не убила! Мне стало стыдно...

(((((((

Пайков периодически звонил и долго разглагольствовал о том, что мне нужен зачем-то калий, который есть в бананах. «Хочешь, я тебе бананов привезу!». «Ну, хочу!», – говорила я без всякого энтузиазма. Меня ужасно утомило моё насильственное сидение взаперти. Хотелось почаще выходить на улицу, хотелось съездить на Невский, посидеть в кафе с приятелями. Машин ни у кого из богемной братии не было, Вампир впал в запой, Вера работала за двоих. Чтобы выбраться в центр города, надо было допрыгать до трассы, поймать тачку, махая призывно золотым костылём с розовым пухом, заплатить рублей 200... Таня, раз 10 посмотрев «Ночной позор», увлеклась чем-то своим, заходить перестала. У Пайкова всё время были какие-то дела, он тяжело долго обсасывал, во сколько и когда приехать, но всё никак не мог. За два месяца, что я была в гипсе, Пайков навестил меня всего один раз. Привёз килограмм бананов. Посидел полчаса, уехал. Ба-

наны тут же съели дети.

(((((

Я выезжаю в центр города на костылях, выпрыгиваю на шоссе, ловлю машину. Познакомилась с таксистом Пашей, звоню ему на мобилу, он подъезжает через 20 минут, очень удобно, и денег берёт меньше, чем остальные. Прыгала по Невскому на своём золотом костыле, встретила революционеру Богданова в оранжевом шарфике и старика в шипах и металлических украшениях, с белой бородой и белой гривой, диджея Вспышкина. Стали гулять по Невскому втроём. Богданов меня угощает в кафе, я всюду с ним прыгаю на золотом костыле, монстру потихоньку, выводя обывателей из снов розовых. Таксист Паша помогает мне допрыгать до четвёртого этажа на костыле моём золотом с розовым пухом. При этом пару раз пытался меня прямо на лестнице изнасиловать, сдёрнуть с моей костяной ноги розовые мои легинсы... Тьфу ты зараза, как плохо быть беззащитной женщиной!

(((((

Наступил июнь, мой день рождения. Детей бабушка забрала на дачу. Какой там день рождения! В магазин не сходить, гостей не позовёшь! Раздался звонок. Это были Наташа и Женя с жёлтыми цветами, винцом и печеньем. Мы попили винца. Раздался ещё звонок. Наташа пошла открыть дверь,

вернулась с изумлённым видом. «Там 5 мужчин, все красивые, с белыми розами, в белых брюках!». Я решила, что это глюк. «Нет-нет, правда, они к тебе! Это не глюк!». Это был кинорежиссёр Костик и его друзья из Германии, с ними были коньяк и закуска. И огромный роскошный букет белых роз.

Потом опять раздался звонок.

Это был красномордый от пива «Охота» Влад, с ним были красные и оранжевые надутые шарики, красные розы, а также пузырь красного вина. Стало тут не просто празднично, а по сумасшедшему празднично. Влад всех очаровал, потом он зачем-то достал свой огромный чёрный нож, схватил за горло самого маленького мужчину кинорежиссёра Костики и стал показывать, как нужно перерезать горло ментам, неприятно водя ножом перед Костиковым носом. Костику это не понравилось, и красивые мужчины в белых брюках ушли. Мне было стыдно, что у меня такой придурковатый экзальтированный друг. Женя, более терпимый к выходкам демонстрирующего своё бешенство Владика, с Наташей остались. Мы выпили все напитки, ребята ушли, я осталась с красномордым пьяным Владиком среди красных и оранжевых шариков и роз. Я злилась на Влада, что он распугал всю компанию, всё испортил, всех прогнал.

Ночью я подумала, что вот что лучше- пять красивых мужчин в белых брюках с розами, которые поздравили бы меня и ушли в свою жизнь, оставив меня одну на диване, или же свой собственный красномордый Владик под боком, го-

лый, горячий и влажный, и присасывающийся ко мне с моей каменной ногой, и женственно пищащий от удовольствия. Я вдруг подумала, что второй вариант всё же намного лучше. Лучше голый Владик рядом в ночи, чем пять красивых успешных мужчин днём, уходящих на ночь в свою жизнь в свои норы к своим женщинам.

(((((((

Пришла пора снимать гипс. Я так привыкла к гипсу, мне было так страшно увидеть свою помертвелую ногу, которая не мылась три месяца. Ещё я боялась, а вдруг нога не срослась! Было так дико представить, что надо же – те кости, которые так противно треснули, хряснули, наехали друг на друга, которые так противно торчали под кожей, натягивая её, почти что прорывая её, и вдруг- сами по себе вдруг раз и срослись. Влад помог допрыгать мне до травмпункта. Там была страшная очередь, аж скамеек не хватало. Стоять уныло в коридоре среди травмированных, поломанных, порезанных, к тому же коридор почему то пах обезьянником – это было слишком мучительно. Нервный Владик всё время покидал меня, он курил на свежие берёзы у входа. Я заглянула в пустой гипсовочный кабинет, мне стало плохо от ужаса. Там стояла юдоль страданий, топчан депрессивный с клеёнкой, таз с гипсом, на стене висели ужасные молотки, ножницы, клещи какие-то с удлинённой одной клешнёй. Я сказала: «Влад, пошли-ка погуляем по парку!».

На самом деле я ужасно нервничала, я боялась, что вот чужой мужик, врач, будет долбать мне по гипсу молотком, я ж с ума сойду. Ещё опытные люди пугали волосками. Что, бывало, волоски прицеплялись к гипсу, и потом гипс отдирали с волосками. Я сказала Владу: «Достань-ка тот твой чёрный нож, который ты любишь всем моим друзьям демонстрировать. Давай-ка ты сам мне сейчас расковыряешь гипс. Ну их, этих врачей». Владик, который всегда был абсурдистом, своевольным хулиганом, не признающим общепринятых правил, тут неожиданно проявил упорство и волю. Он наотрез отказался взрезывать мне гипс, он убеждал, что это должен делать врач, только врач. Я умоляла Влада поковырять гипс, он говорил «Не-не-не-не-не!», не боясь показаться трусом. Я пыталась даже улизнуть, я искала лазейки: «Очередь огромная, до ночи тут стоять надо, давай домой пойдём, в другой раз приду!». «Не-не-не-не-не!», – отшучивался Владик, – Сказали сегодня, значит сегодня!».

От ужасного страха, что вот придётся скоро остаться без гипса, с которым я так сроднилась, что скоро придётся увидеть свою ногу, которая будет, как глист, болтаться с мягкой косточкой посередине, от этого у меня началась настоящая медвежья болезнь. Когда стало совсем неважно, я скатилась вместе с костылями в какую-то мусорную яму, поросшую сверху молодым лопухом, там я сделала своё дело, утираясь лопухами. Владик сверху сторожил меня. Гипс доктор не бил молотком, а чем-то взрезал типа клещей. Нога была в

чешуйках, смешная, не страшная. Кость прицепилась на место. Я натянула легинсы уже на свою чешуйчатую ногу, и мы попрыгали домой, увы, с костылями. Мечта, что вот костыли отброшу в разные стороны, как взлетающая в небо ракета отбрасывает свои ступени какие-то, она не осуществилась. С костылями не рекомендовалось расставаться ещё какое-то время. Нога в чешуйках заостенела и была сама как гипс. Дома Владик сфотографировал мою освобождённую ногу и сладострастно отдирал чешуйки. Мы с ним едва не подрались за чешуйки, почему-то это оказалось очень увлекательным занятием.

(((((((

Влад пытается устроиться на работу. Он отлично делает ремонты любой сложности. У него безупречный вострый глазомер. Он может выровнять стены, сделать арки, просверлить входы, он может настать ламинаты, сделать проводку и подсветку, навесные потолки и установить унитаз. Он может сделать принудительную вентиляцию. Он может построить на даче вам бассейн. Он может сделать светомузыку на дискотеке в сельском клубе. Он умеет крепко и ровно выложить плиткой кухню. Он может привесить вам сверхпрочные полки. Влад читает всякие строительные журналы, он всё знает, все новые материалы, новые изобретения и технологии. Влад знает толк в хороших инструментах: какие только снаружи красивые, а какие добрые и прочные внутри. От лучезарной

улыбки Влада и его яркого громкого голоса поднимается настроение.

Влад приходит ко мне и перестилает мне полы, вешает мне полочки. На наши то дряблые хрущёвские стены, из которых все шурупы вываливаются вместе с кусками цемента, в которые хрущёвские строители чего-то всё же не доложили. Влад какими то особыми чёрными шурупами пронзает стены, вешает полки так, что для доказательства сам на них подвешивается, и они не падают! Он превращает депрессивную кухонку с провалившимся полом и отвалившимися плитками в хорошенькое розовое гнёздышко.

Я жарю Владу печень на сковородке в свежей светлой радостной кухне. Мебель вся убрана, кухня пуста, только газовая плита посередине. Я бросаю кусок кровотокающей печени на сковороду, но что-то я заболталась и перегрела сковородку, или ещё что-то неясное происходит. На сковородке вдруг возжигается столпом подсолнечное масло, а кусок печени почему то на языке пламени подлетает залпом вверх и приклеивается к свежавыкрашенному в сиреневые тона потолку! Мы с Владом с изумлением взираем на это чудо. Масло мгновенно выгорает и огонь на сковороде потухает. Я броском выключаю газ. Но печень висит на потолке. Высокий Влад подпрыгивает и сшибает печёнку, которая падает прямо обратно в сковороду. Цирк! Самое удивительное печёнка не сгорела и не обгорела. Я её дожариваю. Жирное пятно на потолке почему то легко и без следов смывается

тряпкой. Это было типа салюта кухонных духов приятному обновлению и ремонту этих старых сорокалетних стен?

(((((

Влад даёт объявления в газеты, позитивно настраиваясь. Но что-то изменилось в воздухе. Всюду ремонтные работы делают какие-то бригады. Я видела такую бригаду – как моей подружке Нине «бригада» похабнейше криво и косо поклеила обои по капиталистическим расценкам. Когда я ей предлагала взять на работу Влада, она стала ехидничать и от его услуг отказалась. «В ЖЭКе то работают профессионалы, а твой Влад самопальщик!». Ну вот «профессионалы», плохо говорящие по-русски, ей обои поклеили вкривь и вкось, даже удивительно, как так плохо можно поклеить. И гипсокартонные стены у неё колышутся, если дверь хлопаешь! Ха! Профессионалы!

Владу предлагают какой-то испытательный срок на полставки при 8-часовом рабочем дне. Я ему говорю: «Ищи халтуру. Подавай объявление как единичный мастер!». Влад со скрипом нашёл халтуру. Он очень дорого, по высшей планке ценит свой труд. Впрочем, он прав. Он реально мастер на все руки и знаток всех технологий и инструментов. Влад не хочет идти на уступки и на экономию барских денег.

По сути, иногда Влад выглядит так, как будто он не хочет работать, а хочет склочничать. Как будто специально зацепляет клиента за его нужду, а потом такие гадкие подковыки

выставляет, такие болезненные, дорогие, такие странные требования – типа купить ему циркулярную пилу для резки плитки, что клиенты разбегаются в ужасе. Идут к «бригадам», к гастарбайтерам, к каким-то левым продюсерам строительных шоу. Влад бы сделал лучше, крепче, красивее, профессиональнее. Но люди будто сошли с ума. Все жадничают. Никто справедливость Владиковых законов не признаёт. Все хотят подешевле, или чтоб разговоры вести с «Профессионалом», с прорабом, с бригадиром, с менеджером или с перекупщиком рабочей силы. Всюду все как-то встали раком перед менеджерами и перепродавцами, пиарщиками и оптовиками. Это непонятно. А где конкуренция? Где здравый смысл и осторожность? Да, на пару тысяч дешевле, но в два раза хуже и в три раза быстрее развалится... Мне искренне жаль Владика, что вот он такой вроде как обаятельный, но такой непристойно нахрапистый и чудаковатый, клоунский такой.

(((((((

Мне Нина дарит две рубашки мужские- огненно-пламенно-терракотовую и ярко розовую. Первая турецкая какая-то нарядная для дискотек. Вторая древняя мальчишковая, для советского юноши-подростка, вьетнамская, из неснашиваемого хлопка. Владик радостно начинает носить эти дикие смешные рубашки. Подлецу всё к лицу. Идёт Владик в ярко розовой рубашке и чёрном комбинезоне с лямками, строй-

ный такой и стильный, и рукава засучены, как положено крепкому мускулистому пролетарию. И ходит он по городу по объявлениям. И всюду в виде боссов какие-то бычины и бандитские ряшки сидят, и по-мясному взирают на пришедшую рабсилу. А стройный высокий и крепкий Владик уж больно хорош и огнен. И говорят бычины: «Мы б, мужик, тебя б на работу бы взяли б. Нам и охранники нужны, и рабочие.... Но ты того... Больно ты чудной какой-то. Чего-то мы понять не можем тебя, в розовой этой рубашечке. Вроде как того, а вроде как не того... Не, парень, иди отсюда. Станный ты какой-то! ».

Я говорю Владiku: «Одень чего-нибудь другое!». Но он говорит: «Зачем? Мне нравится!». И мне дико нравится. Так странно и оригинально никто так не одевается. Особенно хорош мускулиный Владик с повышенным содержанием тестостерона в ярко розовом, явственно невинном и пылающе инфантильном... Ну не одеваться же ему в серые китайские бомберы с катышками! Ну не носить же ему что-нибудь зелёное и коричневое, красивое по гамме и сдержанное, как это делают бедные, но со вкусом интеллигенты и художники. Ну не ходить же ему в пиджаках и костюмах, тогда точно за бандита примут, слишком красивый будет.

Хотя как хочется Владика в белой рубашке с изящным галстуком, в стильном приталенном пиджаке! Мне порой хочется рыдать, так я хочу Владика в белой рубашке и стильном костюме из хорошей ткани. В узких дорогих кожаных

ботинках высшего качества с манерными неброскими деталями, отличающими подделку от истинного качества. Владика, меняющего галстуки. Ему пойдут тёмно-голубые, серебристые, кожаный узкий пойдёт. А ещё лучше в золотом пиджаке со стразами и в расклешённых серебряных штанах со стеклярусом. Как мне хочется рыдать! Красота Владика тревожит меня, будто он бедная неодетая девушка в сером платьишке, а я мужик, влюблённый в неё. Ситуация неразрешима. Ни у меня, ни у Влада денег чего-то нет, только на еду и хватает, как ни бейся. Донашиваем старьё какое-то, блин, два талантливых человека в расцвете рабочей силы.

(((((((

Владика опять не взяли на работу. До этого ему дала одна буржуйская дама покуражиться над полом. Чтоб сделал с подогревом. Он стал пилить брусья, точно, до миллиметра всё отмеряя. В комнате возникли дюны из опилок. Дама пришла с веником и мокрой тряпкой, наработанную за день пыль прибрать. Владик расвирипел. Он любит чтобы сначала зверски напылить, нагреметь, навалить, а потом, когда последний этап работы – тогда уж и убрать всё как следует. Владик не любит суеты и лишних телодвижений, промежуточных уборок. Они почему то его раздражают. Хотя с точки зрения гигиены дама права. Дышать легче. Владик приходит злой и ужасный. У него рыжая пыль набилась в брови и в волосы в ноздрях. «Влад! Она права! Побереги лёгкие! Смот-

ри, что ты на ноздрях принёс! Что ты там вдыхаешь! Тебе нужен респиратор!». Влад лихо высасывает полуторалитровую бутылку пива «Охота». «Мне всё по фигу. Я чрезвычайно крепкий джентльмен! Мне не нужен никакой респиратор! Алкоголь восстанавливает и прочищает все органы! Я даже своим дыханием оживляю лазерную иглу!». «Как это?». «А вот есть у тебя дивидишник или сидишник?». «Есть. Но он не работает!». «Это то, что мне надо! Поднеси мне его. Открой. Вот так. Да, не работает. А сейчас я на него дыхну! Увидишь, что будет!».

Это удивительно, но сидишник в магнитоле заработал. После этого Влад дыхнул на всю замершую технику в доме, и всё заработало. Я сижу на стуле, выпучив глаза. Это круто!

(((((((

Владик делал ремонт в своей собственной родной школе. Вот так карта легла. С бригадой весёлых маляров. Поставили леса, чтобы высоченный потолок покрасить. Протянули верёвочку и повесили бумажку, на которой написали «Не ходить! Идут ремонтные работы! Опасно!». Влад в комбине-зоне своём живописном стоял на верхней полке с огромным ведром краски. Вдруг вышла откуда ни возьмись завуч, боже мой, всё та же родная завуч детства, которая Влада из школы выгоняла... Вот так карта легла. И стала она за малярами следить пристально и въедливо. Ишь, не оставила своей зло-вредной привычки следить за всеми, всех в чём то дурном

подозревать! Бегаёт вокруг лесов, за верёвку заходит. А там работы во всю идут. Влад и его напарник кистями широкими уже вовсю шуруют. Завуч подняла глаза и узнала! Узнала ученика хулигана, который уроки прогуливал, экзамены сдал экстерном на пятёрки, нагадив в душу пристальным и бдительным учителям, которые боролись за дисциплину и вредных учеников изничтожали разными способами. Влада папа отмазал от злых фурий, как-то он их ублажил, аттестат Влад получил после множества разборок. Узнала любимого Влада немолодая завуч, всё в таком же костюме джерси, теперь уже явно белорусского производства, всё с той же причёской – волосы в пучок намотаны сверху.. Влад с ней приветливо поздоровался, приподняв раз десять быстро брови и сверкнув раз десять глазками, а также типа сделав лёгкий воздушный поцелуй и воскликнув: «Мария Степановна! Не узнаете? Это я, Влад волосатик!». Завуч зарделась, поздоровалась, сделав высказывания по поводу оригинальной Владиковской причёски, типа, что вот всё у вас крайности- то с волосами чрезмерными ходили, уж да, боролись тогда мы с вами, чтобы причёска была как у всех, а теперь вот напротив, вообще побрились!

Наконец она ушла, но опять вскоре вернулась. Ей чудилось, что нехороший Влад сопрёт, сопрёт непременно краску! Влад краску пока ещё не спёр, хотя как не спереть краску, это же святое!

Завуч вместо уроков раз двадцать выскакивала и при-

стально следила за работой маляров. Опять заскочила за верёвку. Напарник Влада, крупный дядька, вдруг поскользнулся, воскликнул: «Ааааа!!!! Чёрт!», нога его взбрыкнулась, будто реально чёрт её за штанину дёргал, и огромное ведро с хорошо размешанной краской опрокинулось, и краска розовая школьная выплеснулась, и прямо на завуча, на милую, милую Марию Степановну!

Последнее, что успела женщина сделать, это понять, что Влад здесь точно ни при чём. Он стоял далеко, на другом конце дощатого настила под потолком, это точно не он краску вылил.

Влад быстро слез, потребовал много-много газет, их из библиотеки с охами и ахами принесли, сдерживая смех, так как полагалось плакать. Влад Марию Степановну обвернул газетами, промокал газетами, краска влипла в волосы, и Марии Степановне тут явно светила в этом месте такая же причёска, как у Влада. Кто-то принёс из школьной столовой подсолнечное масло, оттирать кожу лица и рук. Волосы были прекрасны- розовый такой колтун, стоящий дыбом! Ноги спасли колготки с добавлением хлопка. Костюм явно уже требовал немедленной отправки в мусорный бак. И вообще ученики умирали от попытки сдержать неприличное ржание, завуч была как из мультика «Футурама», розовая и весёлая. Влад вывел розового завуча на улицу и стал ловить тачку. Никто брать такое не хотел. Наконец, Марию Степановну, обклеенную газетами, обёрнутую Владиковой рубашкой,

которую он галантно ей пожертвовал, усадив женщину на сидение, всё проложенное ворохом газет, отправили домой – раздеваться, отчищаться подсолнечным маслом и брить налысо голову...

(((((((

У Владика как у крупного самца бешеная энергия. Он обегал весь город и пригороды, он заглянул в бесчисленное количество жопных дыр. Где-то он успел по пол дня или по одному дню поработать. Всюду деньги брал вперёд. Где-то что-то делал, но всегда непослушно и своевольно, не вписываясь в групповой труд или в привычки хозяина. Отовсюду Влада за его игровой и чудной нрав выгоняли. Так как это и ему ясно – Влад работать не хочет. Он и денег то особо не хочет. Он хочет заострить глупое тупое пространство, шокировать и встревожить обывателя, пощекотать его жабры и мозги, ослепить его огненной своей переливающейся рубашкой, обманув предварительно своим чёрным рабочим комбинезоном с множеством карманчиков.

–Влад, да ты же актёр! Владик, тебе надо идти в кино, в диджеи. Тебе надо быть телеведущим, или вести на радио передачу о музыке. Влад, тебе никогда не устроиться на работу. Ты лезешь не в свою ячейку. Твоя ячейка выше. Никогда тебя ниже, чем ты заслуживаешь, не пустят. А чтобы ползть в свою ячейку, тебе надо проявить мужество, храбрость, собрать волю в кулак, преодолеть комплексы, кисля-

тину и неуверенность в себе, надо поработать над собой, кой-где надо себя пообтесать, прислушаться к советам извне, выстроить себя в струну.

Влад идёт в диджеи. Ему предлагают смешную мальчиговую зарплату. Можно подумать, что Влад получает больше в целом по итогам месяца! У Влада просыпается мужское гавно в его жадной глупой необработанной душе. Владик взъерепенился и от работы красивым лысым диджеем отказался.

Потом выяснилось, что всё не совсем так было. Влад поставил для посетителей ту музыку, которую любит на сегодняшний день. Это странная, супер новая музыка, она опережает моду на год или два. Но посетители возмущены, они хотят других ритмов и мелодий. Влад, сияющий, шёл в люди и получил больно по морде. Он не из тех, кто пойдёт вперёд, обтеревшись.

Влад опять бегаёт по каким-то чудовищным дырам.

(((

Однажды Влад куда-то бежит, и я с ним. Пробегаем мимо заведения, торгующего «суши». Противное слово, сухое земляное слово, а означает мокрую сырую рыбу. Лживое слово, неправильное. Влад притормаживает свой бег.

—Знаешь, а здесь раньше пивбар был... Здесь я с друзьями всё время проводил. Тут аквариум такой стоял большой, один из первых аквариумов в Питере времён перестройки,

с золотыми рыбками. И вот тогда одноклассник мой Никита Спиридохин пришёл с деньжищами, гордый такой, что бабла много заработал в своём кооперативе по шитью варёных джинсов. И вот он нас всех поил, поил, а потом потребовал три литра водки у барменов. Непременно в одной таре. Мы все не поняли, зачем это ему. Думали, он будет рекорд ставить по питию алкогольных напитков, типа как для книги рекордов Гиннеса. Бармены забегали, нашли вазу для цветов, туда водку слили. А он взял и все три литра выбухнул в аквариум! Все мы изумились, думали, что вот гад, золотых рыбок убил по пьяни! Стали вопрошать его: «Ты чего, мол, такое сотворил, отвечай!». А он говорит: «Хочу, чтобы и рыбки золотые выпили вместе со мной, чтобы они тоже отпраздновали со мной первую прибыль моего кооператива!». Мы все тогда носами прилипли к стеклу аквариума, стали на рыбок смотреть...

—Ну и чего? — волнуюсь я искренне за бедных рыбок в руках пьяных чудовищ.

—И знаешь, им ничего не было! Вообще ничего! Они совершенно не пострадали! Только глаза у них ярче засверкали, плавать стали чуть резвее... И через день с ними ничего не произошло, и через месяц.

—Это удивительно....

—О, да тут много чего удивительного происходило... А про глистогонный чай я тебе рассказывал?

—А у тебя чего, глисты были, да?

–Во-во, тогда все такой вопрос задавали... Тогда Никита Спиридохин закупку в Китае сделал, целый контейнер каких-то пакетиков с целебными травами завёз. И они плохо продавались. И мы опыты ставили над пакетиками ихними. Всё ж трава... Как то попробовали на вкус чай глистогонный, вкус у него такой странный был, интересный. И вот если сразу 4 пакетика заварить, так шоркало по мозгам, круче водки! Потом курить пробовали – не тот эффект. И тогда стали всех друзей угощать чаем этим глистогонным. В баре этом тогда всю партию распродали. Тогда прикольно было. Люди в бар заходят, ничего не понимают. Никто пиво водку не пьёт, все чай пьют какой-то, и вид у всех забалдевший...

–Да, весёлый чел был тот твой одноклассник...

–Никита Спиридохин? Почему был? Вот 10 лет отсидит, скоро уже на свободу выйдет... Время быстро идёт...

(((((

–А чего ты, собственно, Владик, хочешь? У тебя мечта есть? Сформулируй!– говорю я Владу, с трудом отобрав у него одну из трёх подушек. Владик даже и во сне грабитель и захватчик. Он даже в бессознательном состоянии забирает всё сверх всякой меры. Вот сколько есть подушек, все себе заберёт. Одеяло стянет и обмотается, как гусеница листовёртка. Не сон, а вечная битва за кусок, хотя бы маленький, своего одеяла и своей подушечки.

–Я чего хочу?

–Ну да, помечтай!

–Ну, я хотел бы жить в огромном доме на природе, только не в деревне.

–Типа поместье своё иметь, да?

–Ну да. Вот дом на горе на берегу залива, там, в Карелии. Или лучше вообще у фиников.

–Нет, там холодно и депрессивно.

–Нет, чем северней, тем люди меньше испорчены.

–Да блин холодно там, не искупаться в воде.

–Ты чего, к хохлам хочешь, да? В Хохляндию, да? А я решительно не люблю Хохляндию, я Финляндию люблю!

–Да ладно, чего ты завёлся, это ж только про мечту. Давай, мечтай дальше. Ну дом большой – это я согласна.

–Да, и чтоб народу никого рядом, чтоб дикий лес.

–Ладно, сойдёт.

–И вот я этот дом набью техникой всякой, компьютерами, синтезаторами, всякой светомузыкой, и вот буду я сочинять музыку и громко-громко её врубать, чтоб сосны вокруг тряслись и чтоб снег с них, белки всякие и рыси бы падали, оглохшие.

–Тьфу на тебя, что за мечта о белках глухих, они то чем тебе надоели? Я вот по- другому хочу. Хочу зверей всяких, собак борзых, коней, корову любимую, петушков, фазанов, страусов, лося, скворца дрессированного... Правда блин кто за ними ухаживать будет. Корову блин надо кормить и доить, ужасный это геморрой... Да, а дом большой, несколько эта-

жей, с пристройками- это отлично. Я бы там рисовала и делала бы объекты. Ваяла бы из камня. Во мне орёт монументалист. Ты не представляешь, как я мечтаю о красках, о масштабах, о больших светлых залах, чтоб окна во всю стену... И твоя музыка бы не помешала бы. Правда, топить всё время надо, с холодом бороться круглый год. Хотя всё это можно решить, был бы кусок земли. Руки то и фантазия есть... Я же тоже всё умею делать. Мне кажется, я бы своими руками бы печь бы сделала, брёвна бы сложила как надо...

–Неа. Ничего не выйдет. Нужно 100 тысяч долларов минимум.

–Да иди ты в баню. Где их взять? Нужно как предки славяне – кусок земли с лесом. Лес вырубаешь, вырываешь озеро. На грунте из озера, на горе такой – дом из брёвен строишь. И ничего не надо. Там стёкла всякие только и чуток гвоздей и железок... Ну, кирпич на печи, черепицу на крышу. Можно, конечно, и дранкой выстлать... Или дощечками, как предки славяне.

–Неа. Ничего не выйдет! Ничего не выйдет! Нужны доски, брусья, инструмент, электричество, нужно много-много денег. Если не будет стройматериалов тысяч на 30 долларов, я ничего делать не буду.

–Ты не друид. Ты не герой. Ты современный слюнтяй и присоска к глобализму, к его мерзким наёПкам и наёПистым хилым материалам. Ну тебя! Ты просто ничего делать не хочешь! Тьфу! Лежи на своём сраном диване ещё тридцать лет

и три года!

(((((

Владик и у себя сделал ремонт. Ободрал зелёные обои свои с потёртой позолотой, до самого основания ободрал. Зашпаклевал. Покрасил всю комнату и потолок в яркий розовый цвет. Теперь нора его выкрашена инфантильным розовым цветом изнутри, будто Владик-девочка, или он сидит в розовой нежной девичьей вагине инфантильной, в плоти поросёнок сидит, в коже розовой здоровенькой сидит, пропитанной хорошим кислородом и гемоглобином. На самом деле Владик живёт и выглядит как труп. Он быстро новую нору свою прокурил, по несколько пачек в день- это серьёзно.

Перед Новым годом я делаю маски свиней, мы их красим в розовый цвет и в таком виде собираемся идти в маломерную художественную галерею, которая располагается во дворе. У меня есть ещё маски с собой. Влад выбирает страшную такую серую харю с дырками для глаз и с дыркой в губах. Он вставляет туда сигарету, закуривает, на голову одевает фуражку советского мента, которую стырил с пьяного милиционера ещё отец Владика, когда был жив, много пил и любил похулиганить.

В таком виде мы идём в галерею. Вокруг Влада-мента с серой харей тут же начинают виться обольстительницы, вокруг меня-седобородые художники-сатиры.

Выпили водки, прыгали в своих тяжёлых зимних сапогах и свитерах до самого потолка, некоторые падали на пол и портили свои новогодние маски- всякие морды хрюшек и белок. Я сплясала зажигательный свинячий рок-н-ролл. Нина вместе со мной подпрыгивала весело. Правда свинячий рок-н-ролл не всем нравился, кто-то всё время убирал мою любимую запись и ставил более банальную. Влад же быстро от тусовки устал. Одна из шаловниц стянула маску с Влада, его живое лицо оказалось бледным и грустным, растерянным. Он шепнул мне, что устал и уходит в свою нору, и чтоб я не задерживалась долго и шла к нему на совокупление.

Тьфу, какой он одичавший и не светский человек оказался! А мне было так весело, я ещё долго плясала в этом уютнейшем подвале.

((((((((

Владик со мной не гуляет. Может, ему мой имидж не нравится? Самая большая мука – моё лицо. Их у меня слишком много. На всех фотографиях получались разные лица, надо было забить одно из них, и с ним работать, но жаль было другие лица и возможности. Вот и Владик со мной по городу не гуляет, так как лица на мне нет. Он и сам себя потерял, своё яркое, фантастически яркое лицо, рядом с вялым моим лицом. Ему бы подошла женщина-рокерша, этакая стерва в кожаных штанах и с красным крашеным петухом на голове, в чёрных очках. Я пыталась ходить в чёрных очках. Блин, я

в них ничего не вижу. Иду, неловко вскидывая ноги вперёд, боясь упасть, с паребриков конкретно падаю, в метро вообще труба, можно навернуться больно-больно с эскалатора. К тому же куда девать свою античность. Античная я, всегда была и остаюсь, у меня задница Венерская, а рожа жёсткая.

Недавно пришла к Владу, сделав себе накладное лицо косметикой. Глаза нарисовала, ресницы, веки серебром подвела. Губы алые. Влад испугался. Говорит: «Ты чего? Я сам не красавец, да ещё и ты такая швабра будешь!». Я помылась у него в ванной, и у нас опять вечер прошёл душа в душу, ночью спали как два котёнка.

Утром Влад сказал в полусне: «Вот только я придурок и раздолбай, и ничего не могу дать тебе»...

((((((

Влад исчез на месяц. Работает в области. Делает московскому человечку бассейн. Приехал на одну ночь в город-покупал какие-то дивные фонари. Долго-долго мылся, брился, скрёбся в ванной. На голове у него какие-то мерзкие корочки. Герпесовая сыпь. Всю ночь дивно трахались перед телевизором в ногах. Влад сказал, что герпес на голове не заразен.

—Ну, ты всё же расскажи, как ты там работаешь, что делаешь?

—Москвич этот богатейский буржуйский затеял бассейн под открытым небом. Это в нашем то климате! Ну, бабло

есть, так сделаем. Правда всё будет страшно энергозатратно, нужно всё время, чтоб было подключено к электричеству. А сети плохие. Тут хоть обосрись, а у всего района сети плохие, изношенные. От линии электропередач надо всё менять, но и это не спасёт. В любой момент может что случиться – гроза, снег, или все у себя электроприборы включают... Плохая идея. Мы ему объясняли, а он стоит на своём. К тому же – технологии! Нужно, чтоб после одного цикла работ была передышка, чтобы всё просело, сцепилось, затвердело. А он гонит и гонит, плевал на технологии. Хозяин-барин. Ну, сделали бассейн с подогревом под открытым небом. Тут морозы стояли – так такой пар идёт! Сосульки с сосен свисают! Я ему фонарики разноцветные под прозрачную плитку провёл. Под водой – скамья. Сидишь в изумрудной светящейся воде – и фонарики под задницей светятся! Но всё хрупкое. Главное – не дай бог электричество отключат, так вода заледенеет, бассейн раздавит льдом... Вообще это всё ужасно. Там целая бригада гастарбайтеров из Молдавии. Дикая антисанитария. Живём в бывшем пионерском лагере, воды горячей нет. У одного была сыпь какая-то. Когда его обследовали, выяснилось, что это какие-то крошечные такие букашки, которые живут на коже под кудрями у овец, и он как-то умудрился их подцепить. Потом на шоссе бандитики кого-то своего завалили. Милиция приезжала, всех к стенке ставила. Уехала, хозяин откупился....

(((((

Приехал Влад через два дня, очень злой и свирепый. Ругается, зубами лязгает. В комнате его стоит сизый густой дым, лежат горы хабариков. Я Влада таким злым не видела ещё. Всё время грозитя кого-то убить. Ужасно злой и перевозбуждённый.

—Что стряслось?

—Сука, не заплатил! Никому не заплатил! Исчез! Нагрел всех! Я ему что, крестьянский сын, что ли? Это молдаване безропотные, так и ушли с котомками к своим сраным овцам с прыщиками под кудрями, им всё по фигу, над ними можно измываться как угодно, всё стерпят. Я никому не позволю себя кидать! Я барон Литопурк!

—Да вроде ты ж брал аванс.

—Ну, брал. Но он мне ещё 5 тысяч должен!

(((((

—Я отомстил ему.

—Кому?

—Работодателю.

—Я ж сказал, что я никому ничего не спускаю. Я злопамятный. Злой, и память у меня хорошая.

—И как ты ему отмстил?

Владик затягивается. Я рукой отмахиваю дым у лица, чтобы лучше видеть. Влад тоже отмахивает уж совсем непроходимый дым от своего лица.

–Я его убил по сути.

–Ты чего? – душа моя ухает вниз, всё становится таким ненужным.– Как ты его убил? Расчленил и в землю закапал, да?– я пытаюсь шутить.

–Да зачем. Я проще сделал. Я пошёл к Попу, взял у него кровь его спидоносную, в шприц накачал. Он мне дал. Потом зашёл к работодателю. Я ещё раз ему сказал: «Отдай деньги, это небольшие деньги. Но тут дело в принципе. Что я заработал, то моё. Я знаю, что это твой принцип – надувать рабочих, что ты уже со многими так. А со мной это не выйдет. Я потомок барона Литопурка, со мной так нельзя! А ты крестьянский сын, смерд по сути. Да ещё и жадный, и деньги не отдаёшь, даже какие-то сраные 5 тысяч. Что такое пять тысяч для тебя? Тьфу, плевок один. И ты даже такую мелочь не отдаёшь! А это дело чести. Таких как ты смердов надо убивать!». Он мне сказал, что не отдаст. Просто так не отдаст. Вот просто потому, что не хочет. Не потому что жадный. Так он мне сказал. Тогда я потыкал его Поповским шприцом. Тот не понял, что я делаю. Я ему сказал. Он побледнел, затрясся как баба, я думал, что он сошёл с ума. К нему охранники подбежали, они ничего не поняли, а он им ничего не смог объяснить.

Я сама как баба трясусь от рассказа Владика. Может он врёт?

–А СПИД то, он того. Говорят, не живёт долго. Ты вряд ли его заразил.

–Да не, точно заразил. Поп рядом за забором стоял. Вирус не успел сдохнуть.

Я смотрю на Владика! Это не мужик! Это какой-то ящер! Динозавр героический и преступный! Как ужасны мужики!

–Владик, зря ты человека убил за 5 тысяч.

–Это не человек и был. Если он за 5 тысяч готов жизнью рисковать. Он многих кинул. Это его стиль работы такой. Нанимает, потом кидает. Строит себе на халяву. А денег него куры не клюют. Миллионер, бандит московский. Рабочих за людей не считает. Не нужен такой человек. Это будет ему наказание, чтоб одумался.

–Владик! Ты, ты прав! То есть что я говорю, конечно не прав, ох как не прав. Не ты его рожал, не тебе его убивать... Что ты наделал!

Я истерично хохочу, представляя себе, как безумный красномордый Влад набирает кровь в шприц, а потом крадётся, а потом тыкает, как комар из ада... Хохоочу и плачу от отвращения...

(((((((

Я ушла от Владика на рассвете. Находится у него и рядом с ним было невыносимо. Выходило солнце. Мне захотелось куда-то идти и идти, и я шла и шла под ледяными золотыми лучами солнца, и я оказалась незаметно сама не знаю где, и я посмотрела наверх, туда, где на вершинах каменных глыб-домов играли розово-золотые лучи утреннего петербургско-

го солнца...

И я увидела их лица! Я увидела выражения этих лиц, услышала их голоса, прониклась их мыслями! Одни хохотали, другие шептали в обмороке, третьи лукаво смеялись надо мной, четвёртые тяжело вздыхали, некоторые бранились, некоторые хотели сказать что-то важное. Барельефы и скульптуры, бесконечные ряды маскаронов, овеванные романтической хандрой лица, ужасные гримасы порочных и артистических злодеев.

О, да это было полноценное население, включая представителей всех возрастов- от новорожденных младенцев до старцев! Тут были маленькие карапузы, пухлые мальчуганы, девушки-нимфетки и девушки зрелых лет, мужчины и юноши, мужья и жёны, мужи и матроны! Были старцы с присохшими к старым костям мышцами, были старицы с сардоническими улыбками, только поверх присохшей к костяку увядшей мускулатуры у них ещё были усталые груди, намекавшие на их пол. Вместо собак и кошек это каменное население Питера окружало себя львами и драконами, грифонами и опять львами. Иногда вклинивались бараны и козлы с inferнальными рожами.

А так полным полно в том небесном городе было чертей. Ужас, какие черти! Под эркером морда чёрта просто была как в геенне огненной, так как над ней поржавело какое-то железо. Над одним из домов смотрели на меня мальчишки с отрубленными головами. Головы у них отпали, потом головы

эти приставили, не заделав шеи раствором, и вот мальчуганы эти с нежными губками, с решительными своими характеристиками смотрели на меня как жертвы маньяков. Меня потряс ряд Панночек. На старом жёлтом доме их было много: простых маскаронов простых девушек с пышными волосами, сделанными в виде струй, с маленькими носиками и небольшими глазами. Но от потёков из сломанных водосточных труб, от каких-то неведомых ударов судьбы они стали все разными, эти 10 сестёр близнецов. Одна девушка смотрела так, будто унюхала меня своими зелёными в плесни ноздрями. Вторая была с расколотым лицом. У третьей струйки чего-то чёрного спускались из уголков губ, будто крови напилась. Четвёртая смотрела на меня в упор, глаза у неё были как у ведьмы. Пятая как бы обмерла, лицо у неё покрылось трупными пятнами... Она словно требовала возмездия и крови своего мучителя! Я убежала от этих маскаронов дальше, дальше.

С крыши на меня смотрел олень, между рог у него сидела девочка Герда. Мальчишки-монтёры, жирные белые карапузы, сидели на карнизе, свесив толстые ножки, и как бы наматывали мотки провода, которые свисали у них под носом. У дев кариатид, расположенных красивыми парами, отпали локти, остались плечи отдельные ладони, которые поддерживали приоконные колонны. Одна из девушек смотрела с невыразимой печалью в светлое питерское небо, она словно потерялась во времени и тосковала о тех временах, когда дамы внизу носили сложные шляпки, а кавалеры покрыва-

ли головы лоснящимися цилиндрами. Среди этих кавалеров был её возлюбленный, лживый и коварный.

Красивые мужчины в расцвете лет показывали свои могучие грудные клетки и свои завитки бородок, их явно лепили с конюхов и прислуги, с крепкого крестьянского парня, недавно попавшего в Питер на услужение к барину, и ещё не забывшему что такое косить луга. А там мужикам из камня советские руки приделали на головы жестяные чепчики, чтобы макароны не портились. Спасибо вам за заботу! Львы блевали прямо в водосточные трубы, а в одном месте лицо маскарона, девушка упёртая какая-то, она упёрлась прямо в трубу и раскололась. Так кончается борьба красоты и пользы, искусства и техники в пользу последних! На Фонтанку смотрел циничный хитрый пьющий мужик, Свидригайлов. В другом месте явно на стене смеялась Ксения Блаженная, или какая-нибудь Настасья Филипповна на грани белой горячки. Иудейские лица смотрели на меня с невыразимой магией, на шапочках у них красовались звёзды Давида. Там мальчик показывал свою пипку, тут лев глядел и словно плакал, и струйки невидимых слёз прожгли у него длинные бороздки в подглазьях вдоль носа. Одна из дев лукаво гляделась в фонарь подсветки, другая дева отвернулась от антенны-тарелки.

Каменные лица были ужасно грязные, на них были буквально следы времени и буквально пыльца веков. Наверное, навозная пыль на дне потом сменялась гарью взрывов войны

и выхлопными свинцовыми газами машин нашего времени. У многих ангелочков были фингалы под глазами от пыли, на церкви херувимы лезли друг к другу ужасно грязными щеками, рожицы у них стали ужасно похотливыми и слащавыми. Поражали пьяные младенцы, изображавшие на барельефах пир Дионисия.

На одном из домов на меня смотрели мальчик и девочка лет четырнадцати, они сидели обнажённые, с повязками на чреслах, у девочки было яблоко в руках. Такие вот Адам и Ева. Их было три пары. На одной у мальчика не было лица — лицо было буквально стёрто. На третьем фронте над окном у девочки отсутствовала голова. Безголовая девочка тянула мальчику своё яблоко. Ещё удивил барельеф с двумя одинокими мамами. Они сидели симметрично, под их ногами играли их младенцы, папы отсутствовали. Все формы петербургской жизни присутствовали в жизни небесной маскаронистой.

В одном месте барельеф изображал мужчину, затыкавшего себе уши чем-то вроде наушников. Золотые маскароны львов на Зимнем дворце — о, да это попросту портреты Петра Первого, только вместо усов человеческих у них усы львиные, высывающиеся из звериных нащёчных подушечек с дырочками! Наверняка какой-нибудь мастер повеселился над царём. А там вообще красноармейцы. Как вот так вот мистически скульпторы безымянные предсказали будущее Зимнего Дворца, что придут сюда не воины небесные и

аллегорические в шлемах, а молодые циники, взбудораженные большевиками? Аполлоны и Артемиды часто превращались в Меркуриев с крылышками, покровителей торговли. Между крыльями над головой вдруг прорастали морды сати-ров, к ним прицеплялись ослиные уши, и вот уже эти сати-ры теряли остроту носа и подбородка, их лица расплющива-лись, носы становились картошкой, и вообще это уже было лицо Пана, или не Пана, а некоего друида, Шишка, прорас-тающего из завитков листвы.

Весь этот град небесный, или град верхний, всё это камен-ное, окаменевшее, изъеденное временем, дождями и свин-цовой пылью население Петербурга сидело рядом с нами по стенам, молчало, не подавая знаков, поближе к небу, подоб-но летучим мышам.

Ну, понятно, барокко, классицизм, эклектика, арт деко и арт нуво. Проросшее буйство зёрен античности, засыпан-ных в болота ручищей пропагандиста Западной цивилиза-ции Петра. Ну, понятно, всемирная отзывчивость русского духа и привлекательные условия для работы архитекторов. И ещё город старый сохранился, сохранился ещё, дома сто-ят ещё, невыразимо прекрасный антиквариат под солнцем и газами...

Я шла, задрав голову, и думала, с какой хорошенькой ме-щаночки, белошвейки, горничной или продажной Камелии скульптор ваял маску, откуда, с какого спившегося актёра императорского театра он лепил своего безвольно хохочуще-

го сатира. Думала о том, как влияли эти каменные лица на беременных петербурженок, как невольное ежедневное созерцание «наружной рекламы» 18-19 веков влияло на прихотливое сцепление генов и белковых тел. Все мои знакомые алкоголики с артистическими неразвитыми способностями ужасно похожи на этих каменных сатиров, будто духи и демоны резанного камня влились в пустотные души слабых петербуржцев. И все эти юные героини-пионерки, школьницы-скрипачи, маленькие питерские вундеркинды, безусловно, все они насыщены гениями одухотворённых каменных детей на фронтонах!

В одном месте я увидела Владика. Это было его лицо, его нос, его глаза, только всё это было окутано кудрями декоративными, а на лоб спускался шлем. Но рот был приоткрыт как у разгильдяя Влада, будто уста этого маскарона верещали что-то циничное и насмехались над окружающим беспределом.

Я отныне теперь ходила по городу, высоко здрав голову. Однажды так шла, шла, а там было какое-то сумасшедшее кафе, вынесшее свои столики на панель, а под столиками они ещё сделали помост. Я так шла, шла, задрав голову, нога моя наступила на паребрик помоста, и я ужасно смешно упала, задрав высоко ноги. Хорошо, что ничего себе не сломала.

(((((

Наступает день Святого Валентина. Я утром нахожу в

шкафу лоскут розового бархата и крою из него две подушечки в виде сердечек – одну для Владика, другую для Вспышкина. Я сшиваю подушечки, набиваю их синтепоном. Блин, я набиваю и набиваю, а подушечки всё ещё тощие. Я израсходовала большой мешок с обрезками синтепона, и подушки, наконец-то, надулись и стали пухлыми и объёмными. Блин, они стали огромными! Я то думала, что выйдут два маленьких сердечка из розового бархата, а вышли спальные подушки в виде огромных сердец! Как я это понесу! Я то думала, что засуну подушечки в сумку, выну их и подарю, а тут нужно два больших полиэтиленовых мешка! Ну, блин.... Я встречаюсь с диджеем Вспышкиным.

Мы договорились с ним встретиться у метро Василеостровская в кафе «Белочка». В голове белочка, и кафе «Белочка». Дырочка в «Белочку» закрыта, дверной проём забит стальным листом. Хотя, может, я ошибаюсь. Я давно здесь не была. Дорогу перегородили бронзовые кони в натуральную величину, за ними вагон конки. Новый «подарок городу» в стиле бескрылого натурализма. Крылья совкам поотрывали, доверие к наивному материализму оставили. Лошади и лошади, вагончик за собой тащат. Думать тут особенно не о чем. Лошади перегородили прямой взгляд на «Белочку». Вспышкина тоже не видно. Может быть, это кафе было чуть поодаль? Я опоздала на 20 минут, он, наверное, ушёл. Мимо идут две девочки лет одиннадцати. «Ты видела, а? Там Вспышкин стоит!». У девочки круглые гла-

за и вид такой, как будто её пронзило током. «Такой весь седооой! Лохмаааатый! Страаашный! Ужас! Видела?». Девочка рассказывает своей подруге об увиденном Вспышкине с тайным ужасом глубоко неосознанной эротики. Может быть Вспышкин- это её первый ослепительный удар стрелы Эроса, постыдный, пугающий и манящий, вскрывающий в маленьком нерасцветшем тельце огненный океан неизведанной и не имеющей слов для выражения сладости и ужаса. Я ловлю девочек за косички. «Так, милые мои, ну-ка, а где вы Вспышкина видели, покажите-ка мне это место!». Девочки робко машут крылышками: «Воооон там!». Я не вижу Вспышкина, но иду в указанном направлении. Он выскакивает, как молния, с тем, чтобы погрузиться со мной в подземелье «белочкиного» дупла.

Вспышкин прекрасен! Нестерпимо яркий, маленький, в ярком комбинезоне, сшитым из голубой, жёлтой и розовой ткани. Посередине стройного туловища он перехвачен широким ремнём с металлическими шипами. На голове у него нежная мужская шапочка из красного мохера. Под красной шапочкой во все стороны торчит седая пышная растительность. Такая вот у нас петербургская Красная Шапочка- девочка, волк, бабушка и дровосек в одном флаконе. Гениально!

На Вспышкина налетает стая юношей и девушек. Они словно озаряются ударами молний, высекаемых из их сердец от встречи с мегазвездой многотысячных дискотек. Я

прямо чувствую сама эти тёплые толчки из сердца, от которых икрится в глазах. Я смотрю, как Вспышкин работает. Это работа у него такая- сверкать, искрить, позировать перед случайно взятыми с собой цифровичками, мобильниками со встроенными фотокамерами, писать автографы...

Мы сидим в маленьком бедном кафе, посетителями которого является впавшая в нищету университетская интеллигенция. Мужчины в строгих, несколько старомодных пальто, солидные дамы, одетые со вкусом, но с подчёркиванием непреодолимой дистанции между их уровнем научных и жизненных достижений и уровнем желторотого студенчества. Все они пьют фантастически дешёвый по нынешним временам, но качественный заварной кофе, едят по старомодному кремосодержащие эклеры и буше. Это островок социалистического прошлого. Даже буфетчица здесь особенная. Немолодая, пышная и румяная, как булочка, очень расторопная и чёткая в расчётах буфетчица. В ней чувствуется старая закалка, любовь к порядку и дисциплине труда, уважение к своим тихим и сдержанным, но заслуженным посетителям. В этот чинный мирок порядка и скрытого сластолюбия и плотоядности (имеется в виду сласть и плоть пирожных) врывается со своей маргинальной вспышкой мсьё Вспышкин. Дамы и господа впадают в лёгкий шок, смотрят на него с опаской и осуждением. «Как можно сударь, вы, в вашем и нашем солидном и даже преклонном возрасте, и такое вытворять, такое себе позволять!». Но, приглядевшись,

они пытаются успокоить свои всколыхнутые со дна чувства. Муть шока оседает.

Вспышкин угощает меня кофе и корзиночкой с орешками, дарит мне розочку, а я достаю из своего непристойного мешка своё огромное розовое бархатное сердце, на котором можно кувыркатся. Вспышкин вспыхивает от смущения, я тоже. Но что делать, что так вышло! Вспышкин говорит мне: «Мне никто такого не дарил ещё! Я поражён!». Да и я поражена, что такое вот огромное непристойное сердце розовое у меня получилось.

Я дарю Владу второе подушечное сердце. Влад как-то скучно относится к нему. Я говорю: «Может оно тебе не нужно?». Влад скучный какой-то, он говорит, что не знает. Я забираю сердце себе домой и сплю на нём сама.

Ещё я очень смешно фотографирую Владика в мастерской у художника Семечкина. Влад мне подмигнул одним глазом, и я этот момент поймала. Влад фотографию вставляет в овальную рамочку, увитую розами. Получается ужасно смешно, обхохочешься. Унылый чел уныло так подмигивает, будто зазывает Туда. Прости господи, но рамочка напоминает что-то надмогильное. Нет, не нравится мне эта шутка....

(((((((

Тишина в доме. Странная тишина, когда, редкий случай, наиредчайший случай, я остаюсь одна. За окном сыпет метель, утренняя мартовская запоздалая метель и минус 10.

Ось времён года сместилась, давно сместилась. А если отнять тринадцать дней, то по староправославному- сейчас ещё февраль. Это февральская метель сыпет, и синицы звенят светло и радостно, весну чувствуют, и им плевать на снега заметающие. Вчера ехали из Всеволожска на машине- над гигантскими остяками мёртвых борщевиков летали стаи чёрных грачей и галок. Грачи то уже прилетели! А шубы снега так и не было. Грачи то прилетели по-мартовски, а метель и холод –по-февральски.

Где-то пищат и стонут маленькие собачки. Такой вот странный звук. Иногда воркуют влюблённые голуби прямо над головой – это они в низменных чердаках хрущовок поселяются, чердаки есть в хрущовках для голубей, при Хрущове стал популярен голубь мира, и хрущовки сделали для мелких, малорослых, непритязательных, обьячеенных людей и стай голубей. Когда голуби воркуют – это понятно. Но почему регулярно, ежедневно, хотя и в разное время вдруг начинаются взвизги и пение маленьких тонкоголосых собачек – это загадка. Над нами живут большие чёрные собаки, они так не визжат. В соседнем подъезде живёт старая злая догга, она, когда хочет пописать, а её не выпускают вовремя, от мочи бесится, выскакивает свирепая, бросается на меня, однажды прикусила мне ляжку через намордник. Как-то так исхитрилась свой неправильный прикус сквозь ремешки вынуть. Потом посикает и успокаивается, добреет. Но вот сво-ра маленьких тонкоголосых комнатных собачонок – у кого

они живут, почему на улице их не видел никто и никогда? Маленькие узницы хрущовок...

Ещё один знаменитый звук – это в соседнем доме мужик кашляет. Как он зверски и хулигански кашляет! Сначала, когда он начал кашлять, я думала вот умирающий, выхаркивает свои лёгкие с желудком, кишками, ливером и требухой, он кашлял, буквально выхаркивая всё из себя, методично, подолгу. Хотелось подойти к нему и дать лекарств или усыпляющего. Но он так кашляет уже года три, понятно, что не помрёт, что хулиган и бандит, и это бронхит курильщика называется, или просто гнусное хамство. Весёлый такой дядя. Потом уже и дислокацию его определили. Живёт в соседнем бараке-хрущовке, кашляет, высунувшись в открытое окно второго этажа, окна он открывает в любое время года, покуривает и кашляет: гкха-гкха-угкха-брыгкха-ха-ха! И т.д.

Ещё чайки-бакланы иногда кричат. Так круто! Понимаешь, что это убожество из бараков вокруг – оно всё на берегу моря, морской у нас город. Можно на берегу моря построить дома с морскими девами, с округлыми арками, с мансардами и окнами в завитках. А можно угадать бараками серого цвета. Вчера утро началось с чайки-баклана. Снег шёл небольшой, в белом небе белый баклан, ещё белоснежней, чем снег, крылья горбатые раскинул, громко, во все лёгкие прокричал женским меццо-сопрано что-то своё, наверное, о власти над помойкой. У птиц свои разборки, вороны с чайками часто устраивают войны, кто кого, устраивают красивые воздуш-

ные планомерные бои, с стратегией и тактикой воздушного боя. Чёрные против белых, белые против чёрных. Европейцы и афронегры.

Вот и ворона закричала. Голос у неё сахарный какой-то, низкий, удовлетворённый. Иногда свиристели прилетают, совершают налёт на рябины и ясьень. Однажды ястреб жрал голубя прямо у подъезда. Останки не сдающегося натурлиха. Бараки каменных хрущовок стоят среди выросшего леса, среди самозасада берёз, клёнов, кустов всяких. Это скрашивает жизнь и примиряет людей с жизнью в неэстетичных бетонных коробках. Вот пичуга какая-то небанальная запела и зазвенькала жизнерадостно, по-бианковски. Птицы на работу не ходят, у них своя гармония с днём и с ночью. Дворник скрежещет лопатой, теперь, с этого года, это женщина интеллигентного вида из Средней Азии. Опять ворона - это она поёт, она каркает раз 30 подряд, типа как трель у соловья, но у неё это чередой однообразных «кар-кар-кар». Ей другая ворона отвечает могучим пением, она кричит «кра-кра-кра». Это у них любовь весенняя намечается, или они договариваются о войне с бакланами.

Что-то давно не видела свою подругу, ворону с чрезвычайно длинными загнутым верхним клювом. Я сначала думала, что это у неё к верхней части клюва прицепилась палочка сантиметра в 4. Потом встретила её опять - опять с палочкой на клюве. Потом поняла, что это нос такой крючком, поняла и ужаснулась, как вот с таким прикусом она живёт

неправильным, как она ест и глотает, не мешает ли ей этот Сирано Де Бержерак на носу? Чернобыльская ворона-мутантка! Я сфотографировала её, увеличила на экране, клюв чтоб получше рассмотреть её феноменальный, как у клеста, это у клестов для шишек клюв как перекошенные щипчики. Нижняя часть клюва у вороны обычная, а верхняя нависает, как у клеста. Наверное, это клётс с вороной скрестился. Потом я про ворону всё узнала. Она ворует помидоры у тётеньки, торгующей овощами. Для этого у неё замечательный клюв, как крючок – она им зацепляет из ящика, пока продавщица отвернётся, потом уносит на лужок и там ест. В Москве я увидела однажды много таких ворон, диаспора крючконосых ворон, типа как иудеи...

Вообще вороны удивительные твари. Недавно видела, как они охотятся на крыс. Из многочисленных дыр у домов выскочила крыса, побежала в сторону помойки, тут две молодые крепкие вороны радостно закричали и на крысу налетели, они пытались её подцепить за хвост. Крыса забежала под стоящую машину. Вороны приземлились и стали бегать вокруг машины, заглядывая под неё. Но пролезть туда они не могут. Крыса же тоже тварь умная, я наклонилась, заглянула под машину – крыса сидит, высунуться не решается. Вороны с двух сторон вокруг машины ходят, караулят, смертельная игра в прятки и догонялки. Крыса могла бы победить, если б у неё хватило бы терпения так под машиной сидеть. Или если б хозяин машины пришёл, и их игрища бы распугал.

Потом я шла во время оттепели, смотрю, в грязной луже что-то хрустит под ногами, много каких-то штук в грязи лежит, в луже копошатся носами несколько ворон. Одна из них что-то из лужи вынула. Смотрю – это дохлая крыса, уже почти скелет крысы с отвалившимся мяском. Ворона её размачивает в луже, потом выклёвывает. Тут другая ворона летит – с засушенной дохлой крысой в клюве и в лужу её кладёт размачивать. Я пригляделась, вся лужа наполнена скелетиками крыс. Это у ворон такой свой мясокомбинат, цех по вялению и копчению крыс, консервная фабрика такая.

Крыс кругом много. Кошек бродячих нет, их как-то давно, лет 10 назад всех перетравили и уничтожили. С тех пор тут живут одни крысы. Я увидела на помойке хороший стол деревянный письменный, изящный, небольшой, с ящичком выдвижным, сделан в 50-е годы, сталинский стиль. Стол не то, что современные гробы из ДСП, тяжёлые, рыхлые, неприятные. Стол из просушенного лёгкого дерева натурального. Стала мечтать, как бы этот стол принести в свою конуру, покрасить в какие-нибудь цвета весёлые, может красные лакированные ножки сделать, столешницу из стекла... Пока так мечтала, из дыры у ножек стола выглянула весёлая крыса. Я посмотрела ей в глаза, она весело махнула длинным хвостом и юркнула в соседнюю дыру. Тут из первой дыры выглянула ещё одна крыса, лоснящаяся, рыженькая. Юркнула во вторую дыру. Я впала в ступор. Следом из первой дыры выглянула ещё весёлая крыса, уже чернявая. Обана. Я насчитала

17 крыс, они выглядывали, наталкивались на мой взгляд, и ныряли в соседнюю дырку. Я почувствовала, что мне дурно, дурно оттого, что вот тут рядом, такие маленькие карлики живут хвостатые, так весело и слаженно живут, и со строительством и с питанием у них так всё разумно налажено, лучше, чем у людей. Так как дырки крысиные были прямо под столом письменным сталинским, к столу я вдруг почувствовала стойкое отвращение. Я подняла глаза к небу. Глаза мои наткнулись на древний гараж, единственный сохранённый в округе привилегированный чей-то гараж, некоего ветерана-инвалида, который в гараже держит старый свой москвичок антикварный. Гараж был выкрашен радостной голубой краской лет пять назад, подржавел, пообтёк, но был весёлым живописным пятном посреди серятины и мокрятины окружающей. На крыше гаража, на крыше в виде широко расставившей ножки буквы «Л», сидела толстая смышленая крыса. Она внимательно на меня смотрела, с задорным любопытством. Я плюнула и ушла. Крысы меня победили, столик я не взяла. Пусть гибнет в геенне огненной.

(((((((

—Влад! Давай всё же займёмся искусством! Ты же рукастый, а я головастая.

—Я рукастый и головастый, а у тебя мозгов вообще нет, Черепяхин! У женщин вообще мозгов нет.

—Эх, Беломлины рядом нет, она бы тебя за эту фразу бы

растерзала б! А заняться надо вот чем. Давай сделаем проект «Разбивание Двуглавого орла». Ты же ненавидишь государство и несчастную мать Россию. Слишком она жестока к своему народушке. Вот ты выйдешь голый, с молотом в руках. А я сделаю из гипса статую высокую Двуглавого Орла. И вот ты молотком –хрясь, хрясь,– разобьёшь гипс. И оттуда вывалится жестяная банка. А там будет сырая печень. И ты сожрёшь эту печень, и кровь будет течь по твоему белому от гипсовой пыли лицу. А то чего ты задаром печень жрёшь, а так люди наслаждаются твоей удалью молодецкой.

–И что это значит?

–Я и сама не знаю.

–Я согласен, давай сделаем! А сначала я поставлю Орла на тележку и буду возить за собой. А потом съем печень его. Я же анархист. Это будет поругание власти.

((((((((

Влад теперь меня зовёт Одноногой черепахой или просто говорит мне: «Привет, Черепахин!». Потому что нога восстанавливается медленно, меня мучает страх, хожу я медленно и осторожно. Я дарю Владу крошечную, в сантиметр высотой фарфоровую весёлую черепашку с розовыми и золотыми узорчиками. Владик говорит, что сделает на стене крошечную полочку, и там черепашка будет стоять. Мне Владик тоже подарок сделал. Он приносит мне в коробке черепаху тоже из какой-то глины, покрытой лаком. У черепахи

шевелиются и трясутся ножки. А на спине у неё сидит скорпион. Владик говорит: «Ха-ха! А скорпион то всё равно сверху! Она бежит, а он её трахает! Черепаха пытается убежать, а скорпион крепко держит её!». Тогда я дарю Владике брелок из зелёного прозрачного стекла, в который как-то запаян настоящий скорпион.

(((((((

На Елагином острове проходит фестиваль перформансов. Мы с Владом должны встретиться в среду, сделать гипсового орла. Влад исчезает. Мобильник и домашний телефон отключены. Гипс у Влада. Что делать?

Я звоню подруге-художнице Наташе. Она говорит: «Не волнуйся! Встретимся завтра в 11 утра, мой сын привезёт штук 30 картонных коробок, мы с тобой сделаем Двуглавого орла из картона, потом сожжём его. Будет эффектно!

В 11 утра я стою у метро, Наташи и её сына нет, телефоны у них не работают. Я встречаю Вспышкина в шипах и говорю ему о том, как все странно куда-то исчезли, а через три часа должен быть наш перформанс.

Вспышкин говорит: «Я тебе помогу!». Мы покупаем много скотча, собираем по помойкам картонные коробки, на стадионе я скрепляю фигуру орла. Должно получиться похоже, как высокие ворота! И оттуда выскочит Вспышкин в костюме супер-героя, и он подожжёт орла.

Я собираю собранные детали, получилось! Но вдруг, отку-

да ни возьмишь, налетает лёгкий ветер, пустые коробки надуваются, швы со скотчем расходятся. Попался какой-то бракованный скотч. Он легко отстаёт, он какой-то не липкий, сухой. Коробки распадаются. Я смотрю на часы. Опять слеплю грандиозного орла из кубиков-коробок. Опять ветер, и опять колосс падает. Я повторяю работу третий, четвёртый раз. Уже скотч подходит к концу. Не клеит, хоть плачь.

Прибегает куратор, требует перформанса. Я сижу у коробок испуганная и униженная. Тогда ко мне подходит Вспышкин и просит, чтобы я помогла ему прицепить накладные бинцепсы и засунуть в эластичные колготки накладной член. Я стягиваю на спине его всякие верёвочки, потом помогаю надеть браслеты с шипами. Вспышкин готов.

Он выбегает в костюме супер-героя, в синих колготках, алом плаще, алых сапожках и с золотым ремнём. Он легко взбегает на верхние ступени стадиона и оттуда всех приветствует. По стадиону бегут в этот миг человек двадцать стариков и старушек, их процессию возглавляет хитрый мужик помоложе, лет пятидесяти пяти. Он ведёт своё стадо к здоровью и долголетию, старики одеты в дешёвую спортивную одежку, в трусы обвислые, ну чтоб для себя, для здоровья, без выпендрёжа. Старики одни в путанице старых вен, в обвислых жилах, другие одутловаты и с плюшками жира, на них серые майки и растянутые футболки, кеды, сделанные ещё на заводе «Скороход». Они похожи на потерянных во времени пионеров под руководством более мудрого пи-

онервожатою. Их вождь кричит: «А теперь остановимся и займёмся дыханием! Повернёмся к солнцу! Так, поднимем руки! Это снизит холестерин и соль! Солнце! Приветствуем тебя! Снизь нам холестерин и соль!». Группка останавливается и начинает вздымать руки к небу и пыхтеть. Вдруг, при воздевании рук, группа здоровья видит на вершине сияющего в лучах солнца Вспышкина с белой бородой, седой белоснежной гривой, в синих колготках, синем комбидрессе, алом плаще и с золотым поясом. Вспышкин приветствует их смешным мечом с светящимся внутри стержнем. Потом включается драм-энд-бейс, Вспышкин начинает танцевать и всех призывать танцевать и двигаться. Он так привык делать на многотысячных дискотеках, заводя своим телом и голосом многотысячную молодёжь.

Группа здоровья и её предводитель с ужасом смотрят на Вспышкина, он им ломает всю систему эгоистического платного оздоровления под управлением кряхтуна-гуру. Чтобы быть молодым, надо идти к молодым, надо быть молодым душой, надо быть открытым миру и всему новому, надо одевать красные колготки и золотые пояса...

Орёл лежит у забора в виде кубиков-коробок и кучек скрученного и скомканного скотча.

(((((((

Лето, утро, солнце уже во всю ласкает тополя во дворе, небо бирюзовое от надвигающейся жары, и золотые головки

тополя в нём висят и дышат. Если смотреть на эти разморенные тополя и на небо, то можно почувствовать себя счастливым. Можно вообразить прекрасные земли под этим небом и тополями, прекрасную жизнь в прекрасном лете. Что это за прекрасная жизнь? Бог его знает... Ну, красивые дома, не оскорбляющие глаз... Ну, лужайки и рощи, фонтанчики и скульптурки между домами. Ну, не знаю уже даже что и вообразить.

Но когда смотришь на эти золотые, лоснящиеся жирные тополя, душа трепещет аки птичка, будто ты ласточка и летаешь над красивыми землями под кудрявыми облаками. Глаза ниже опускать не рекомендуется. Есть ли там жизнь? Безусловно, жизнь есть, и часто очень даже интересные люди могут в хрущобах таиться, но как к ним выйти, как их познать? Так легко плюнуть в окно и угрюмо отвернуться к стене, и сказать- там нет НИКОГО. Отмахнуться как от назойливых мух, скинуть людишек с глаз своих, отказать им в реальности их существования. Нечего ТУДА пялиться. Нет там НИКОГО. Скука одна. Обыватели, мещане, дяденьки скучные, их жёны, копошащиеся на кухнях, старички совсем уж бесцветные. Друга там не найдёшь. И чтоб потрындеть с кем – тоже не найдёшь, всё не те люди то. И пробовать нечего. И мечтать нечего. Никого там нет.

Поспорим? Ну ладно, опиши, кто живёт в твоей хрущовке. Люди ли они, либо ты им отказываешь в существовании? Хорошо, отлично, сейчас опишу. Но я уверена, это не люди,

это какие-то полулюди, которые слегка вмякиваются в твой мозг, они как-бы реальны, но они полуживые. Ибо человек с человеком должен не только через глаза соприкоснуться. Надо чтоб хоть раз было действие совместное, или раскрытие души, ну вот когда друг с другом рядом, и глаза в глаза глядя, человек говорит проникновенным голосом о себе, а ты его выслушиваешь. А так шелушение одно, общение через скорлупки отшелушенные, внешнюю пыльцу, знание внешних обстоятельств, которые наружу как-то вылезают, что не скрыть это.

И люди как тени, как тени, и если б не было любопытных кумушек, пронырливых зорких домохозяек, домоуправительниц, любящих посплетничать краснобаек, если б не было бы этих презренных сорок, этих устрашающих человекоглаз, этих шпионов бытовых, любопытствующих бессмысленно, то люди бы совсем развалились бы в ячейках своего проживания, они бы совсем как тени были бы. Но, я давно об этом думаю, человеки ходят под ангелами, этими мизерными муравьями, где бы они бы не были, управляют сверху духи небесные, а снизу духи подземные, и человеки как марионетки управляемы снаружи и изнутри, изнутри моторчиками воли, а снаружи моторчиками судьбы, и нет никакой такой сверхсилы, чтобы человек на своей лестнице по месту проживания был бы совсем уж невидимкою, всё равно кто-то, кому положено, узрит, кто-то заметит, проникнется, всё-всё поймёт...

Я ни с кем не общалась, въехала в этот дом с дерьмом мамашиным и с мамашей. Потом много чего узнала..

Этаж первый. Грузин с женой украинкой, трое детей. Дети выросли на глазах. Были мелкие и очень, очень гадкие. Папа грузин зарабатывал деньги где-то, как зарабатывал? А хрен его знает. Наверное, на рынке, или в странной конторе национальной, что-то перепродавал. Мама разжирела и распухла от детей. Пока дети были мелкие, она всё время сидела дома и что-то делала в квартирке, копошилась как-то, стирала, гладила, готовила, мыла полы. В-общем, трудно представить, как можно убивать всё своё человеческое время на эту скукотень убогую. Но факт: дети одни бродили как кролики по двору перед окнами первого этажа. Были они одеты средне, средне чисты, средне развиты, копошились в земле и песке, обкаканном собаками, площадки детской под окнами нет, горка раздолбана, но их было трое – две девочки и мальчик, и они придумывали, как время разукрасить своё. Мальчик Гога ломал кусты и бил кирпичом по машинам, стоящим во дворе. Девочки тоже в куклы не играли, а бессмысленно по чему-то стучали и что-то ковыряли, таскали на лестницу камни какие-то, палки. Животное восточное детство на свободе и без давления со стороны взрослых. Потом мама неожиданно стала начальницей подросткового клуба, грузин стал тоже каким-то начальником, диаспора как-то наверное расширялась и стала помогущественней, и уже добрались до руководящих структур, и уже РОНО было схвачено, и пас-

портный стол, и ментовка. И жена стала главным педагогом микрорайона, и руководила всем досугом. Это так странно было, такая непедагогичная женщина, так мало умеющая организовать культурный досуг своих собственных детей, и вдруг – всеми руководит. В её подбородке появилось что-то царственное, двойное. Клуб функционировал нормально, много кружков, энтузиастов-педагогов, а танцевальный коллектив получал призы и ездил на международные конкурсы. Но это как-то всё само собой делалось, на энтузиазме педагогов. Правда, во дворе подросткового клуба что-то не то происходило, там какие-то грузины сделали себе гараж на первом этаже, там у них стоял москвич старый, и возле этого москвича всё время копошился человек пять грузинских мужиков чёрных и страшных. Они типа всё время рылись в капоте машины, типа бесконечная починка, сутки напролёт. При этом они внимательно посматривали по сторонам, к ним подъезжал другой грузин на непривлекательной машине, одна из машин загонялась в гараж, двери закрывались, у входа опять кто-то чинил капот. И так всё время текла интересная жизнь под боком у развивающих свои таланты детишек. Я думаю, там был подпольный завод в подвалах, может, там был целый город вырыт под землёй, и вход был из гаража этого странного. Тут же в двух шагах, был пункт милиции. Но главный милиционер был тоже хачик. В-общем, эти люди чем-то интересным занимались, может, водку палёную делали, наркоту раскладывали по пакетикам, может,

шили трусы, может там пятьдесят рабов в зиндане сидели, прикованные к стенам. Хрен его знает, но что-то там было пугающее, прибыльное и подпольное.

Мальчик Гога стал моим учеником. Однажды ко мне подошла эта директриса Галя с первого этажа, и попросила, чтобы я позанималась с её беспризорным сыном, ну музыкой, или рисованием. Я пришла в подростковый клуб, ко мне пришли трое детей Гали, им уже было от 5 до 7 лет, я дала им краски и бумагу, чтобы они нарисовали цветы и машинку. Гога гениально нарисовал машинку, это была мощная экспрессия и отличный цвет, в Гоге явно погиб великий художник. Но тут Гога вскочил, порвал рисунки сестёр, поругался матом, и, как обезьяна, влез по полкам на шкаф, при этом шкаф из ДСП стал опасно крениться и падать, и едва не убил девочек-двойняшек, я тело подставила под шкаф, Гога больно прыгнул на меня, перевернул банки с гуашью на пол, она оттуда вытекла жирными пятнами. Я тоже выматерилась, я, невнятная тётя, невнятный безвольный бессмысленный человек, я долго оттирала пол и Гогу, мама пришла Гогина, и мы молча решили, что больше уроки я давать не буду, не моё это. Потом Гога и девочки подросли, стати вежливыми, цивилизованными и красивыми, дикость их куда-то исчезла, Гога стал учиться на юриста в техникуме, одну девочку сбילה машина во дворе и она долго лечилась, мама толстела и седела на глазах, её сестра, красивая украинка, приезжала к сестре на шикарном джипе, она стала какой-то начальницей

крутой и богачкой, или мужчину нашла себе, но детей у неё так и не было, а только племянники, и так мы и живём соседями.

Потом как-то к этой семье приехали родители отца-грузина, чудесные деревенские грузинские старики, как из кино, они ходили гулять по хрущобским дворам вместе, подерживая друг друга, седые, с зоркими внимательными удивляющимися всему глазами, всё время хотелось поздороваться с ними, они вызывали уважение. Курящая соседка из соседнего подъезда хулиганисто вскрикнула: «Хоппа! Это что за рухлядь нафталиновая тут завелась? Кто это?». Мне так странно было слышать её, старики то были чудесные, чистые такие, прожившие в грузинской деревне вместе и вместе состарившиеся, и родители за детей и внуков не отвечают, родители жили то как горные орлы, а их внуки как городские мышки, и кто в этом виноват. Потом старики уехали на Кавказ и умерли там.

Ну ладно, про этих людей ты рассказала. А остальные?

Квартира номер два. Прекрасная дворничиха с мужем и двумя детьми. Старшему было 20 лет, когда родился младший. Он родился за тем, чтобы дворничиха получила свои 29 метров, трёхкомнатную. Речь шла о том, чтобы всегда работать дворником, или же стать двухдетной матерью, и тогда служебные метры станут их кровными метрами. Муж отраслил бородку, с претензией на интеллигентность. Старший сын женился, и вот в 29 метрах уже жило человек 7, а по-

том ещё какие-то родственники туда набились. Оттуда всегда шёл табачный дым, горячий запах множества людей, затоптанная весёлая прихожая выглядывала, набитая обувью. Потом дворничиха растолстела, а муж сбрил бороду, купил машину, теперь он по ночам извозничает, как и все мужчины в хрущобе, другой работы нет, все мужики по ночам уезжают и на рассвете возвращаются. Иногда муж дворничихи бывшей выходит на лестницу и курит на ломанном стуле. Страшный такой стул с оторванной спинкой, с затёртым тряпичным сидением. К батарее со следами сварки муж дворничихи прицепил банку из-под консервов, и курит по вечерам, сидя в халате на страшном стуле. Дым идёт по всей лестнице, идёшь на 4 этаж и задыхаешься. Однажды на этом стуле трахалось четыре парня. Я вошла на лестницу, услышала возню. Три паренька лет 15-17, не наши, стояли, взбудораженные, отвернувшись к окну, растрёпанные. Один парень, почему-то голый весь, с рубашкой, которой он прикрывал причинные места, сидел на этом стуле. Я сделала вид, что слепая, глухая и немая, и даже типа старый инвалид, и проползла мимо них с мёртвым безглазым лицом наверх.

Ну и гавно же ты вспомнила! Да-да! А что мне ещё вспоминать про эту лестницу, про эту затоптанную лестницу, про эту частицу жизни, которую не убрать никуда, про все её приключения, про надписи на стенах, про облезлый потолок. Надписи. Однажды там была странная надпись: «Нету лучшего влагалища, чем жопа пьяного товарища». Потом её за-

красили. Вообще, десять квартир вокруг лестницы. Всех соседей знаем в лицо, и кой-какие факты биографии, которые в воздухе витают, с некоторыми здороваемся, с некоторыми умудряемся не здороваться.

Сириец живёт красивый и рослый с женой и с двумя рослыми красивыми сыновьями. Торгует с женой на рынке- где-то на оптовой базе покупает продукты, перевозит их на легковушке своей жене на точку, и она перепродаёт с наценкой. А оба когда-то учились на восточном факультете университета, там и познакомились. Почему красивый породистый сириец-востоковед предпочитает в этой тесноте жить и убогости, а не в роскошной Сирии? Не знаю. Вроде как в Сирии ему было бы ещё хуже... Почему эти люди, знающие несколько иностранных языков, так и не нашли работы? Не знаю. Грустно это и больно. Я часто встречаю сирийца, гуляющего по Невскому проспекту. Он всегда гуляет один, без жены, сыновей и друзей, просто идёт по Невскому, грустно глядя на красивые дома, или летом сидит в летнем кафе с чашкой кофе и смотрит на красивую молодёжь безнадежно грустно...

И ещё сумасшедшая художница у нас живёт, в белом плаще ходит, с лицом набелённым, с губами кроваво крашеными, с бровями насурьмлёнными. Она разрисовывала посуду на фарфоровом заводе, потом началась Перестройка, и она сошла с ума над тарелочками своими, сын вырос в интернате, она походит по двору в белом плаще с чёрными бровя-

ми, и опять в дурку ложится. Сын стал наркоманом, живёт не понятно как, зельем приторговывает. И ещё немолодой алкоголик живёт с подругой, красавицей блондинкой замуженной. Живут бедно, она торговала яйцами, потом на рынок перешла торговать. Алкоголик этот с высшим образованием, инженер... Ещё женщина одна живёт лет сорока пяти, одна в четырёхкомнатной, нежная интеллигентная иссушенная женщина с вылинявшим лицом, но однажды летом она с красивым мужчиной каталась на велосипедах по дворам...

Такая жизнь тут, такая тайная жизнь, в таких странных формах!

(((((((

Все куда-то исчезли. Телефоны у всех молчат. Я ничего не понимаю, но понимаю, что это была мистика. Нельзя было руки на Двуглавого Орла поднимать. Нельзя... Наташа появляется через неделю. Она упала, потеряла сознание и неделю лежала в постели с неясными симптомами, вроде как здоровая, а встать не может. Сын её тогда перепутал станции метро и у него мобильник разрядился. К тому же он повредил ногу, и Наташа взяла у меня костыли для сына, слава богу, на неделю. Надо всё же костыли в Москву вернуть. Тем более недавно звонил Амелин из Москвы и сказал, что костыли его бабушки, которые он мне дал, сейчас весьма в Москве нужны. Много кто чего себе поломал в последнее время.

Владик тоже монументально исчез. Телефон молчит, машина отвечает «Вне зоны доступа». Мне как-то не по себе после его подмигивающего овального портрета в розочках. К тому же он взял у меня фотоаппарат, который мне очень нужен.

У меня ключ от Владиковой квартиры, чтобы я в любой момент могла к нему придти. Но обычно мы созваниваемся. Но тут что-то не так. Мысли, что Владик что-то с фотоаппаратом сделал, и теперь забздел, на дно ушёл – эти мысли я прогоняю. Я знаю хищного Владика. Он ничего не теряет и не ломает из нужных вещей, только если очень пьян. А тут вроде как не в штопоре. Странно всё это.

Дети мне говорят: «Владик, наверное, сдох. Лежит лицом на нашем фотоаппарате, и трупная жижа из него на объектив вытекла. Вещь то испортится! Пропадёт! Сходи к Владиду! У тебя ж есть ключи!».

Но мне страшно. Тут звонит фотограф Сладкий. Владик у Сладкого взял несколько очень редких дисков. Сладкий тоже разыскивает Владика. Он тоже рвёт и мечет. Владик, в принципе, вещи обычно отдаёт. Странно его немотивированное исчезновение. Двуглавый Орёл его до смерти, что ли, заклевал?

Мы встречаемся со Сладким у метро и с решительным видом идём на Шпалерную. Мне страшно. Если Владик сдох, то я этого не вынесу. Не вынесу его мёртвого вида и его отсутствия как живого тела в моей жизни. Я привыкла к этому

никчёмному человеку. Ну да, с Владиком суп не сваришь. Никогда дом он не построит и дерево не вырастит. Музыка, может, напишет свою. И похоронит её с собой, так как на пиар и продвижение сил у него не хватит. Зато Владик всегда меня радует новой музыкой, новыми фильмами, всякими своими дурацкими приключениями, самим собой меня радует очень-очень сильно, незаменимо радует. Других таких, как он, нет.

Вот люди живут, даже и талантливые, но ничего с ними не приключается интересного. Живут как серые тени на серой стене, ни поступков, ни деяний. Ну, обыватели деньги копят. В Турцию ездят. Спросишь, что нового: «В Турцию ездили!». Ну и что? А ничего. Ну, про цены расскажут. Про еду и про условия. А приключений никаких.... Даже если подружка про любовь рассказывает, так сразу выставляет счётчик. Сколько он на неё потратил. Сколько проели в ресторане. За сколько подарил колечко. Какой дорогой подарок подарил на Новый год. Я типа от этих разговоров должна позеленеть от зависти. Типа как дорого стоит та женщина! Как мужчина надрывается, чтобы доказать свою любовь! Ценность чувств и ценность тела в виде конкретных ценников и цифр!

Но я не зеленею. Я не чувствую себя обделённой, когда валяюсь на засаленном зелёном диване у красавчика Влада, и пялюсь вместе с ним в ящик, по которому он для меня прокручивает только что где-то им открытую чешскую диссидентскую комедию 60-х, про которую мало кто знает. Он

мне радостно говорит: «А смотри-ка, чем я сейчас тебя попотчую!». Я владею Владиком, самым красивым и фриковским Владиком на свете, фриком города Питера. И мне это нравится.

(((((((

Подходим к дому. Я открываю первую дверь с домофоном. Вторую- на этаже. Дверь в комнату не открывается! Она заперта изнутри! Мы с фотографом Сладким с ужасом смотрим друг на друга. Я непроизвольно не столько пытаюсь заглянуть в замочную скважину, сколько нюхаю – не пахнет ли разложившимся трупом. Но там, за дверью, что-то шевелится! Типа как тот зимний удав за шкафом.

Фотограф Сладкий громким добрым голосом говорит: «Владик! Открой! Это мы с Гуленькой пришли!».

За дверью опять какой-то шорох. Может, Владика убили бандиты? Отомстили за заражённого СПИДом босса? Может, там бандиты в засаде? У нас со Сладким расширяются глаза наши. Дверь нехотя открывается.

За дверью Владик. Но боже, что с ним! Он исхудал и из него вроде как вынули скелет. Он отпрыгивает от нас и прячется в угол, сжимаясь там и прикрывая голову руками. На столе стоит мой фотоаппарат целый и невредимый, диски Сладкинские лежат.

–Ты чего, заболел, да? Ты извини, что без звонка... Но телефоны твои молчат. Мы тут случайно вот со Сладким

встретились, решили так, на всякий случай зайти, проведать, вдруг ты дома....

Владик сжался как зверок, говорит он каким-то пискливым, бабьим голоском, будто это и не он. Но вроде как он. Просто сломленный, будто его измочалили или унизили.

–Что с тобой? Ты чего скрывался?,– не выдерживаю я дипломатической игры и задаю вопрос в лоб. Тут звонит телефон. Влад подпрыгивает, как ужаленный, с ужасом вжимается в стену. Телефон звонит и звонит. Мы со Сладким вопросительно смотрим. Телефон после 10 настойчивых звонков замолкает.

–Не надо спрашивать! Бывает, что человек хочет побыть один! Хочет побыть в одиночестве, ни с кем не общаться! А они звонят и звонят, звонят и звонят...,– говорит Влад нервно бабьим странным голоском, чуть ли не плача. Я Влада таким никогда не видела ещё!

Мы со Сладким говорим:

–Можно у тебя чаю то попить?

Влад смягчается. Вроде и не изменился. Он ставит чайник, мы достаём клубничный рулет «Данкекс», дешёвый такой ватный и пухлый рулет, который Владик очень любит.

–О! Плюшка!,– вдруг радуется Влад, и голос у него становится более нормальным. Я вблизи смотрю на Влада. У него чёрная десна. Ему, наверное, первый раз в жизни чинили зуб. Или вырвали на хрен. И он, наверное, сильно экзистенциально переживает это расставание с костяными кус-

ками своего родного тела. Бедняга! Он думал, что вечно молодой и бессмертный, но это не так. Пошло на хрен оно, это тело. Тоже мне, нашёл из-за чего переживать! Всё равно в труху превратится.

Мы пьём чай, слушаем музыку. Влад оживает, Сладкий расцветает. Очень мило так всё проходит. Сладкий меломан и коллекционер, очень милые беседы крутых знатоков музыки я слушаю и слушаю, раскрыв рот. Сладкий уходит, я остаюсь. Владик ничего не объясняет о своём исчезновении. Да и ладно...

((((((((

Владик опять исчез на несколько дней. Опять сидел в подвалах ментовских за хулиганство. Оказывается, купил себе огромную рогатку профессиональную, стреляющую свинцовыми шариками так, что динозавру череп можно навывлет пробить. И вот зашёл в какую-то загородную контору, куда на работу его не взяли в очередной раз. А там, в кафешке, сидело штук 10 молдаван и казахов, которых на рабских условиях на работу взяли. Штук 10 пришлецов, у которых на родине ещё хуже, чем у нас. Летуны, блин, которые свою землю возделывать не хотят и прилетели к нам купоны стричь. Лучше б своих олигархов бы покоцали б и организовали бы на своей земле достойную жизнь!

И вот они там сидели, шаверму ели. И ещё по телевизору вдруг высунулась наша власть, и что-то она трындела ту-

пое и невнятное, к реальности отношения не имеющее. Какую-то пафосную ложь о повышебнии ВВП, о повышении жизненного уровня населения, о процветании в великом государстве, в котором 90 процентов населения живёт за чертой бедности, 1 процент зверски непристойно космически жирует, ну и 9 процентов средний класс типа. Какое там процветание, когда заводы поросли бурьяном, а народ занимается перепродажами иноземных продуктов с оптовых рынков. И больше заняться в этой стране нечем.

И тогда Влад заорал на молдаван, казахов и айзеров: «На колени, овцы! А то я вас сейчас из рогатки своей перестреляю!». И молдаване испугались и поползли на коленях как овцы под пластиковые столы, и тогда Владик стрельнул из рогатки в лик власти, голубевший в телевизоре, и телевизор разбил. Влада посадили за хулиганство, но дело замяли.

((((((((

Собрались с Митей в Гатчину. Пока ждали электричку, купили за 5 рублей у старушки жареных семечек. Стали кормить жирных лупоглазых голубей. У них между ног сновали мелкие вороватые воробьи. Жирные голуби, переваливаясь жиром и радужными грудками, не спеша, семенили к семечкам. Воробьи выхватывали из-под их больших ног семечки и упархивали в сторону. Один голубь был красив – с белой головой и серой родинкой на лысине.

Мы с Митей тоже поели этих семечек. В электричке сна-

чала к нам подошёл необычайно жирный, тучный контролёр с безобразным лицом жадного грешника, у которого совесть не чиста. Он отобрал у нас 40 рублей, хотя раньше всегда брали 20, а часто и 10. Квитанцию он не дал, по его бегающим глазкам и истекающей потом и жиром роже было видно, что это не контролёр, а бандит. У него не было ни формы, ни бляхи, ни фирменной папки с квитанциями, и бежал он по вагону вдвоём с другим странным мужиком. Но был он так огромен, жирён и страшён, что хотелось отдать ему деньги побыстрее, чтобы побыстрее не стыдиться за него, за его преступную опасную деятельность. Митя вдруг сказал: «Мама, не могу, мне срочно, очень срочно надо в туалет!». Пришлось выйти на ближайшей станции. Это оказались «Скачки», – ужасное, богом забытое плюгавое место, где когда-то природой был задуман симпатичный пейзаж- холм, ручьи, лес, поле. Митя поднялся на холм, обнаружил там помойку, сел на небольшую пустую бочку как на горшок и покакал туда. Такая вот грустная сюрреалистическая картина- ребёнок, какающий в небольшую ржавую бочку на вершине живописного унылого холма. Ибо туалетов здесь нет.

Я предложила пойти по склизкой дороге на поле. Но там было так скучно и неудобно. Внизу торчали скучные домики, некоторые дряхлые, некоторые типа потуга на коттедж. Но сама загаженная, помоечная, мелко и беспонтово нарезанная заборами местность была так убога, что даже просторные трёхэтажные кирпичные пузаны казались мелкой чван-

ливой победой над окружающей нищетой и убогостью. Так обидно за людей, которые имеют деньги и могут построить Свой Дом, но не имеют достойной земли, достойной окрестности и достойной инфраструктуры. Всё утопает в отходах, среди глупо почиканных и не прибранных трупов деревьев, гадких заборов. Глаза выпучиваются от горести и обиды за такие бессмысленные и чрезмерные усилия «жить по человечески». Эстетика безобразия рушит любой капитал. Я не видела ни одного места в России близ больших городов, где хотелось бы построить Свой Дом.

На платформе «Скачки», где когда то был ипподром и где когда то сломала хребет красивая Фру-Фру, и Вронский плакал, а Анна Каренина волновалась в своей ажурной шляпке-судя по всему, именно здесь был царский ипподром, описанный Львом Толстым в «Анне Карениной», – именно здесь мы и были, но следов царского ипподрома не нашли. На платформе нет кассы, расписание поездов сорвано местными варварами, нет ни скамеек, ни козырька на случай дождя. В глубине платформы мы увидели старушку и трёх собак.

Когда подошли ближе, вместо двух собак увидели двух аборигенов, беседовавших на рельсах, их головы торчали над асфальтом перрона как две собаки- белая и серая. Вместо старушки с белой лохматой собакой мы увидели старушку с белым пушистым козликом по имени Тутанхамон. Словоохотливая старушка всё рассказала за 5 минут и про себя и про домашнего питомца. Козлик был фантастически хо-

рош- с кудрявым чубом, нежный, послушный, с красивыми закруглёнными рогами, но его нечем было кормить. Старушка работает уборщицей у военных, она их ругает, что очень они мусорят. И зарплата маленькая, и сена не запасла. Старушка козу свою добрую кормит и доит, а козлятушек распродала, вот и этого везёт в Лигово продавать. Скорее всего, его купят кавказцы, которые обожают молодых козчиков. Хотя, может, кто захочет такого красавца оставить на племя. Жестокие будни деревенской идиллии. Захотелось стать вегетарианцем и поедателем сои.

Мы ушли на шоссе ловить маршрутку или автобус, ибо электрички в «Скачках» бывают не часто. Неожиданно автобус, на который мы сели, через 5 минут езды намертво застрял в колоссальной пробке где то посреди унылого пустыря, на котором строители воздвигали гигантскую пирамиду из черной грязи- посреди искусственных гор из песка. Вместо египетских рабов были игрушечно раскрашенные трактора с ковшами, грузовики, самосвалы и т.п., всё это работало над созданием кольцевой дороги очень сложной конфигурации в местах развилок и разъездов. Рядом в какой-то гигантской луже восседала огромная стая белоснежных бакланов с белыми носами. Они были похожи на каких-то привидений- эти гигантские морские птицы, уныло отдыхающие на чёрных кочках гнилой помойной земли посреди гнилой чёрной воды. Аристократы по пояс в гавне.

В пробке мы уныло простояли минут 40. Еле-еле дополз-

ли до огромного монстра-магазина «Лента». Это была не лента, а петля на нервах у водителей. Транспортные гигантские пробки из доверчивых потребителей, рванувших в субботний день за дешёвыми продуктами в загородный супермаркет, выстроились по обе стороны от этого центра новой культуры потребления. Всё по-русски, всё по-свински. Супермаркет построили, а дорогу расширить, сделать хорошие подъездные пути забыли. Мелкотравчатый новый российский средний класс, такие новые купчики, менялы, обдиралы, водилы и менеджеры на своих средней роскоши автомобильчиках выстроились послушно в длинную очередь, унижающую человеческое достоинство. Так им в дышло мать ити – этим новым прихвостням нового скушного капитализма. Не хрен подражать бессмысленно глупому обществу потребления.

Потом мы, наконец, попали на проспект Ветеранов, где я когда то в юности бессмысленно, мрачно, одиноко и гадко жила в однокомнатной квартире со своей мрачной и всё более впадающей в унылую лютость и асоциальность мамашей, вся в чрезмерных надеждах на то, что смогу выбраться из своей девичьей тюрьмы в свободный усиливающий мои силы брак. Кроме меня там жило ещё несколько таких противоземных пар – мамыши пенсионного возраста со своими половозрелыми, пышущими гормонами молодыми дочерьми невестами. Самое ужасное, одна такая жирная девушка так там и живёт со своей матерью в однокомнатной квартире,

без брака и детей. А была она такая жирная, вкусная, пышная, красиво певшая эстрадные песни. Ужас, ужас, жопа а не жизнь. Сколько гормонов и генов даром зарыто в землю и не разверзнулось!

Там всё застроили большими домами из розового и красного кирпича, речку забросали новым пластиковым мусором, более фундаментальным, чем мусор конца 80-х. Жители были всё те же – многочисленные, активные, все с какими-то скучными круглыми лицами, одетые добротнo, но во всё серое и чёрное. Чтобы жить на такой окраине – 7 остановок до метро, нужно иметь энергии в 2 раза больше, чем жителям центра.

(((((((

Всё лето Влад ужасно пил, так некрасиво, вонюче и ужасно, что осенью я зашла в церковь, купила самую толстую свечу и поставила её перед иконой «Неупиваемая чаша».

Я сказала: «Пресвятая Богородица! Матерь Божья! Пусть Владик некрещёный и неверующий. Пусть он гадости говорит про религию, пусть про попов говорит, что мода у них какая-то, как от Версачи или Армани, всё в золоте, в блёстках, в кружавчиках каких-то... Прости господи, но очень смешно Владик про одежду священников говорит. Дурак паршивый! Мда. Свят, свят. Но душа то у Владика то есть! Как же без души то! Если он родился человеком, значит, у него есть душа, и душа эта страдает. Даже внешне видно, как страдает его

душа. Он, когда напивается, будто не сам говорит, а через его нутро и носоглотку бесы говорят. Лярвы. Да-да, мне рассказала Танька, что души некрещеных людей, которые пили и грешили, не могут попасть ни в ад, ни в рай, и они становятся лярвами, они вселяются в подходящие тела слабых духом людей, и через них инфернально и не насыщаясь пьют, ибо пустоту насытить невозможно. Я вижу этих лярв, пьющих через глотку Владика, я слышу их голоса! Пусть «Неупиваемая чаша» твоя спасёт Владика! Пусть совершаю я нехороший грех, ставя свечку за некрещеного и неверующего человека. Но помоги ему! Пусть упьётся и насытится наконец-то душа его, святой дух пусть жадность и жажду его насытит, дыру и бездну заткнёт его мерзкую жадную!». Так сказала я и возожгла толстущую свечу перед иконой, самую большую, какая в продаже имелась. На дверях посмотрела, выходя из церкви- то был день Покрова Богородицы....

Вечером позвонил Влад.

–Ты знаешь, я сегодня шёл мимо наркологического диспансера. И я зашёл к врачугам. И я сказал им, что не хочу больше пить. Что у меня нет денег на лечение, но я хочу бросить пить, без спиралей там всяких и кодирований, так как всё это на меня решительно не действует. Я хочу поменять химизм своего тела! И они сказали мне: «Парень, тебе повезло. У нас грант американский, мы ищем пациентов. Ты будешь принимать те пилюльки, которые мы тебе скажем, очень строго будешь принимать. И будешь подробно опи-

сывать свои ощущения. Иногда будешь рассказывать о них на собраниях медперсонала. В-общем, будешь подопытным кроликом». И я согласился на подопытного говорящего и пишущего кролика. Мне сказали, что это лечение стоит 10 000 долларов, но мне повезло, я буду кроликом бесплатным, всё-всё буду им рассказывать про свои ощущения!

—Отлично!— обрадовалась я, и изумилась точности совпадения своего посещения «Неупиваемой чаши» и Владикового посещения диспансера.

—Такие пилюльки у меня замечательные- красненькие, зелёненькие! Вот сейчас я 6 штук по схеме ихней приму!— сказал Владик бодрым, воодушевлённым голосом.

(((((((

Владик принимает чудесные пилюли. Они удивительно на него действуют! Он принимает розовую пилюлю, и ровно через 15 минут на него нисходит сладостный глубокий оздоравливающий сон. Владик сворачивается калачиком, ложится на бок, глазки его смыкаются, и вот он уже сопит сладко своим несколько раз в период пьянства сломанным носопыром. Утром ровно в 7.00 он встаёт. Никакого совизма и жаворонства! Период ночного сна сменяется периодом дневного активного бодрствования. Влад принимает волшебную утреннюю пилюлю зелёного цвета, у него появляется бодрое желание работать, куда-то бежать, к чему-то стремиться. Он несётся по каким-то делам, он даже напевает. Днём он ест

ещё специальные пилюли. Никакой депрессии, никакой ломки. Всё очень чётко продумано. Волшебство!

Если б на такие пилюли всю страну посадить! Правда, перед этим продумать работу. Дать рабочие места. Чтобы все с утра бодро шли строить дороги, мосты, тоннели, жилые дома с высокими потолками, Дворцы культуры. Потому что от дворцов торговли мутит. Блевать от них тянет. Понастроили рынков, понимаешь ли, а на чердачке кинотеатрик с глупенькими фильмецами для детей лет одиннадцати и недоумками постарше. Ну их в баню.

((((((

С Митей в ларьке газетном на краю города увидели одеколон «Шипр» и одеколон «Красная Москва». Я изумилась, оказалось, завезли в ларёк одеколон из подмосковного завода, который возродил всё- и рецептуру, и внешнее оформление. Я купила пару флаконов для прикольных подарков всяким колдырям знакомым. Мы шли с Митей вдоль зловонного грязного шоссе, изничтожающего кислород и чистоту, и нюхали одеколоны. Особенно меня изумил запах «Красной Москвы». Такой родной восхитительный запах из самого дальнего детства. В деревне у бабушек был комод, там, в нижнем ящичке всякие старые ленты, лоскутки, платки, открытки лежали. Там так пахло. Очень простой, грубый, очень солнечный и радостный запах! Как только его смогли изобрести! Мы с Митькой нюхали этот едкий счастливый

запах, и вдруг стали хихикать непроизвольно. Машины почему то уже не чувствовались, даже когда они обдавали нас прямо в лицо своей душной вонью. И вообще настроение повысилось. Всё казалось смешным и радостным. В одном месте старинную ограду из гранита завалили, а рядом на почве были кучи какие-то высокие. Много странных куч из коричневой почвы. Я поняла, что это гигантские кроты-мутанты нарыли, больше некому было. Мы дико хохотали, мне вдруг ужасно захотелось выпить водки чуть-чуть.

Я вдруг поняла, на чём держалась та советская цивилизация. Вот на этом сильном запахе счастья. Надо же такое изобрели! Что-то туда добавляли, может кокаин? Дома я дыхнула в чашку с молоком и почувствовала, что в ноздрях волосках запах «Красной Москвы» так и не выветрился. Какой стойкий!

(((((

Владик говорит мне:

—Я тут бабосиков заработал. Пошли в ЗАГС.

Я говорю:

—А давай необычное что-нибудь устроим! Давай сошьём себе костюмы в полоску жёлто-коричневую, как бешеные шмели. Чтоб вся туса питерская сошла с ума.

—Лучше давай в день свадьбы прыгнем с Литейного моста в Неву.

—Как это?

–В годы моего пьянствования я очень любил это проделывать. Мало кто знает – там течение сильное. Прыгаешь с крайнего пролёта, и течение тебя за 20 минут выносит прямо к пляжу Петропавловской крепости, даже руками грести не надо.

–Круто! А вода не грязная?

–Плевать. Грязь ко мне не пристаёт!

(((

Владик назначает мне встречу возле ЗАГСа. Мы сидим в какой то постыдной дурацкой очереди. За зарешёченными окнами сумерки. Унылые синие сумерки, и с неба сыпется то ли дождь, то ли мокрый снег. Мы попадаем к тётке-регистраторше. Она очень злобно что-то на нас смотрит. Бритоголовый роскошный Влад в синих джинсах, со своими суровыми бультерьерскими ушками. Понятно, не жених, а хулиган. Брачующиеся в очереди – молодёжь какая-то мягкотелая раскисшая, такие обыватели какие-то неприкольные, мужчины с усиками с робкими и подлыми ухмылками, женщины с масляными взорами. Мы какие-то из другого мира. Дама бракосводительница, поджав губы и презрительно на нас глядя, указывает нам на анкеты, которые необходимо заполнить. Влад достаёт ручку с красной пастой. Он говорит: «Я хочу, чтобы это было записано красными чернилами! Концептуально! Не чёрными же!». Я удивляюсь, что разгильдяй Влад предусмотрел такую мелочь и взял с собой

красную ручку. Хотя это на него похоже. Он иногда поражает своим рационализмом и предусмотрительностью до мелочей...

Мы долго пишем, высунув языки от лукавства. Несём исписанные нашим согласиём листки даме. Она вдруг рычит на нас: «Нельзя! Тут написано в анкете: «Заполняется чёрными или синими чернилами!»! Перепишите анкеты!». «Ну что за бред!», – мы возмущаемся. Переписываем.

–А теперь дайте мне ваши паспорта!– говорит до глубины души возмущённая нашей парой дама. И чего мы ей не нравимся, чего она с таким отвращением смотрит на Влада и на меня! Тут такие фрукты-овощи в брак вступают, такие мезальянсы, такие белыми нитками шитые связи, замешанные явно не на любви. Ну чего ей от нас надо!

–Ой, молодой человек! Чего это такое вы мне суёте!

–Это мой паспорт.

–Я вам русским языком сказала – ваш паспорт!– совсем по-хамски уже как-то говорит дама.

–Это и есть мой паспорт. У меня нет обычного паспорта.

–Да, у него необычный паспорт. Но он действительный, по нему можно делать всё- только в армию и в депутаты нельзя, а так всё те же права, – что-то этакое говорю я.

–А прописка где? А? Где вы живёте? Из какой вы страны?

–Я петербуржец в шестом поколении! Я потомок баронов Литопурков! Вот, вот тут, на этой странице- видите? Вот, написано, Петербург, Шпалерная улица! Вот видите?

Дама зовёт секретаршу. Они обе изучают с брезгливостью вымоченный в Фонтанке и в Неве документ Владика.

—А смотрите! Да, тут адрес. Да.

—Нет, молодой человек. Всё же нет ли у вас другого документа? По этому документу я не могу зарегистрировать ваш брак! И вы, девушка. Вас не смущает его удостоверение?

—Нет. Я знаю всю эту эпопею. Он — гражданин мира!

—Нет, нет. Сделайте нормальный паспорт как у всех, а потом приходите в ЗАКС. Это государственное учреждение. Мы не можем..

—Что вы не можете? Что вам не нравится? Да вы просто безграмотны! Вы должны знать законы. Можете в милицию позвонить, вот по этому телефону! Вам скажут, что я имею все права по этому документу!

—А почему он подмоченный, а?

—Да потому что в Неве купался.

—И печать размыта!

—Нет, не размыта. Читается, Людмила Сергеевна!

—Нет-нет, я не могу брать на себя такую ответственность.

Если хотите вступить в брак, делайте нормальный паспорт! Сколько лет я тут работаю, такого я ещё не видела!

—А я не буду делать паспорт! Я до Горбачёва дошёл, чтобы у меня не было вашего долбанного паспорта как у всех! Я гражданин мира, и я хочу жениться!

—Что вы хамите! Вы где находитесь, молодой человек! То красными чернилами он понимаете ли пишет, то какую-то

книжонку суёт непонятную.

–Если вы не знаете законов, это ваша проблема! Ну-ка, фотография есть, да? Это я, правда? А, о, у, э – правда это я? И печать есть. И прописка. И графа о семейном положении. Что я свободен. Тут всё есть, а?

–Уйдите, не суйте мне в нос эту непристойную тряпочку! Вы довели до безобразного состояния её! Так не обращаются с документами!

–Если это не документ, то я его сейчас на ваших глазах порву!

–Ой!

–Ай!

–Хулиган! Да как вы смеете! При мне, при представителе власти? Милиция! Ксения Фёдоровна, милицию надо позвать! Тут у нас хулиган пришёл жениться! Паспорт порвал!

–Ага? Паспорт всё-таки? Всё-таки признала, что паспорт?

–Вон, выйдите вон! Ксения! Быстрее, звоните, вызывайте! Ой!

Мы с Владом выскочили из ЗАГСа с красными мордами. Влад был взбешён. И ещё мне показалось, ему было стыдно за свой психоз и оторванную страничку. Мне было стыдно, что вот бывают возделанные социальностью люди. Нормальные такие. Умеющие держать удар. Умеющие терпеть бесконечно и по скотски всякие тупые требования государственной идиотской машины. А вот слабонервный, тонкопальцый, бесконечно свободолюбивый Влад этого терпеть не может. И

выглядит не как герой, а как животное из леса, пришедшее в городские джунгли со своими законами и правилами. Тьфу, какой слабый чувак. Тьфу, как всё это нехорошо. Я трепетала как овечка. Мы поцеловались сухими губками как хомячки и разбежались.

(((((((

Мы идём с Владом по Невскому. Мне ещё хочется с ним идти рядом. У метро Влад говорит: «Ну, пока!». Я ему говорю: «Ну, пока!». Мы с ним целуемся сухими губками, как два хомячка. Влад поворачивает свои копытники куда-то вбок, в сторону своей сумрачной грязной Шпалерки. Мне чего-то не хочется отпускать Влада, вроде ещё как рано, вроде пусть лучше ко мне поедет. «Ну ладно, пока!», – говорю я ему. Влад говорит: «Приду домой, позвоню тебе!». Влад исчезает.

12 ночи. Звонка нет. Я ему звоню сама. Трубку никто не снимает на том конце. Наверное, спит. Но что-то сердце у меня неприятно сжимается. Я почему то безгранично Владу верю, что он не потаскун. Нетворческий человек, трус, закопавший свои таланты в землю. Но не потаскун. Он простака, как и я, лучезарный такой простака, который всегда говорит правду. Я тоже всегда говорю правду, ничего кроме правды. Самые парадоксальные вещи – это всегда правда. Зачем врать? Правда всегда интереснее, искромётнее, ошеломительнее любой лжи. Врать решительно невозможно, врать трудно, надо сводить концы с концами для правдоподобия,

врать скучно. Хотя про того чела, которого Влад поповым шприцом кольнул – может, всё-таки наврал? Хотя вряд ли.

Я звоню Владу утром. Никого на Шпалерке нет. Мобильник отключён. Я звоню Владу вечером, ночью. Через сутки позвонил его друг и сказал, что Владика как бритого зверообразного скинхеда, наверно, забрали в кутузку, что перед Саммитом всех неприличных ловят и засовывают туда, «чистят» город.

Я звоню ему три дня. Сдох он, что ли? На четвёртый день, когда я уже не знаю, что делать, хотя я уже привыкла к тому, что Влад исчезает и прячется в нору, что характер у него такой, на четвертый день на том конце Влад снимает трубку. «Я ослеп!», – говорит Влад. Я не знаю, плакать или смеяться. Всё же жив. К тому же он уже слеп один раз от абсента.

((((((((((

–Как ослеп? – я всё же думаю, что это он ослеп фигурально выражаясь. Типа «слепой я был, тебя не видел, не замечал, не понимал!». Или ослеп не сильно, а слегка. Типа за грехи. За злодейское заражение СПИДом жадного бандита-хозяина.

–Да ничего не вижу я!

–Где ты ослеп? Как ты ослеп? Ты же домой пошёл!

–Я тогда не домой пошёл, я зашёл к другу, который в Мариинском работает осветителем. Там у них установили лазерную пушку. Я любопытствовал, как эта штукавина ра-

ботаает. Наклонился, прямо в жерло посмотрел. А кто-то рубильник включил. Мне прямо по глазам лазером

–Ну и что дальше?

–Дальше... Ужасная боль, даже сознание потерял. На «скорой» в больницу отвезли. Открыл глаза – сначала всё было в негативе, потом понял, что вообще ничего не вижу.

–Как? Это... Это насовсем?

–Да нет, сказали, что пройдёт... Мне сказали: «Ты, мужик, не первый глазики под лазерный фонарь сунул, из Мариинки уже четверых в госпиталь к нам привозили слепеньких!». Ожог роговицы, но должно пройти. Я уже дома!

–И как ты, слепенький Владик?

–Да вот жру сижу.

–Как?

–Ну я же в своей комнате всё наизусть знаю. Что где лежит, что где стоит. Чай вот себе сделал. В холодильнике сосиски нашёл. Холодные ем.

–Давай к тебе приеду!

–Приезжай!

Я захожу в вечно тёмную днём Владикову нору. Влад в углу сидит, курит. Spина прямая. На звук двери повернул голову. Но выражение лица беспомощное такое, даже виноватое и с напряжённым любопытством, усилием понять, что происходит, когда глаза ничего не различают. Такие глаза я однажды видела у Тимура Новикова, когда он от СПИДа ослеп, за год до его смерти. Мы тогда с Наташей пришли на выставку на

Пушкинскую-10, и там, в зале у входа с билетиками и брошюрками сидел поросший бородой не старый ещё чел. Он так посмотрел на нас, то есть голову поднял на наши голоса. Мы спросили, сколько заплатить за билетик, он сказал, что ничего не видит, чтоб мы денежку в коробку бросили, билетик сами оторвали и шли смотреть. Наташка чего-то у него про буклет спросила. Я запомнила лицо Тимура Новикова. Он жадно так задвигал ноздрями. Я поняла, что он ничего не видит, но что ему страшно интересно понять, что там во тьме происходит, что за тёлки молодые пришли, кто они, как они выглядят. И он ужасно вслушивался в наши голоса и внюхивался в наши запахи...

(((((((

—Влад! Ку-ку! Это я! Ты видишь мои руки?

—Нет. Вижу только очень светлое и тёмное. Ты вот против окна встань, тогда я силуэт различу. Врачи сказали, что пройдёт постепенно. Может, за неделю восстановится.

—А как тебя из больницы отпустили? Тебя лечили?

—Меня накололи чем-то, чтоб я спал, чтоб боли не чувствовал. Я три дня проспал у них. Потом встал и ушёл домой.

—Как ты ушёл домой слепой?

—Да очень просто. Я же попал в больницу, которая за Литейным мостом. Я тут всё знаю, каждый камень.

—А как же дорогу переходил?

—Ну, я до перекрёстка дошёл, слышу, что машины одна за

другой. У первого перехода попросил людей перевести меня. Потом шёл, цепляясь за ограду моста. Потом был второй перекрёсток, на котором не было людей. Я увидел шевелящееся желтое пятно- это был пуленепробиваемый фартук постового милиционера. Я понял, что это мент в переднике таком стоит светящемся зелёном. Я подошёл к нему, ощупал его, чувствую, что вот у него и палочка есть.

—И он дал тебе себя ощупать?

—Ну, он удивился, наверное. Но я у него спросил: «Вы мент?». И он мне ответил: «Ну да, я мент. А ты чего, не видишь, да? Вот я сейчас тебя палкой отдубасю- то! Чего тебе надо?». «Я ослеп. Не вижу ничего. Переведи меня, пожалуйста, через дорогу!». И он взял меня за руку и перевёл меня через дорогу. Спросил, может до дому меня довести. Но там то я уж сам справился, сам дошёл...

(((((

Я взяла слепого Влада к себе на диван, пока он не восстанавливает свои зрачки.

Вместо дня рождения пришлось весь день писать тексты, потом сидеть в ложе на спектакле 4 часа. Ох уж эти «Три сестры»!

Слепенький Владик отхрюкивался на моём диванчике, мне очень хотелось гостей, подарков, наликёриться и накушаться сластей. А я сидела трезвая, одинокая, во тьме холодной ложи, с холодной своей рожей, передо мной на сцене пры-

гали хорошенькие три сестры, но с ними нельзя было попрыгать по сцене.

Эти «три сестры» и сватья их Наталья так крутились на сцене, будто из моей души выпрыгнули три грации и сестра их муза Талия, вынулись из души и выпорхнули на сцену, оставив меня опустошённой и скучной в тёмном углу. Вообще сёстры Кутеповы- очень очаровательны, у них такие русские народные красивые лица, беленькие они такие, пушистоволосые, деревенские красавицы с флёрром романтизма и городской одухотворённости. Такие хорошенькие женские типы рождаются где-то там, в волжских полях, среди цветущего льна и колышущихся колосьев, такие лица в Питере не бывают.

Театр – это странный вид искусства. На сцену лезут те, кому хочется патологически, чтобы их любило больше человек, чем положено. И вот они красуются и так и сяк, выставляют напоказ свои тела и души, пытаются ухватить за жабры, уцепить, соблазнить, очаровать, обездвижить. Агрессивное искусство. Оно мне так нравилось в подростковом возрасте, в юности! Как пример виртуозного владения своим телом, с которым в том возрасте не знаешь, что делать. Погреться у чужого камелька, подышать чужим жаром и шармом. Но сейчас, в 21 веке – это странно всё. Этот физический контакт, эти живые, не виртуальные белковые тела, которые перед тобой в реальном времени переживают какие-то телесно проявляющиеся страсти. Это очень странно и неловко, стыд-

но, что они так выкладываются. Это анахронизм какой-то, это цирк со зверями и гладиаторами. Такое искусство должно стоить очень дорого. Оно, кстати, круче, чем балет или опера, так как в опере или балете можно спрятаться за отработанные движения и приёмы. Театр же возможен, только если актёр жаром делится всерьёз, иначе получится пошлость.

В-общем, я заснула на спектакле. Рефлексы сработали. Темно, тепло, мягко, душно и уютно. Я заснула в своей ложе так, что даже захрапела. Я понимала порой, что сплю и всхрапываю, но ничего не могла с собой сделать. Сквозь приподымаемые чудовищным усилием веки я видела хорошеньких Кутеповых как сказочный сон. Я уже стала вытягиваться и искать подушку головой, а ногами нащупывать спинку дивана. Один раз я так сильно захрапела, что сама же себя и пробудила. Словно молния прыснула мне в мозг, я строго посмотрела вокруг себя. Сзади на меня с ужасом смотрела тринадцатилетняя девочка, пришедшая в театр с мамой и увлечённая сценой. Я скрючилась, зажала голову руками, как бы в глубоком сопереживании трём долбаным сёстрам.

В конце гром аплодисментов стряхнул с меня сонный морок, я помчалась домой.

(((((((

Пока меня не было, Влад вдруг почувствовал, что уже стал различать побольше световых пятен и пошёл за сиренью для

меня. Когда вернулся – в руках у него были огромные куски оторванных цветущих деревьев – сирень, акация, рябина. Он ползал за железной дорогой, где цветы на кустах – определял по запаху, обращался к местным аборигенам за помощью, чтобы они указали, где есть цветы на ветках. Его «веник», как он его назвал, пришлось поставить в огромное ведро с водой. Кстати, хорошо стоит- цветы распускаются по очереди. Супер! Такого мне ещё никто не дарил!

ЧАСТЬ 3. ГОЛУБОГО ЦВЕТА.

(((((((

Владик не пьёт уже год. Это удивительное чудо из всех чудес. От Владика больше не воняет пивом «Охота». Владик не тратит чудовищные деньги на алкоголь.

Впрочем, он всё врал. Просто когда он пил, он мало ел. Можно не есть, но пить. Можно не есть, но много денег тратить на лекарства, связанные с болезнями, вызванными неправильным вскармливанием своего биоробота. А можно просто не лениться, и питаться правильно. Это мало кто делает. Все лентяят. Еду через рот заменяют алкоголем через рот, или таблетками через рот, или дымом через нос, или наркотиками через вену.

Зато Влад теперь вообще не работает. Раньше он работал то на одном месте, то на другом, у него много было идей, как заработать бабосиков. Теперь у него нет таких идей. Мегера Фёдоровна, братец его Лёша и я – мы все смотрим на Владика как на выздоравливающего после тяжелейшей болезни! Это ж человек беспробудно пил 20 лет, ежедневно пил, убивал и укрощал своё разнузданное, чересчур сильное тело веригами спирта и курева! Это ж другой на его месте б давно б сдох! Или маялся бы циррозом печени. Или почки бы поотваливались. А могучему рыцарю, совершенному человечеству Владикау всё по фиг! Мы все в восторге от то-

го, что Влад не пьёт. Влад теперь не красномордый упырь, а такой бледноватый благородный чел. То, что он не работает – ну так поправляется после тяжёлой, почти неизлечимой болезни. Процесс долог. Когда Влад жалуется на слабость и депрессию, врачи ему говорят: «Ты, брат, сколько лет пил? Теперь столько же лет надо, чтобы стать опять нормальным человеком!». Мегера Фёдоровна кормит Влада, денег она от него не требует. На работу она его гонит, но не сильно.

Что-то в воздухе ещё изменилось. Работать на фасадах зданий Владик уже не хочет. В эти места, где Владик виртуозно, первоклассно работал, в эти места Владик уже и не пытается идти. Они заняты гастарбайтерами, ужасными какими-то рабами с юга, их нахлынуло очень много в город, они работают за бесценок, за очень маленькие деньги. Они выгнали из этой сферы питерских рабочих-профессионалов, те ценят себя и лучше сдохнут, чем будут работать даром.

К тому же надо менять химизм тела... Я про товарно-денежные отношения с жадным и ленивым Владом давно забыла. Каждый живёт со своей кормушкой, со своей погремушкой и со своей маленькой денежкой отдельно. Соединяет нас зелёный, как крокодил, разваливающийся диван...

(((((((

Химизм тела Владу всё же успешно поменяли. Алкоголь не вызывает у него никакого энтузиазма. Когда я, пьянящая, после какого-нибудь фуршета доползаю до его норы, он

смотрит на меня с недоумением и лёгким сухеньким таким, без всякого сдержанного алкогольного вожделения сожалением. Утром он спрашивает у меня: «И сколько вы сударыня выпили?». Я пытаюсь вспомнить. Не так уж много мне и надо... «Эх, жалко, что я не пью! Я бы на вашем фуршете выпил бы весь алкоголь. Даже бы всех удивил. И съел бы все ваши тарталетки! А ты говоришь, там ещё много оставалось?». «Даааа! Там оставалось бутылок пять водки недопитых. Вино оставалось. Еда осталась». «Удивительно! Какие вы все слабаки! То ли было в годы моего пьянствования!».

Можно ли было представить такое, что вот я пьяная, воючая, с кривой мордой, буду ползком ползти, веселенькая, среди качающихся фонариков ночных, по имперским красотам, мимо Спаса на Крови, мимо корпуса Бенуа, по Марсовому полю, потом по набережной Невы, и вот абсолютно трезвый, грустный и мудрый Владик будет покорно и терпеливо встречать меня на пороге, терпеливо терпеть мой спиритус душный, мои выходы неадекватные...

(((((((

Влад совсем засосался в Интернет. Он тыкает и тыкает на кнопки, он устанавливает программы, он говорит непонятные слова всякие. Он совсем ушёл из этого мира. Его со-визм ему пригодился. Теперь по ночам Влад сидит и пялится в монитор. Лазает и шарит по Интернету. Когда я ему звоню, то слышу странные звуки. «Тааак! Погоди! Так! Так! Вот

тебе! Получай!». «Что там у тебя творится?», – спрашиваю я, изумлённая. Такое ощущение, что Влад избивает полчища тараканов. На самом деле он избивает полчища компьютерных вирусов. Влад поставил какую-то антивирусную программу, которая показывает ему ежесекундное заполнение вирусов в его комп через открытые врата Интернета. «325 убито, ещё 678 влезло! Что это! Что творится! Откуда эта гадость! Кыш! Кыш! Пошли вон! Вот я вас! Ага... Попались! Всех передавлю. И тебя. И тебя. Получай. Получай! Скрипты, которые загрузились сами, их надо того, бить до последнего... А! Вирус. Какой огромный. Троян, тутыть твою! Сейчас я его, сейчас! Ага! Сдох! Сдох!!!». Вот такие вопли я слышу по телефону. Это Владик теперь поздними вечерами бьёт вирусов. «Ай, какой здоровущий! Да это червь!». «Что, солитёр компьютерный, да? А Танька говорила, что бывает такой червь, который железо ест!». «Дура она, твоя Танька! Такого не бывает!». «Я тоже думаю, что это слухи!». Я пытаюсь поддержать сложный технократический разговор с Владом, но что-то я в этих вопросах слаба.

Влад вообще как-то изменился. Он стал ужасно материться. Он не говорит о книгах, он их перестал читать. Раньше всё ж был человек читающий...

(((((((

Влад ожил. У него новая фишка. Он увлёкся порнушкой. Он качает и качает всякие прикольные извращения,

особенно он любит совокупления с животными, с бабушками, с жиртрестами, со слонами и удавами и детьми. Тьфу, тьфу, изыди. Поэт Амелин из Москвы мне тоже признаётся, что очень много времени проводит на порносайтах. Очень увлекательное занятие! Но это увлечение у Влада быстро проходит. Влад осваивает музыкальные программы. Я рада за него, он всё ближе и ближе приближается к самому себе, осваивает инструментарий. Может те мелодии, которые бьются внутри него, когда-нибудь всё же объективируются во всю ширь и мощь?

((((((

Ещё мы с Владиком подсели на маскароны. Фотографируем. Потом рассматриваем фотографии маскаронов, представляем их по папочкам на экране. А кто они, эти выразительные могучие лица? Это квинтэссенция, это сливки, это нектар. К тому же молчат, обездвижены. Лёгкая добыча для фотографа. Объект любви не дёргается, не дерзит, бесконечно, максимально пассивен. Бесконечно, максимально привлекателен, ибо скульптор, создавая этот человеческий типус, уже сильно напрягался, всматривался в окружающую реальность, хулиганил порой, задирая носик или делая глазки кривоватыми, я думаю, и черты друзей придавал скульптуре, над заказчиком издевался слегка так, в меру. Но и школу не забывал, классику. В Рим, в Италию – наверняка ездил. И вот в таком замершем, препарированном виде, эти луч-

шие красавцы и красавицы своего времени стоят перед тобой, часто голенькие, с жирком своим, с ляшечками, с мышцами и костями, проглядывающими сквозь кожу... Идеальные натурщики, не дрогнут, бесплатно.

Это вот квинтэссенция моего солипсизма. Не умею я внедряться в живую реальность, играть с живыми людишками непредсказуемыми. Знаю, что печалишься ты из-за этого. Живой человек – это тебе не статуя, это непредсказуемая игра, непредсказуемая реакция на твоё существование, конечно, если ты будешь своё существование верно выносить на суд под солнце, если не будешь сам от себя прятаться и юлить и лгать. Но, увы, ты не идёшь туда, куда трудно. Где хари сидят, где лица молчат, закованные в свои оковы сдержанного одиночества. Ты не идёшь тормозить этих живых кукол, а уж наверняка любая из них поинтересней будет твоего маскарона. Ты идёшь туда, где проще. Эх ты, а потом жалуешься на безжизненность. Стыдливость девичья, женская, старческая? Но ведь это бред всё, пойми, никто тебе скидку на это не даст, это твоё личное, мясное. Иди к людям, мой совет. Если злодеи будут попадаться – утекай и извиливайся. Если никакие будут попадаться вялые типа тебя – так шевели их, ты же знаешь, как больно и как приятно, когда шевелят. Если тебе настоящие люди попадутся – ну так награда за то, что шёл и тормозил, за то, что лень свою превозмог, стыдливость оседлых.

(((((

Я ночью у Влада заснула, пока он сидел у компа. Он взял фотоаппарат, и снял меня голую. Я проснулась от попискивания фотика, пищит он во время съёмки таким елозящим свистом, будто- раз- и высосал частицу жизни, вырвал как овод из тела жизни кусочек малюсенький, и теперь в жизни будет дыра. Я заметила, что когда ловлю фотоаппаратом что-либо красивое, то словно овод что-то выкушиваю. Неправильно всё это. Я злюсь на Влада, что вот он меня заснял, беззащитную. Мы с ним дерёмся шутливо, но основательно выпиваясь друг в друга. Я пытаюсь стереть компромат, который снял про меня Влад. Тем более он подло хихикает.

Ой, какой красивый компромат вышел! Я и забыла с этим придурком Владом, что я красивая женщина в расцвете сил. Влад иссушил таки мою душу, да, я не предаюсь греху блуда, живя с одним постоянным самцом Владом. Но всё же что-то не так между нами, что-то не то. Я где-то вру самой себе, где-то я завралась. Некое светящееся солнце в виде полноты жизни- оно требует предельной правды, а не получается, не получается.

(((((

Всюду все говорят о трубах. О газе и нефти. Всё строят и строят нефте- и газопроводы, чтобы выкачивать недра, а деньги от них народу не дают. Нарушают конституцию, между прочим, о том, что всяк народ имеет право питать-

ся от той земли, на которой живёт. Ни фи́га не имеет никаких прав! Международные трансмонополии всё высасывают, олигархушки всё прихватизировали, 80 процентов богатств природных прихватизировали, и народ сидит в жопе. По ночам мне звонит безумный Пайков и визжит, что с каждого барреля нефти мы все должны получать поровну некий процент. Что так на Аляске у чукчей, и что так в Швеции, и в Норвегии – недра принадлежат народу. Социализм с человеческим лицом. Что надо так и у нас. Данные о каждом высосанном барреле вывешивать в онлайн в компьютере, и каждый гражданин знает, сколько на его счёт копеек или рублей поступит в этот день. Всё прозрачно и честно должно быть! «Я астроном, я то считать умею, я умею считать эти космические числа!», – визжит Пайков, трясясь от жадности и неудовлетворённой к деньгам похоти. А он прав. Милый, милый Пайков!

Звонит мне Педрин. Мы встречаемся в музее Ахматовой. Там что-то очень скучное, как всегда вокруг обольстительно-го чело́вочища Педрина собирается милая тусовка, пара экстравагантных художников, девушка чукотского вида Маша. Она рассказывает удивительные истории про Аляску. Она сама чукча, она работает в институте народов Севера, то на Аляске, то в Швеции, то в Магадане время проводит. Реально – чукчи получают десять тысяч долларов на свои счета ежемесячно, кто как хочет, тот так и тратит. Никто об инфляции не говорит. Что за инфляцию такую придумали? Ес-

ли 10 миллиардов у одного человека на счету лежит, или эти 10 миллиардов у 10 миллионов человек поровну распределены – какая разница для экономики? И те и другие деньги тратятся ведь, просто у олигарха крупными суммами, у народишка- маленькими пайками. Нас всех явно надувают! Чукчи, получая деньги на счета, строят себе коттеджи, нанимают дизайнеров, строителей, делают себе бассейны в домах, покупают у художников картины. Кто хочет- открывает малый бизнес. Отлично живут чукчи на Аляске!

Мы компанией заходим в подвальчик «Кудрявая лоза», где торгуют живым вином из бочек. Но что-то изменилось в воздухе, что-то изменилось. Подвал теперь принадлежит каким-то новым чернявым хозяевам. Они нам дают убогое, очень обедневшее меню. Названия вин теперь не те. Бочки спрятаны. Цены вздорожали. Мы заказываем «вин роз де Пари»– парижское розовое, ну и название! Были наши вина с территории бывшего СССР, отличные были вина- «Изабелла», «Лидия», было «Негр пуркар» из Молдовы. А это что за птица такая – розовое парижское? Остальные три названия ещё чуднее. Мы заказываем литр розового парижского. Нам приносят через полчаса в графине с узким горлышком что-то желтого цвета, типа ослиной мочи. Мы наливаем в пластиковые стаканчики, которые почему-то вытеснили в этом заведении стеклянные бокалы. Сырную тарелку обещали принести почему то позже. Мы делаем по глотку розового парижского. Это пить нельзя! Это уксус с этиловым

спиртом, сдобренный ароматизатором «виноград» и подкрашенный чаем! Мы зовём официантку и говорим, что её вино – это яд, пусть забирает нетронутый графин себе в жопу, мы заплатим так и быть за 100 грамм попробованного вина и за тарелку сырную, кстати, где она? Чернявая тонкая и сумным лицом официантка бычится. «Так, вы отказываетесь платить, да?». «Да, это пить нельзя, сами попробуйте! Где вы только эту гадость достали, а? Признайтесь!». Официантка уходит и через минуту возвращается с двумя чернявыми амбалами. Они нам говорят: «Так, эй, вах-вах! Отказываетесь платить, да?!». Мы бледнеем и говорим гордо: «Мы отказываемся! Мы пожалуемся на вас в общество потребителей! Где сертификат того говна, которое вы нам принесли! И где наша сырная тарелка, наконец! Вы чего там, сначала полчаса набодяживали ослиную мочу вместо вина, а теперь выращиваете там на тарелках для нас сыр и ждёте его созревания, да?».

Официантка куда-то звонит по мобиле, это видно в проёме двери. В подвал вдруг врываются омовцы с мордами, прикрытыми вязаными чёрными шапочками, они наставляют на нас автоматы какие-то, что ли, они предлагают нам немедленно заплатить, или пройти в ментовозку и навестить отделение милиции. Мы ещё больше бледнеем, отдаём разбойникам из подвальчика деньги за неупотреблённую отраву. Мы демонстративно переливаем в бутылку из-под минералки образец их пойла, чтобы отдать его на экспертизу куда

надо. Но новые хозяева обгрызенной «Кудрявой лозы» нас явно не боятся, у них явно везде всё схвачено!

–И дайте же нам, наконец, нашу сырную тарелку! – кричим мы напоследок злодеям-торгашам. Нам выносят нашу тарелку со скудными кусочками сыра, мы стряхиваем это под дулами омовцев в полиэтиленовый пакетик.

Специалистка по чукчам Маша в течении трёх дней пытается сдать вино на экспертизу. Удивительно, но всюду её гонят в другие места, пока круг не замыкается. Вкусившая западной жизни и нефтяных долларов Маша изумлена, да тут, в России, законы не работают, права потребителей нарушаются, и вообще царит полный беспредел! И что это за капитализм такой, когда хорошо торгующие хорошим продуктом люди куда-то исчезают, а на их место приходят откровенные надуватели и бандиты!

Я говорю Маше: «Давай я с тобой сделаю интервью, расскажешь всё подробно о чукчах на Аляске, ладно?». Маша радостно соглашается, только вот ей надо в Иркутск слетать. Через месяц выясняется, что Маша умерла в Иркутске....

((((((((

У меня дома тоже проблема трубы как-то вышла на первый план.

В семье у меня вечно идёт битва за трубу. Труба с водой проходит в стене между ванной и кухней, там она раздваивается, вылезая кранами и туда и сюда. И вот такая фишка –

когда кто-то включает воду на кухне, особенно если холодную, набирая её в чайник, то тогда в ванной холодная вода перестаёт течь, и если кто моется в ванной голый под душем, то его начинает поливать кипятком. Но бывает и обратное. Кто-то на кухне споласкивает посуду, а кто-то в ванной откручивает кран, и тогда обжигает кипятком руки того, кто на кухне.

И вот чтобы не было ожогов, надо всегда быть начеку, надо внимательно смотреть – нет ли кого в совмещённом санузле, нет ли кого на кухне, когда хочешь побаловаться с водой. А если одновременно, то тут надо уступать, или нагло настаивать на своём, крепко держать вентиль в руках.

Бабка у нас в этом плане ведёт себя как королева. Если ей что надо, то сию минуту, никогда она никому не уступит. Если ей надобно чайку испить, то она плевала на того, кто в ванне голый под душем стоит, или с намыленным лицом слепо ловит ладошкой тёплую струйку. Бабка грубым движением отвинчивает вентиль на кухне на полную катушку, чтоб струя посильней была. Разгорячённый душ в это время теряет вдруг свою холодную составляющую и порой превращается просто в поток кипятка. Я не раз попадала в такую историю. Главное – быстро выйти из-под струи. Но порой не получается, струя сильна, она брызгает, даже если голым задом прижаться в кафельной стене, всё равно кипятком брызгает больно. Стоишь терпеливо, думаешь, ну этот ад же должен кончиться когда-нибудь, ну наберёт она свой именно в эту

минуту необходимый чайник и отвалит. Но старушке иной раз втемяшится в голову, что надобно после чайничка бы и посудку помыть. Кипяток превращается просто в горячую воду, ты плюёшь на злую старушку, которой в течение суток именно в данный момент пришла жажда помыть посудку. Лезешь частями тела под горячую струю, аккуратно частями намываешься. Но тут опять подвох. Старушка вертит вентиль своенравно, ей надо то погорячее, то похолоднее. И тут твоя и так то тонкая горячая струя безумеет- тебя то шпарит кипятком, то начинает течь мощный поток ледяной воды. Ты как уж на сковородке извиваешься, ты прыгаешь по ванной, шарахаешься из угла у угол, а шарахаться то некуда, половина ванной заставлена тазами и вёдрами, ибо комната совмещённого санузла так мала, что вёдра и тазы для стирки девать решительно некуда, разве что на деревянную решётку в угол, и вот прыгаешь по ванной от контрастного душа, и думаешь: «Что это?».

Иногда не выдержишь и начинаешь стучать в хлипкий кафель, приклеенный к шиферу, разделяющему ванную и кухню. Стучишь и кричишь: «Воду не крути пожалуйста!», но старушка не слышит, шум воды, лязг кастрюль, сосредоточенность на своей старушачьей мысли какой-то мизерной мешает стук и вопли услышать. А если и услышит, то ответ один: «Не ори! Чего орёшь!».

И даже если заранее попросишь – не крути кран, когда кто в ванной- бесполезно. Шаловливая ручонка старой пе-

речницы так и тянется к вентилю, так и тянется. Даже святая показушная любовь к внукам не спасает от бабушкиного кипяточка.

И мне надоело пытаться воздействовать на её разум словами и речами, давно уже потерявшими в её жизни смысл и силу, так как всё время идёт враньё. Мы то бабушку чтим, тельце её бережём, мы внимательно следим, когда откручиваем кран, чтобы в ванной никто в это время не мылся... А она то этого не делает, как её не умоляй, как не проси. Может надо, чтобы она это вкусила, чтоб доводы тела были? Когда она полезла в ванную помыть своё дряблое старческое тело, я решительно, преодолевая себя, подошла к кухонному крану. Прислушалась. Струя в ванной за тонкой перегородкой била всюю, старушка, видно, плескалась под душем. Я, преодолевая себя, перекрестившись мысленно и прося прощение у высших сил, решительно открутила вентиль с холодной водой до упора, типа чая хочу, чайник вот наполню трёхлитровый. На той стороне раздались вопли, стоны, подпрыгивания, всё, как надо. Удары в стены. Крики: «Сволочь! Ты меня убила! Убила! Ошпарила!». «Угу. Нас можно убивать и шпарить, а вас нельзя?». Потом бесчувственная жестокая старуха, давно уже потерявшая всякую любовь к ближним, всякие представления о добре и зле, старая, дряблая, но мощная в проявлениях зла, и вот она выскакивает из ванной в халате своём фланелевом древнем без пуговиц, который запахивается при помощи кушака, и грудь её под шеей алела, и вот

она, вопя, выскочила, и стала бегать по коридору: «Кто открыл кран! Вы меня угробили!».

Я первый раз в жизни совершила сознательное зло. Совершив его, не испытала я сладость зла, совсем не испытала. Противно так и тошно. Пыталась себя утешить: «Ну что-ж, старая перешница, сколько лет живёшь, столько лет учишь, может это научит тебя аккуратно пользоваться краном!», – приговаривала я, но было очень гадко.

Правда, на какое-то время помогло. Перестали нас кипятком опрыскивать как тараканов каких-то. Но через пару недель – опять как с гуся вода. Юра залез долго, по-подростковому долго и чисто плотно мыться под душ. Бабуля не вытерпела, именно в сей момент ей захотелось помыть посудку. Я зашла на кухню и увидела, как шаловливой ручонкой тянется она к вентилю, как тихонечко так отворачивает, чтоб постепенно, не сразу перевести внука на кипяток... Ах ты старая шельма! Человек ли ты? Не человек ты, киборг ты какой-то....

((((((((

Я пришла к Владу. Он плотно сидел в компе. Новый живущий в Сети. Мы с ним попили чаю из его пузатого чайника, в который Влад засунул сразу 6 пакетиков чая «Принцесса Гита», Влад принёс мне колбаски купаты, которые он в духовке нажарил. Мы с ним поели, и я вдруг заснула на его зелёном тёртом диване.

И приснилась мне Бабушка. Как будто сидим мы друг против друга, и бабушка такая прекрасная, и она что-то говорит, говорит... И говорит она о язвах мира, о его чудовищном безобразии, о вопиющей несправедливости. Прямо как я говорит, горячо, страстно, с глубоким горем и надрывом, со слезами, которые не удержать. О правителях, которые загубили прекрасную Россию, об их мерзкой лжи, о тупом обманутом рабском народе, о «рабах ласковых»... И она говорит, всё, что я думаю, говорит не останавливаясь, мне и слова ей не сказать. А мне так хочется, чтобы она узнала, что я с ней абсолютно согласна, так хочется проявить солидарность и утешить её в её скорби и гневе, мою гневную прекрасную скорбящую бабушку... И я беру её за руку, рука у неё горячая, старая натруженная горячая сухая рука моей бабушки. И я глажу, глажу её по этой руке, а бабушка чуть ли не плачет, гневно перечисляя несправедливости и подлости сегодняшнего мира. И я глажу бабушку по голове, как ребёнка, по её редким седым волосам, по скромному платку, прикрывающему её голову... И тут я проснулась. По телевизору показывали старика-учителя, который чудом остался жив во время Сталинградской битвы, когда все вокруг погибали. А потом он жил долго, и ему, уже девяностолетнему, довелось отведать Беслана. Его, заслуженного учителя и ветерана, позвали на 1 сентября в школу. И он попал в самый страшный ад, какой только бывает. На его глазах гибли дети-школьники, гибли от пуль и от взрывов. Он лежал у руин и перебра-

сывал голых мальчиков через стену, чтобы их спасти. Кто-то упал, переломанный, спасся, кого-то пуля убила на лету. А он остался жив. И он рассказывал гневно и страстно по телевизору о Беслане, он, ровесник моей бабушки, пожалуй. Может они родились в один, 1913 год. Только бабушка вот 17 лет как в могиле лежит, а ему вот достался Беслан... А голоса и гнев и слёзы у этого старика и у моей бабушки с того света были абсолютно одинаковые...

Я потом рассказала этот сон сыну Юре. Он сказал, что в пророчествах написано, что в конце времён даже мёртвые на том свете будут возмущаться делам живых, и будут стремиться вмешиваться в них. Наверное, потому что праведников среди живых будет не хватать, и мёртвые будут пытаться спасти мир...

((((((

На Новый Год Владик всё ж дошёл до моей норы. Всё ж у меня ёлочка, котик в ёлочных украшениях, детки прыгают, пожрать есть- салатиков нарубала пару тазиков. Торт купила. Шампанское мы не пьём, некому пить. Пили русский шипучий квас. Правда, Влад сел на мой игрушечный складной диван в ботинках своих, расшнуровывать их не стал, так как всё равно собирались с Митей пойти повзрывать фейерверки всякие, сел и заснул. Мы вокруг Влада попрыгали с детьми. Сидит под ёлочкой, лицо упало на грудь, спит и храпит. Смешно так. Пытались разбудить, так не просыпается,

рукой нас отогнал и опять храпит, уткнувшись в мягкую подушку своим жёстким боком.

В момент речи президента Юра вышел из своей норы и выключил экран. Не хочет приобщаться к всеобщему. Китс прыгнул на телевизор сверху и стал чёрным хвостом своим махать, словно пытаясь прикрыть экран. Бабка наотрез с нами праздновать отказалась. Она сидит в норе своей и там шипит. Когда пытались раньше звать её выпить шампанского, отвечала: «Ваше пить и есть не буду!».

Влад при щелчке выключения экрана проснулся, мы выпили шипучего кваса, поели салатов, и Влад опять, сидя на диване, засопел.

Такой вот Новый год.

(((((((

Мрачный и нехороший день. Типа мировой экономический кризис – и под эту марку мою зарплату сократили вдвое. Как и всем сотрудникам журнала. Треть народа из журнала ушла. А мне уходить некуда. Придётся прыгать по пяти журналам, чтобы зарабатывать столько же, сколько было до кризиса. Нина говорит, что её сестра работает в металлургической компании, и вот мнение её- кризис сделали под Россию, чтобы акулы-иностранцы смогли за бесценок скупить остатки российских предприятий.

Бежала, мчалась к Владу-киборгу, жала, жала на кнопки мобилы, а он молчит. Спит. Он ушёл от реальности в сеть

и в сон, он такой развратный весь, весь не цельный, весь из врат и дыр каких-то, и весь похотный, и чрез его похоть входит в него непослушание и гордынька, и он не слушает тонких вожделений своего тела, тех, что стремятся к гармонии с внешним миром, и со всей сетью живых и геомагнитных существований, а слушается он похотных призывов своих, прихотей причудливых, и от этой чудаковатости своей он весь разбалансировался, весь рассыпался и изломался душой и процессами тела, и ночью он не спит, а днём спит, и он уже и на улицу то выйти не может. Живёт не как человек, а как мясо какое-то. Потерян он для общества, как говорит адвокат Ухов.

На Шпалерной снега не было. По Литейному неслись машины, людей почти не было, лишь каменные глыбы домов с завитушками, жёлтые фонари, и их отражения в мокром асфальте.

Я открыла ключом домофонным входную дверь.

Я вошла в парадную. Открыла ключом дверь Владика. Он спал на диване при ярком свете люстры, при громко работающем телевизоре. По телевизору визжала русская девушка, которую какие-то бессмысленные бандиты волокли, чтобы зарезать. На контрасте был последующий кадр с хорошим ментом, расследующим свершившееся бессмысленное и кровавое преступление. Очень умного, смелого, бедного, но бескорыстного мента играл одноклассник Влада. Тупость ТВ выросла за последние пару лет в геометрической про-

грессии. Детектив сменился назойливой рекламой предметов для тела, для кала, для перхоти, для жира, для пениса. Меня чуть не стошнило от этой застыщей глаза телесности.

(((((

Влад теперь всё время спит. Позвонит мне, что вот мол, приходи. Пока я витиевато до Владика добираюсь – глядь, а он заснул. Иду я к Владиду, полумёртвому своему Владиду в его норку, а он там как спящая царевна вечно спит. И у меня нет силы принца- чтоб разбудить эту спящую царевну. Я открываю ключиком двери. Три двери я открываю ключиками, а там стоит узкий диван Владика, зелёное ложе из лжебархата, и на нём лежит вполне розовый сопящий Владик с заострившимся носом, в синем спортивном синтетическом костюме.

Сколько он спит- неизвестно. Он может спать 10 часов, 18 часов, сутки, полтора дня- без всякой системы. Потом он может столько же не спать. Считается, что это последствия отказа от алкоголя.

Но он всегда был таким! Всегда спал как лев в природе. Правда, всё же у него были силы вставать и идти на работу. Теперь сил у него этих уже нет. Львы в природе спят сутками, три часа только в день бодрствуют. Самки-львицы бегают за ланями, а львы просыпаются, отбирают от самок куски добычи, и опять спать. Так и Владик. Львица, кормящая его- это его Мегера Фёдоровна. Лань- это его брат Лёша, который

работает где-то по 10 часов, долго нудно едет на работу на своей машине через весь город, потом обратно, в двухкомнатную квартиру со своей мамой. И небольшие кусочки мама с сыном выделяют маложирному Владу, чтоб он с голода не помер.

Я размышляю, как же Влада всё же пробудить ото сна? Влад приоткрывает свои маленькие, заспанные красные глазки, эти глазки даже злобно из снов сверкают, как бы осмысленно даже. «Ну что это за дела ещё такие! Ну не надо же человека за нос то хватать!» – то есть Влад произносит довольно разумные и адекватные реплики. Можно попасться на удочку и сказать: «Ну, ты же просил! Ты же умолял разбудить тебя в 9 утра! Тебе же, ты сказал, очень-очень надо пойти туда-то и туда то!». Влад на это отвечает уже со смежёнными веками: «Да-да, я знаю, я сейчас проснусь. Ты меня продолжай будить, я сейчас встану». Но не верьте, он не встанет. Влад после таких разумных переговоров сворачивается калачиком, и из его приоткрытого рта, окружённого жёсткой седоватой щетиной, доносится звонкий сладкий храп.

Если опять начать мучить его, выкручивать ему уши, скривлять набок нос, щекотать пятки – можно нарваться не неприятность. Влад приподымает верхнюю часть туловища, ужасно ругается, машет руками и даёт сдачу, метко может лягнуть ногой. Но всё это он делает во сне. Потом, когда он проснётся, он будет бранить вас, что вы его во время, как

он просил, не разбудили. Когда просишь его вспомнить, что вот его будили, он ругался дрался даже, – он смотрит на вас изумлённо и виновато абсолютно ясными чистыми глазами. Он ничего не помнит, ничегошеньки.

Влад не раз засыпал в шнурованных ботинках сидя на диване и с потухшей сигаретой во рту. Засыпал на стуле у компа, уронив голову на клавиатуру. Засыпал у стола с рукой, держащей вилку, на которую насажена смазанная горчицей сарделька. Иногда в таких позах он умудрялся спать по 10 часов, просыпаясь от того, что всё тело затекло и болит... Такой вот богатырский сон у Владика. Или сонная лихорадка. Или ещё что, аномалия какая то. Аномалия чересчур здорового человека, здоровым и единственно правильным образом реагирующего на мерзость и неподатливость мира...

((((((

Когда Влад просыпается- сожрёт сковородку фарша, взбодрится. Думает- надо заняться делом. Тогда он проявляет бешеную энергию, присущую ему.

Влад всё ж пытается порой найти себе работу. То есть по сути это его работа и есть- в попытке найти работу. Я так тоже всю жизнь жила. На самом деле он вовсе не пытается найти работу, он развлекает себя и убивает время. Он отвлекает себя от поисков самого себя, пытаясь прикрыться фиговым листиком цивилизации, потребности в общественном труде. А ему не даётся.

Владик звонит по всяким газетам, справочникам и сайтам и вежливенько так типа узнаёт о том, где, чем и кем можно поработать. Найдя что-нибудь интересненькое, приятненькое, Влад задаёт змеиным мелодичным голосом вострый вопросик: «А сколько вы платите?». В нашей подлой системе на этот вопрос прямо отвечать не любят. Юлят, замалчивают, скромно покрёхтывают, пудрят мозги, отсылают к начальнику или хозяину. Владика на мякине не проведёшь. Он начинает дальше глистообразно всасываться и рушить реальность. Он расписывает свои бриллиантовые и золотые качества как работника, что не соответствует действительности.

Владик ослаб, в нём нет той энергии, задора, той способности делать труд качественно, точно и быстро, какой был раньше. Революционер Влад ослаб и поистрепался в борьбе. Биороботы имеют свойство изнашиваться. Но он ведёт себя так, будто является лучшим рабом-работником на свете. Описав себя как прелестного раба, услышав, как на той стороне провода работодатель пустил слюнку, Владик переходит в наступление: «Меня устроит зарплата в 2000 баксов. На меньшее я не согласен! И деньги вперёд. Мне же надо, прелестному рабу, что-то кушать уже с первого дня моей работы! Аванс же какой-никакой полагается?». Владика возражают: «Но вдруг вы нас обманете, вдруг вы не так хорошо работаете, как описали, о, наш лакомый прелестный раб! Мы должны проверить!».

Суки работодатели! Сколько обманок в Интернете и в газетах «Джоб». Как часто, в 99 процентах из 100 там ищут лотов, чтоб человек сделал работу, а потом ему скажут – плохо работал, иди отсель, не выдержал ты испытательного срока. Так что Владик абсолютно прав. Я поэтому и колдоёблюсь с этим нищим, запущенным обсосом, что он всегда прав. Я и сама к тому же нищий обсосанный запущенный обсос. К тому же у Влада никогда ничего не получается. Всегда в борьбе с системой он проигрывает.

И проигрывает то он оттого, что сам он ленивый, жадный, чванливый, желающий получить от мира больше, чем даёт. Он сам хочет мир нагреть, но так как нежен и тонок где-то в глубине, то у него это не выходит никогда.

И, по сути, он всегда прав. Всегда надо требовать от работодателей именно 2000 баксов – это реальный прожиточный минимум сегодня для полного восстановления твоей рабсилы, чтоб и семью прокормить, и отложить на ипотеку, или на съём жилья, и чтоб на отдых и спорт хватило. Это абсолютно правильная и реальная сумма. И то, что человек без испытательного срока должен получить аванс- это тоже правильно, тест на то, что работодатель- это не обманка. Влад всегда прав и делает то, что надо.

Функция Влада- это задавать вопросы, ставить их ребром, тыкать ими в абсурдную и нелепую реальность, где тьмы и тьмы рабов работают за 10-15 тысяч рублей в месяц, что не даёт им возможности полностью восстанавливать их продан-

ную рабсилу. Влад ненавидит гастарбайтеров за то, что они обесценивают нашу отечественную славянскую рабсилу. И он прав- тысячу раз прав. Если б все миллионы наших тихих послушных рабов стали бы как Владик! Если б все заговорили чванливыми буратиными голосами- «2000 баксов и аванс»! Плюс по 10000 баксов от недр ежемесячно...

((((((((

Таня сказала мне: «Как я ненавижу эти деревья! Выглядываешь в окно – и будто в лесу, тёмно-зелёное всё, пар сырой древесный от деревьев идёт, дух горький от листьев и серёжек всяких!». Я удивилась: «Но ведь это занавешивает вид на барак напротив, на его убогие занавесочки, ты что, хочешь видеть эту безнадежную плоскость стены и эти ровные квадраты окон, и чтоб соседи тарачились на тебя из окон?». Таня сказала: «Здесь жить нельзя! Деревья меня фрустрируют. Свежий воздух меня раздражает. Деревья- это грязь и гадость, это ведь мерзко, когда к тебе что-то живое прикасается, это же антисанитария сплошная! Где жизнь- там микробы, клетки какие-то, растёт что-то, слизь всякая, гниение, паучки, жучки, гадость!».

–Но ведь ты сама биологическое существо. Ты ешь биовещества, у тебя самой бывает слизь и перхотинки, и растут всякие штуки- волосы лезут из всех твоих щелей, ногти, кожа орогеваает, чтобы жить, тебе надо есть растения, рыбу, мясо всякое, труху из злаков. Твои лёгкие должны вдвухать

в себя газ с кислородом, чистый воздух, если будешь ты дышать пылью от ветшающих домов, ороговевшими частицами людей и падалью от их одежд- ты ведь сдохнешь, пыль забьёт твои лёгкие, твою кровь, ведь это дерьмо в больших количествах не переварить биороботу, и человек сначала станет серого цвета, покроется морщинами ранними, а потом загноётся.

– Неа, человек изнутри силён, ему всё по фиг, я вот курю по три пачки в день, комнату не проветриваю, и смотри- какая я вся розовая и свежая, и не болею, и бодрая всегда, работоспособная, по 20 часов могу у компьютера сидеть. Только вот глаза подсели. Кстати, где там очки моей матери, ты не видишь на столе, посмотри – толстые такие, в роговой рыжей оправе!

Я даю Тане очки, они торчат у неё из под бумаги у монитора, но Таня уже ни хрена не видит, она намного моложе меня, ещё 3 года назад она была зоркая, как орлица, нормальная такая она была, а сейчас она слепенькая, она смотрит на меня своими близорукими мутно-голубыми глазёнками, доверчиво распахнутыми мне навстречу, и я знаю, что её доверчивость приятна мне, она видит меня приятно-расплывчатой, розовой, красивой. Наверное, это приятно, видеть всё слегка расплывчатым вблизи, пудру не надо и крем-пудру не надо, кожа людей не раздражает своими рвами и ухабами.

Рядом с монитором стоит могильник с Таниными окурками.

Я ненавижу дым табачный, он мне кажется похожим на запах могилы, что-то такое, типа труха с падалью, тонкий такой аромат гниения, жёсткое такое жестяное гниение чёрное. Дым меня тоже не любит в отместку. Стоит мне зайти в помещение, где курят, как весь дым в меня впитывается, я как губка невинная для развратного дыма. Дым пропитывает всю мою одежду, мои волосы, мою сумку и вещи в ней. Я прихожу домой от курильщиков, сбрасываю свою одежду, иногда плюхаюсь спать в постель в измождённом состоянии. Утром меня потрясает запах могилы от моей чистой девичьей подушки, запах от одежды, запах глубокой могилы, и облачко пепельного глубокого запаха стоит даже вокруг. Я заглядываю в сумку. Боже, даже мои блокнотики провоняли! Они источают запахок чёрного пепла. Такой же вот могилкой пахнет ещё одно вещество- это растворимый кофе Нескафе, кофе для бедных. Я из класса бедных, я подвержена греху кофепития, ничего сделать не могу, Таня вот курит как слон, я пью кофе как слон, мы мелкие самочки, но капаем и капаем ядом и дёгтем себе в нутро. Но дёготь кофе я как-то могу внутрь принимать, а вот всякие дымы мне тошны, я же Эльф, я же Близнец, я же стихия воздуха...

Я ненавижу дым во всех его видах, даже что называется дымок костровый. Костровый дым мне тоже не мил, это слишком едкий и въедливый запах, он сразу бежит в кровь, от чего кровь сначала разжижается и неприятно типа закипает, а потом кровь тяжелеет, да и сам ты тяжелеешь, хочет-

ся помыться и снаружи и внутри, но это не отмывается.

Печной дымок тоже не люблю, он опять же какой-то неправильный, чуждый, тревожный, грязноватый. Не люблю дым от тибетских палочек и всяких там ароматических штук. Дым есть дым, твёрдые частицы. Ещё больше я не люблю дым от машин, мёртвый такой чад, синий такой пёрд, иссушающий органику и покрывающий всё своими останками-слоем сизой мертвенной пыли. Ещё хуже дым заводов и фабрик. Но его уже давно в городе нет, производства умерли, встречается ещё вонь от ТЭЦ – такая сладковатая вонь чуть тошнотворная. Хуже всего дым от помоек. Когда горит пластик, бутылки пластиковые, полиэтилен, обшивка проводов, тряпьё из искусственных тканей. Этот адский чад я улавливаю издалека, по специфическим тонам – всегда будто рыбой гниющей отдаёт. Запах горящего торфяника, пожалуй, самый приемлемый из всех видов дымов. Он горестный и безнадёжный, но абсолютно натуральный, дым торфяника ещё как-то пережить можно...

Удивительно, как люди бесчувственны к запахам. Я обожаю запах цветов, распустившихся роз, лимонных деревьев, лавровых кустов, оливковых рощ, свежескошенной травы, берёз после летнего ливня, сосен, разогретых на солнце, запах лугов, полей, первого снега и даже просто голой свежей земли. Мне нравится запах деревенского навоза, в нём нет ничего отталкивающего, ядрёный признак жизнедеятельности живых существ. Почему бы на задворках сараев и ферм

не пахнуть навозу! Запах сушеного навоза, которым весной посыпают пригородные поля – всё же он чрезмерен. Поля не должны быть такими большими, они не должны находиться так близко у жилых массивов, навоз должен сразу перелопачиваться и покрываться слоем земли, он не должен пахнуть сутками и неделями на земле, значит, тут какая-то технология нарушена.

Запах кошек, крыс и собак в человеческом жилье неприятен и неправилен. Стало быть, в таком жилье звери побеждают, человек ослаблен со своей гигиеной, если человек слабее животного, то ему не следует животных в городе в квартире держать.

Запахи стирального порошка и моющих средств, все эти странные искусственные преувеличенные ароматы «Альпийская свежесть», «Зимний день», «Лимон» и «Зелёное яблоко» – это всё гадость, излишняя искусственная вонь нам ни к чему.

Всякие изысканные парфюмы в бутиках, от тётенок и от дяденок, от шампуней, мыла, гелей всяких – что ж, пусть будут. Капля искусственного в окияне натурального освежает. Но запах немытого тела человеческого мне приятен, люди должны быть пахучими, здоровый пот, здоровая немытая разогретая голова, пышущие здоровьем волосатые подмышки – это же прекрасно. Особенно противоположного пола. Нюхал бы и нюхал. Это же бодрой сияющей цветущей жизнью пахнет, это ж не трупом несёт разлагающимся.

Ужасна вонь зверинцев и зоопарков. Вонь животного страдания и тюрьмы. Ужасна вонь больниц и моргов. Противна вонь сопрелых ног, этакий сверхъестественный сыр. Ноги должны быть чистыми и сухими, а вот подмышкам можно иногда давать свободу самовыражения. Тяжка вонь мочи стариков и вонь грязных задниц бомжей, а также завонявших без тёплой воды кровоточащих девушек. Это за пределами. Также не люблю немых завонявших псов, живущих в городских квартирах. Грустно пахнут плохим, застарелым обменом веществ мало гуляющие на воздухе старики, грустно, но всё же натурально. Нормально пахнут, вызывая сострадание и почтение к седидам. Довольно прохладно отношусь к вони алкашей. Если человек пахнет проспиртовано, стерильно так, то это вызывает насмешку. Если алкаш с отваливающимся разлагающимся ливером – то это гадость. Гадко воняет стухший суп, переокисшая кислая капуста, позабытый с осени кабачок, в один миг превращающийся вдруг по весне в удивительно зловонную жёлтую лужу, в какую-то трупную практически лужу, такую трупную, что где-то она уже и осинной горькой и душистой пахнет, как бы переходя в своё иное.

Можно соглашаться или не соглашаться с моим пониманием запахов. Таня – она вот другая. И Владик другой. У них странные носы. Их объединяет то, что они много, очень много курят. Что-то изменило их биологию в результате. У них умерли тонкие рецепторы в носу. Они совсем не по-

нимают тонких нежных запахов, например, аромат гиацинтов весной, или тонкий набег душистого горошка. Они бесчувственны ко многим тонким натуральным вещам, понюхав воздух с зажмуренными глазами, они не скажут: «Весной пахнет!». Они равнодушны к загазованным улицам города, наполненным мёртвым мрачным свинцовым смогом. Они равнодушны к душным помещениям, к нафталиновым шкапам, к пластиковой вони офисов.

((((((((

Владик часто, часто говорит: « Обожаю синтетику! Нет ничего лучше, чем спортивный костюм из синтетики!». Я спрашиваю:

–Владик, но ты же не спортсмен. Твой спорт состоит в том, что ты лежишь на диване, куришь по пять пачек в день, трёшь своей обмякшей задницей свой дряхлый стул, потом трёшь локти о компьютерный столик, ну и спорт у тебя! При таком спорте можно и во фланельке сидеть.

Влад всё время врёт сам себе. Пропагандирует трубу выхлопную, но не бодр и не здоров, спит слишком много, всё время попадает в больницу по разным поводам. На самом деле он очень хрупкий и еле живой. Говорит о сыром мясе, но жрёт замороженные котлетки, бросает их на сковородку, час держит в духовке, потом ест штук десять. Кричит о пользе овощей и фруктов, но ест всё замороженное, убитое холодом и пропаркой.

Так же врёт и Таня. Она как Владик – да, человек-функция. Она как Владик старается жить абсолютно свободно, работать до изнеможения, падать замертво на тахту тогда, когда глаза слипаются, не спать всю ночь, потом опять не спать. Как и Владик, она иногда вообще не спит неделями, у неё сон нарушен. Потом она просто раз в несколько лет попадает в дурку, подлечивается. Также делает и Владик.

Труд Тани так же странен. Она тоже великий деятель Интернета, но в нём она предпочитает вылавливать информацию, не передавая её дальше. Влад качает и качает, но потом он фасует, перераспределяет, перенаправляет потоки, делает доступным для всех то, что было доступно только ему одному благодаря его бешеной любознательности, проницательности, умению заползть на самые богом забытые и малопосещаемые сайты. Владик качает и качает музыку, ловит и ловит новые звуки, делает их мировым достоянием, всё это абсолютно бесплатно и задарма.

Владика кормит его старушка мать и его брат, потерявший всякую волю к своей жизни. Они проверяют, не сдох ли он, они заходят к нему, убирают его нору от полного гниения и гор зловоняющих хабариков, они забирают его прокуренное, как бы уже самоценно живущее бельё и стирают его, они привозят ему в тазиках, баночках и кастрюльках здоровую, хорошо приготовленную пищу.

Таня тоже кормится не от трудов своих, а как рантье, как сдающая в наём пустую квартиру своей бабушки. Она как

Влад худая, поджарая, тела на ней немного, оно белое и бледное, как резина, ненакаченное, кость работает в Тане хорошо, ей мяско и жир не мешают, но тело у неё как и Влада – не крепкое, не твёрдое, скорее какое-то резиновое. Отвисать нечему, так как лишнего нет, но худоба эта не спортивная, не выстроенная.

(((((((

Таня, как и Влад, любит говорить о мясе. Она не показывает свои клычки, хотя, как и у Влада, зубы у неё сплошные, крепкие, серые от никотинового налёта, но без кариеса, она не ест булки и сладости, она сгоняет калории выжигающим излишества никотином. Таня утверждает, что ради мяса готова на всё, но в её рационе мяса почти нет.

Я не верила Таниной любви к мясу, пока не увидела своими глазами, как она влюбилась в одноклассника-мясника. Это была чудовищная любовь. Таня рассказывала мне с горящими глазами о том, как этот вот мясник, сын университетских учёных-профессоров, пошёл в мясной отдел, как он красив в белом халате, как он рубит мясо огромным топором. Где сейчас Таня, где сейчас её мясник? Мясников в магазинах уже давно нет, мясники остались на рынках, в магазинах продаётся кем-то за кулисами нарубленная иностранная говядина, её, наверное, размораживают и рубят, а потом замораживают, или чудовищными ударами рубят прямо со льдом, в замороженном виде.

Но тогда, в 90-х, мясо ещё рубили, Таня заворуженными глазами застоявшегося на клеточном уровне голода смотрела на действия одноклассника. Молодой мужчина не болтал языком бла-бла-бла, он не убалтывал девушку, он не распускал перед ней павлиний хвост своей образованности, многознайства, умения оперировать словами и понятиями, он просто совершал физические, прослеживаемые глазами действия. Его бицепсы и трицепсы под футболкой напрягались, глазомер глаз обострялся, топором нужно было наносить точные тонкие удары, с миллиметровой точностью попадания. Миллиметр в сторону- и можно оттяпать родной палец или попасть себе по коленке, сделав из неё рагу. Таню это завораживало, она всеми правдами и неправдами хотела привлечь к себе внимание этого удивительного самца, но было уже поздно, он был уже женат.

Таня мяса не ела при всей любви к нему, она ела дешёвые шпикачки и запредельно дешёвые подозрительные сардельки для бедных. Они были сделаны непонятно из чего, стоили какие-то гроши, ниже которых цен не бывает, Таня их покупала и ела. Однажды она от них чуть не умерла. «Раком мне встали те шпикачки», – так сказала Таня охая, когда её биоробот восстановился. Её любимая присказка была: «Она поела на ночь колбасы и тем была негодна Богу».

Зачем врать себе, так беззаветно любить мясо и питаться его самым жалким суррогатом, ароматом его, да и то искусственным. Сколько там мяса, в тех искусственно-бодро-ро-

зовых шпикачках, а? Влад тоже лгун, он тоже прославляет мясо, но ест дешёвые котлетки. Хищники, блин, тоже мне нашлись.

((((((((

Бывает такое состояние природы. Серое такое, гадкое. Никакое. Даже бывает, что капли солнца проклёвываются. Но не радостно. Такое ощущение, что серые бесы повылазали из щелей, что они закрыли какой-то серой завесой весь мир. Пасмурненько так. И каким то inferнальным холодком попахивает. Как-то так мерзлотно. Мерзостно. И даже не понять, какой сезон на улице. Вроде как голова болит, а вроде не болит. Вроде как горло начинает болеть. Члены зябнут. Ватно так как-то. Никак. И такая тоска под сердцем. Такая пустота. Пустотность мира приоткрылась, и сосёт, сосёт твою энергию. Ты как бездушная кукла. Именно как бездушная душная выпотрошенная кукла. Ты маешься. Дела не идут. В голове мысли не рождаются. Нет сладостного пения в горле. Нет планов, нет щекотки внутри. Всё кажется одинаково тусклым и бессмысленным. Нет пространства впереди. Нет воли. И эта мерзлота, сосущая сердце. Она даже не физическая какая-то, она какая-то потусторонняя, эта мерзлотно-присыпка. Я понимаю, что где-то надо качать энергию, где-то найти дырочку. Но нигде её нет. Может где-то и есть теплота, но ты не знаешь, где она. Я думала это оттого, что ось земли сместилась, тогда, когда было наводнение в Ма-

лайзии. Тогда будто бы силы зла стали преобладать в мире. Пустотность человечества увеличилась. Тепла в его сердцах поубавилось. Бесы туда повлазали. Зла стало больше. С тех пор бывают такие дни, и летом бывают, и зимой, и весной. Совершенно пустые серые и мерзлотные дни, и даже птицы поют, будто в декорации, или вообще молчат как под одеялом.

Я помню себя в юности. Как тогда мучила меня убийственно эта пустота, эта серость, сосущая под ложечкой, эта потухшая подруга, молчащая и сонная, и не пробудить её от сна, да и не надо это делать, ей будто неприятно это, она, более гармоничная, чем я, она как-то, как птица впадала в оцепенение, она знала, что надо перетерпеть это. Что бороться с этим нельзя, всё равно не выйдет, надо дать побыть костру потухшим и охладелым, надо давать пустоте погулять. А я тормозила её, пыталась веселить. Только злила.

Потом с другом моим в один такой мерзлотный день мы поехали на залив. Он был в мучительном нуле. Он, и так вечно с пониженной температурой души, и так опустошённый, с вынутым огнём, он в тот день был как биоробот. Меня же залив оживил, я щебетала, щебетала. Он молчал, молчал, щёки его наливались, наливались серой краской. Губы были белы, глаза как бы побледнели. Он вдруг издал звук, типа тихого взвизга боли. Я поняла, на каких дальних полюсах мы находимся. Залив оживил меня, но его совсем подавил и раздавил. Он потом признался мне, что ненавидел меня, что я вы-

зывала в нём злобу. Если бы в его пустоте было побольше безумия, может он немотивированно, маньякально удушил бы меня, как в фильме ужасов. Он просто разлюбил меня тогда, или в тот день в его глаза попал холод снежной королевы, и потом этот вирус льда дал всходы, он уже больше не любил меня.

Да, да, да... Этот зев мерзлотный надо претерпеть, спрятаться, не противиться ему, всё равно бесполезно. Сейчас весна. Может это мать земля готовится к родам трав и зелени, и ей нужны силы, чтоб рожать, и она затаилась, она притаилась, в ней таинство идёт, а мы, людишки, своим ржанием, весельем, остроумием, талантливими вскриками и выплесками, мы мешаем ей, и бесенята серую пелену и весенние вирусы вывешивают, чтоб все особенно вредные назойливые приболели, чтоб свербило в носу, чтоб харкалось и кашлялось. Надо спать. Надо спать. Бороться не надо.

(((

Я проснулась утром в 6 утра. Ночью мне что-то снилось, снилось. Когда я проснулась, у меня в голове был абсолютно сложившийся и выстроившийся план мюзикла, в котором все поют и танцуют. И главный герой- с внешностью Владика, и зовут его Сольнес. Я открыла свой ноутбук и быстро всё записала. Получилось вот что.

Предводитель Маскаронов

Мюзикл

1 сцена.

Заседание чиновников в городском совете. Они похожи на хрюшек, склонившихся и похрюкивающих над корытом. Обсуждаются проекты реконструкции центра города.

На сцене выставлено несколько проектов, крупные фотографии старинных зданий и макеты того, что хотят построить. У каждого проекта- кучка чиновников, бизнесменов, архитектурных менеджеров. Чего они хотят? Понятно чего- бабла в карман. А для этого надо всё сносить и вырубить все деревья. Это ж статья дохода!

Чиновница Георгинова потирает руки, ей даёт взятку архитектор Бакс. Бакс поёт: «Новые дома, лоснитесь, лоснитесь! Старые дома- в землю валитесь. Пластик хорош- стоит дёшево, а выглядит модно. Главное денег содрать побольше и плевать на историю и жизнь народную!».

Вторая кучка чиновников склонилась над вторым проектом. Это проект вырубки старинного сада у дворца с пышным скульптурным убранством в центре города. Слышны слова: «Вырубить! Вырубить!». Чиновнику Нарциссову даёт взятку озеленитель Синюхянц. Синюхянц поёт: «Чем больше я вырублю дубов и тополей, тем моему карману станет теплей. Ай-нана! Ай-нана! Мне плевать, что в городе нечем дышать, в городе не надо людям жить, а надо деньги в банках считать!».

Третья кучка у проекта небоскрёба- офиса фирмы ГАЗ-

СТАЛЬНЕФТЕПОЛОНИЙ. На панно- целый квартал старинных домов. Нарциссов и Георгинова пожимают руку олигарху Газошвили. Участь зданий решена. «Всё сносить! Всё вырубать! Тут будет наш небоскрёб! Мы сможем миллиарды взять!». Целая линия маскаронов на фотопанно вдруг оживает и поворачивает головы в сторону Газошвили, громко произнёсшего эту фразу.

Четвёртая кучка у проекта старых зданий, подлежащих реставрации. Там трётся прораб Злыбень, он потирает руки от удовольствия. Злыбень поёт: «А это большие деньги! Реставрация- это яма. Это яма для государственных денег. Реставрация –круче чем реклама. Никто никогда не подсчитает, сколько я вылил краски. Никто никогда не подсчитает, каким дерьмом я скульптурам смазал глазки! Ха-ха-ха!!!». Скульптура на панно ожила и делает рывок, словно пытаюсь выскочить из здания.

Нарциссов, Георгинова, Бакс, Синюхянц, Злыбень ничего не видят, радостно на калькуляторах подсчитывают свои личные доходы... Нарциссов и Георгинова поют: «Мы так любим город родной. Город родной над Невой. Зачем ему эти развалюхи. Они гламуру оплеухи. Пусть лоснятся в пластике гладкие дома-фаллосы. Это олицетворение нашей потенции. И нашей с тобой (обращаются друг к другу) шалости. Хи-хи-хи!». Газошвили поёт: «Я самый крутой в этой стране. Я достиг заоблачных высот. Мой папа пас барашкев в горах на коне. А я руководитель мировых цен и квот. И у

меня будет офис выше всех -прямо в центре этой болотной развалины. Если надо я снесу Эрмитаж. И буду курить на его камнях как на завалинке!».

Архитектор Глинкин одиноко бегаёт от толпы к толпе, он пытается доказать культурную и историческую ценность старых зданий. Офис ГАЗСТАЛЬНЕФТЕПОЛОНИЯ можно построить в спальном районе города- там это здание станет доминантой, а в центре города оно испортит исторически сложившийся пейзаж, являющийся лицом города, привлекающий туристов. Глинкин поёт:

«Я не понимаю, в чём причина.

Почему всем наплевать на историю.

Выйди из исторического центра-
там красоты кончина.

Там бесконечное поле для творчества
и новых красивых построек.

Я хочу, чтобы в городе был стержень,
связующий века в одно целое.

Без истории мы превратимся в быдло,
а город- в пустыню Сахару серую и белую».

В коридоре стоит в очереди народ. Они поют песню жалобщиков. Это учителя, врачи, у которых ужасные жилищные условия, маленькие зарплаты. Они просят город отремонтировать их дома, построить для них новые квартиры. Но деньги города пойдут на строительство здания ГАЗСТАЛЬНЕФТЕПОЛОНИЯ.

2 сцена.

По городу идёт пенсионер Моромоев и поёт: «Я иду по Петербургу, каблуки ломаю. Как то гадко всё повсюду. Я мэра Ширько презираю».

Архитектор Глинкин встречается у старого Дома с маскаронами с журналисткой Настей, они хотят написать статью в газету о готовящемся сносе дома.

Соседний дом в лесах. Там ведут «реставрационные» работы гастарбайтеры из фирмы прораба Злыбня. Строитель Сольнес ругается с гастарбайтерами из-за того, что они нарушают технологии. Сольнес очень хорошо отреставрировал старинный маскарон какого-то бога, маскарон как живой смотрит на Сольнеса. Сольнес ругается с рабочими, плюёт на них, спрыгивает с лесов, и идёт в гневе по улице мимо Насти и Глинкина.

На Сольнеса наскакивает милицейская машина. Она должна была остановиться на красный свет, но не остановилась. Сольнес пинает машину ногами. Из неё выходят менты.

Милиционер Сусликов поёт: «Как ты смел козёл вонючий, ты возомнил что ты круче тучи!». —«Это вы сами нарушили законы!». -«Будешь орать, окажешься на зоне!». Сольнес громко возмущается: «Я не просто буду орать. Я сейчас буду вас своей рогаткой драть! Достану рогатку и перебью все стёкла в вашей машине вот этими свинцовыми шариками! И

вы тогда захлебнётесь стёклами, как старая жаба комариками!» (Он достаёт из рабочих штанов фантастическую рогатку и целится свинцовым шариком в стёкла машины). Милиционер Сусликов поёт: «Да он просто сумасшедший! Ну его в баню! Поехали!».

Сольнес ругается, выходит на мостовую, вкривь и вкось выстеленную плиткой недобросовестными гастарбайтерами. Следом за ним идёт Моромоев, падает и ломает себе руку. К Моромоеву на помощь подбегают Настя, Глинкин, Сольнес... Они отправляют Моромоева в больницу, а сами меняются телефонами, чтобы потом вместе проследить лечение Моромоева. Сольнес дотрагивается до руки Насти и между ними вспыхивает любовь. Маскарон-дитя, похожий на Эрота, улыбается и подмигивает.

3 сцена

Настя идёт домой по своему району Купчино. Интеллигенты с авоськами роются в помойке, ими руководит пенсионер Моромоев в гипсе. У метро к Насте подходят подростки, пытаются украсть мобильник. Из-за дома к ней подходит лицо восточной национальности, пытается продать ей наркотики. На ступенях детского сада матерится пьяная молодёжь с бутылками пива в руках. Мимо идут и орут «Монолит чемпион!» фанаты «Монолита».

Мимо проезжает джип. В нём олигарх Газошвили. Настя бежит, а её преследует какой-то нетрезвый человек. Шофёр и охранник Вася, прислуживающий олигарху Газошвили, предлагает Насте спасение в машине. Газошвили узнаёт, что Настя- журналистка, что она должна писать статью для Глинкина в газету. Газошвили прикидывается покровителем искусства. Он предлагает Насте заказ- сделать фотоколлекцию маскарон, чтобы потом издать альбом. Между ними идёт спор о богатстве и бедности.

Газошвили: «Я сильный, я всех обхитрил. У меня сильная воля, как у гамадрил!».

Настя: «Это общество несправедливо. За один и тот же труд разные деньги дают. Вы зря презираете бедных, тех, кто не смог быть жестоким и вредным».

Газошвили: «Бедный- это глупый ленивый идиот».

Настя: «Не может быть идиотом целый народ! Если вымрут миллионы бедняков в нашей стране, тогда вам олигархам возвышаться над кем?».

Газошвили: «Всё равно над кем возвышаться, плевать на национальность баранов, которых я буду стричь. Главное- заоблачных высот в бизнесе достичь. Уничтожить всех конкурентов. Стать монополистом всех сфер. Управлять движением биороботов и денежных сфер. Деньги- вот властелин мира, а людишки –это средство и мыло»

Настя: « Вы уничтожите всю планету, ради презренного богатства монетного!»

4 сцена.

Настя и Глинкин в гостях у Сольнеса. Они рассматривают лица маскаронов, которые сфотографировала Настя.

Неожиданно маскарены оживают, ужасные и зловещие. Они выходят из компьютера, поют: «Из цифры мы станем живыми. Живыми и злыми. Вы люди нас сделали из своей живой красоты. Из своего живого ужаса. Из смеха и простоты. А теперь вы хотите нас умертвить. Второй смерти не быть. Мы будем всему живому жестоко беспощадно мстить!».

Они вылетают, ужасные и зловещие, ураганы несутся над городом, падают рекламные щиты, наводнение опасно вздымается.

Настя, Глинкин, Сольнес: «Как вас успокоить? Как вас умиротворить?». Маскарены: «Снос старинных домов тревожил наш покой. Мы лицо этого города, нас нельзя вымести метлой. Нельзя города лишать их лиц, нельзя всех земель под капитал положить ниц, нельзя нивелировать культуры и нации, нельзя весь мир сделать однообразным. Это мировая провокация! Это приведёт к войнам и катастрофам. Люди разные, их культуры разные, их истории- разные»

Сольнес поёт: «Я Сольнес –скульптор и строитель. Я строю, реставрирую и заставляю светиться. Я создаю тепло в мёртвом камне. Я из камня ваяю живые лица! Я делаю так,

чтобы был в уюте и богат, и бедняк. Сольнес живёт в любом мужчине, любой мужчина может быть силён в строительном почине. Сколько мужчин- столько домов. Архитекторы нам помогут, тем, кто к фантазии не готов».

Глинкин поёт: «Я архитектор Глинкин. Я рисую картинки. Но для воплощения замысла нужны строители. Я и Сольнес- мы сделаем город красивым для жителей! Но нужно, чтобы кто-то остановил капитала провокации, чтобы кто-то остановил уничтожителей исторической памяти нации».

Маскароны: «Мы знаем, кто остановит! Сольнес, который крепок, честен и не поддаётся провокациям. Ты, Сольнес, будешь нашим предводителем. Мы будем мстить нашим вредителям. Мы город от бездушной перестройки и сноса спасём. Кругом столько невозделанной земли! Столько мертворожденных коробок-зданий. Если настоящий архитектор ты- то строй на новой земле, а не на руинах исторических знаний! Ты, Сольнес, поможешь нам перестать быть злыми. Мы вышли из-под заморозки, мы будем мстителями слепыми. Но ты станешь царём, поможешь нам направить в верную сторону наш гнев. Это спасёт невинных, спасёт нас всех».

Маскароны послушно влетают в ноутбук Сольнеса, теперь они его слушаются. Ураганы прекращается.

Маскароны кружатся вокруг Сольнеса, Глинкина и Насти, вместе они спускаются к Неве, там Сольнес совершает ритуальное омовение. Каждое омовение будет давать силы маскаронам оживать и летать по городу. Маскароны вручают

Сольнесу жезл повелителя. «Деньги, власть, архитектор! Но умный со вкусом строитель- наш вектор. Каждый человек должен построить свой дом, неповторимый мир отразить в нём! Земли много, пусть каждый построит свой дом! Деньги, власть, архитектор- пусть сольются в каждом жителе. Пусть каждый мужчина станет строителем, своего дома, нации, рода, семьи учредителем».

5 сцена

Олигарх Газошвили, чиновники Нарциссов и Георгинова, Бакс, Синюхянц, Злыдень празднуют в бане-люкс принятие проекта «развития» центра города. В бассейне из шоколада, изображающего нефть, плавают олигархи. Там же плавают прислуживающие олигархам политики, военная верхушка, телеведущие, певицы, детективщицы, оглупляющие народ. Воду бассейна газирует Газпром.

Садомазохист, бывший профессор физики по кличке Вампир работает в бане истопником. Туда приезжает Настя. Газошвили пытается очаровать Настю, чтобы она не писала статью о взятках. Охранник Газошвили Вася пытается изнасиловать Настю в подсобке, опьянённый атмосферой вседозволенности. Глядящий в окно маскарон гипнотизирует Васю и тот падает на раскаленную конфорку. Вася выбегает из бани с обожженным задом, начинается пожар. Маскароны смотрят строго на собравшихся правителей и сильных мира сего. Всё горит под тяжкими взглядами маскаронов.

К Газошвили подходит Вампир и пытается его вовлечь в садомазохистскую оргию. Он начинает стегать олигарха, привязав его к батарее. Вампиру помогают полуразрушенные маскароны. Потом вместо олигарха оказывается прораб Злыбень, чиновники и т.д.. Уже непонятно, кто кого стегает, царит садомазо. «Хлыщем, хлыщем! Хлыщемся, хлыщем-

ся. Нам не хватало остроты ощущений. Теперь вот горит от восторга наш нищий зад. К чертям гламурные развлечения, секс, алкоголь и радость от денег. Боль от кнута- мы визжим как стая канареек! Вот это да!». «Такой неожиданный кайф. Острота ощущений. Вампир, выстегай меня! Я давно не испытываю к жизни вождения!».

6 сцена.

Сольнес с ноутбуком ходит по городу. Из него вылетают маскароны и мстят своим врагам. Маскароны летят по городу и распугивают гастарбайтеров, совершающих некачественную реставрацию и опасное строительство.

Они являются к чиновникам. Взяточные деньги Нарцисова и Георгиновой, которые они мечтали положить в Швейцарский банк, уносят дети-маскароны.

Озеленителя Синюхянца, который вырубил множество деревьев ради своей наживы, маскароны-друиды запирают в пластиковый сосуд, туда подводят трубы и заставляют его дышать из выхлопных труб, воздухом с Невского проспекта, с загазованных улиц города. Синюхянец синееет на глазах. С маскаронами пытаются сражаться милиционеры, некоторые маскароны гибнут, гибнут и менты.

Олигарха Газошвили мужчины-маскароны уводят в Купчино, на пустырь, где можно было бы построить небоскрёб ГАЗСТАЛЬНЕФТЕПОЛОНИЯ. Они его превращают в статую, которую мучают местные гопники, наркодельцы и пьющая пиво молодёжь, которой некуда пойти. «Ура! Ура! Это наш дядя-культура! Домов культуры нет, так из этого дяди сделаем себе клавиатуру! Ура! Ура!» и т.д.

Реставратора Злыдня увлекают женщины-маскароны. Они его превращают в маскарон, который реставрирует

непрофессиональный рабочий. Они грубо разглаживает ему морщины на лице, натягивает нос, лопаткой на лицо кидает вонючие мази и смеси.

Архитектора Бакса маскароны-животные загоняют в пластиковую бутылку, очень похожую на лакированные небоскрёбы последнего поколения, и он там скользит внутри.

Все люди, подвергшиеся нападению маскаронов, попадают в дурдом.

Сольнес идёт на Неву совершать ритуальное омовение в воде под Литейным мостом. Когда он зашёл в воду по пояс, к нему вдруг прицепляется милиционер Сусликов. Сольнес ускальзывает от милиционера по проруби, милиционер роняет в воду жезл. Сольнес роняет в воду скипетр повелевающий маскаронами. Милиционер Сусликов поёт: «Горе мне, горе. Я потерял казённое имущество. Не быть мне подполковником». «А я теряю своё могущество, не совершив свой ритуал», – поёт Сольнес, у которого в этот миг его скипетр уходит на дно. Сольнес теряет силу и его увозят в дурдом. Заодно увозят туда же и Сусликова.

7 сцена

Дурдом переполнен. Олигарх Газошвили, озеленитель Синюхянц, чиновники Нарциссов и Георгинова, архитектор Бакс- все в дурдоме в соответствующих костюмах. Каждый поёт о своей встрече с маскаронами. Их внимательно выслушивает врач Ольга. Некоторые плачут. Всем вкалывают успокаивающие уколы, и отпускают по домам.

После укола Сольнес теряет волю, он рассказывает о силе маскаронов, выпущенных из ноутбука и о том, что магический жезл Предводителя маскаронов утонул, что его надо достать, кто достанет- тот станет предводителем маскаронов..

Милиционер Сусликов подслушивает признание Сольнеса и всё рассказывает Газошвили. Газошвили предлагает убить Сольнеса.

Из дверей дурдома выходит Сольнес, на выходе Сольнесу суют в руки заминированный ноутбук.

8 сцена

В городе хаос и следы разрушений на строительных площадках.

Испуганные Нарциссов и Георгинова отдали приказ о приостановлении перестройки города « в связи с действиями банды террористов, одетых под каменные статуи». «Что нам делать? Как нам быть? Надо банду маскаронов усмирить! Пока сделаем вид, что прислушались к голосу общественности. Приостановим нашу деятельность, которую обещали провести инвесторам. А то, что мы от них получили-упрятано далеко, за морями. Сделаем то, что обещали, потом, когда маскароны будут у нас под каблуками. Всё равно мы город разовьём- настроим пластиковых коробочек, которые быстро ломаются. После их слома инвестор опять к нам придёт на поклон. Так деньги кое у кого никогда не кончатся!». «И побольше экранов- реклам, этих дыр, куда как в бездну падают деньги. Заставим весь город экранами, и каждый экран- как бьющий деньгами фонтан, и все это будет литься в наши карманы!».

9 сцена

На набережной Невы Сусликов, весь мокрый и довольный, передаёт Газошвили жезл Сольнеса, который ему удалось выловить. Вокруг машины Газошвили толпа чиновников, архитекторов, прорабов и т.д.– всё та же компания. Все вокруг выстраиваются как при инаугурации. Газошвили кричит: «Теперь я –Предводитель маскаронов! Я покорю весь мир! И буду курить на завалинке!». Он хохочет так страшно, что все трепещут.

Врачиха Ольга с сомнением и вниманием смотрит на него...

Отовсюду появляется строительная техника. Повсюду сносят дома и вырубают деревья.

У Сольнеса в руках ноутбук, в нём фотографии маскаронов, они злобно стучатся и просятся наружу. Настя, Глинкин, Сольнес, Ольга и народ-плакальщик поют- «Гибель нам всем! Гибель городу! Гибель деревьям! Гибель истории! Гибель стране! Ужас!»

Тут Моромоев просыпается, он из помойки достаёт старый полуразрушенный маскарон, тот оживает, выхватывает их рук Газошвили скипетр и передаёт его Сольнесу.

Сольнес крепнет на глазах, он указывает скипетром на карту страны. Он кричит: «Летите туда, там будет построен новый город, где все мы будем счастливы!». Маскароны вы-

летают отовсюду- из взрывающихся домов, из воздуха и летят туда, куда указал Сольнес. Чиновники, телевизионщики, писательницы, народ-плакальщик, все персонажи не знают, что делать, они в растерянности, милиционеры пытаются ловить на лету маскаронов.

В этот миг раздаётся щелчок- это должно сработать взрывное устройство в ноутбуке... Взрыв покрывает дымом всю сцену.

Нет, не так! Должно всё кончиться позитивно! Никаких взрывов! Я чешу ногтём маковку свою, чтобы вызвать прилив энергии к куполу своему черепному. Ура! Я придумала, каким будет финал моего роскошного мюзикла, который непременно будут ставить в Большом, а музыку, пожалуй, напишет сам Леонид Десятников! Или Борис Тищенко! А может быть и Кшиштоф Пендерецкий... Хотя, нет, лучше Десятников...

9 сцена

В Купчино выстроен небоскрёб ГАЗСТАЛЬНЕФТЕПО-
ЛОНИЙ. Первые этажи небоскрёба- это дом дружбы наций
и культур. Вокруг чистые дорожки и деревья. Дорожки метёт
в чистом переднике дворник Моромоев. Из здания выходит
физик Вампир, он опять работает профессором. Мимо про-
ходит бывшая пьющая пиво молодёжь- все они в спортивных
костюмах идут на стадион заниматься спортом. Бывшие нар-
кодиллеры танцуют лезгинку на летней сцене парка. Бывшие
гастробайтеры поют на сцене свои национальные песни. На
стенде газета: Злыдень, Георгинова, Газошвили, Синюхянци
и Нарциссов в розыске, их космические многомиллиардные
счета переведены в казну государства.

Купчино превратилось в очень красивый район с разнооб-
разными разноцветными зданиями с прихотливыми мансар-
дами, с висячими садами и вертикальным озеленением, всю-
ду идёт строительство и озеленение, дети сажают цветы, ста-
рики сажают деревья. Идёт куда-то архитектор Глинкин, по
пути наталкивается на архитектора Бакса, они злобно смот-
рят друг на друга, потом дают друг другу руки.

В центре города- панорама Невы, привычный открыточ-
ный вид, восстановлены здания прошлых веков, набережные
и Невский стали пешеходными зонами.

На карте, на месте, куда указывал Сольнес, проступает

чудесный новый малоэтажный город с интересной разнообразной человеческой архитектурой закруглённых форм, настоящий город- сад среди лесов и полей. По полям ползают тракторы, на лугах пасутся коровы.

(((((((

Я сказала Вспышкину, что домик в деревне свой хочу. И он воскликнул: «Так приезжай в мою деревеньку. Ох, такая деревенька! Как раз, какую и любишь- тишина полная. Деревня мёртвая, ни души. В одном домике я летом живу с семьёй, ещё в одном домике – сосед. Больше никого. 7 домов- все пустые стоят. Покупай любой и живи. И река. И луга. И лес густой. Выйдешь на берег и крикнешь громко: «Эхо!!!». А оно тебе отвечает многократно: «Эхо! Эхо! Эхо!». «Ой, я хочу в такую деревеньку! Ох, как я хочу в такую деревеньку!». «Коли хочешь, так завтра едем! Встречаемся в 6.30 на вокзале.».

Ехали мы сначала на электричке, потом в поезде, потом на дизеле, потом на тряском деревенском антикварном автобусе округлых форм. По полям и лугам вокруг плясали аисты. В одном месте я насчитала 5 штук- мама аист, папа аист и трое детей размером с родителей. Потом нужно было идти 3 километра пешком в сторону от проезжей тупиковой грунтовой дороги. Компания наша состояла из 4 человек. Вспышкин с внучкой и я с Юрой. Во время перепрыгиваний из поезда в поезд мы помогали семейству Вспышкиных перено-

сидеть вещи. Небольшие с виду рюкзачки и котомки Вспышкина были неподъёмны, что он туда положил - непонятно, скорее всего гвоздей. Мне достался Вспышкинский кот, тихий, но весьма упитанный. И вот мы пошли по размазанной колдобистой дороге во леса, угружённые как баржи. Тут ещё и погромыхивать стало, и всё это погромыхивание с белыми хилыми молнийками перешло в жуткий ливень. Ноги расползались в разные стороны, Юра кряхтел под самой маленькой Вспышкинской котомкой, у меня в руке бился толстый кот в сумке. Сам Вспышкин шёл вперёд как слон и нёс на себе вес раза в два больше, чем он сам.

Перелезли через одну ограду, опасливо глядя на коровнет ли среди них быка, потом перелезли через вторую ограду. Дальше пучился в гору бесконечный луг, Вспышкин прокладывал тропу среди вековых трав, мы старались идти за ним, но колдобины мешали, то и дело ноги по колено уходили в какие то рытвины, то ли от копыт коров, то ли от кабаньих игрищ. Луг спускался к ручью. Какой-то добрый человек, впоследствии оказалось – Валентин, сосед Вспышкина по деревеньке, сделал сходни - набил на доску маленьких брусков в шаг человека, положил доски вниз и вверх от ручья. Иначе мы скатились бы по жидкой глине в воду, по пути пару раз стукнувшись о гигантские стволы осин, заваленных бурей поперёк тропинки. Ручей оказался широкой рекой, из которой торчали стволы мёртвых деревьев. Мост представлял собой длинные шаткие мостки в три доски шириной. За-

то кончился дождь, и выглянуло солнце.

Когда мы вылезли из зарослей наверх, то опять попали в некошеные луга с вековыми травами выше пояса. Великая радость- на вершине холма виднелись крыши деревенских домов. Вспышкин опять пошёл вперёд тяжёлым протаптывателем, мы за ним как бригада асфальтоукладчиков. Когда вошли в деревню, то ничего не изменилось- те же великие травы, и из трав и кустов торчат крыши крепких изб, в основном дырявые крыши. И верхушки окошечек торчат, с занавесочками. Некрофильский сюжет для Юфита. После пройденных шести хаток ждала радость- обжитой дом Валентина с выкошенной вокруг зелёной лужайкой. Валентин лежал на бревне и качал пресс при помощи современной хайтековской штанги. Его сынишка в модных шортах лазал по канату, подвешенному к берёзе. Мы радостно пообщались.

Двери домика Вспышкина были напрочь укутаны злым репьем и ужасной крапивой. Половицы за зиму повело набок, в печи проступила трещина. Древние буфеты и вспученные оттоманки носили следы мышиных радостей. Вечерело и темнело, мы вымокли до плеч от мокрых трав, продрогли и осовели, потеряли волю и обмякли. Вспышкин распалил печь и пошёл на родник за водой. Долго не возвращался – родник за зиму занесло песком и воды было мало. Сварили склизкие макароны в древней оловянной кастрюльке с помятыми боками, нажарили их с сыром в дряхлой сковородке. Слава святым, в доме был баллон с остатками газа, и ис-

правно работало электричество. В изнеможении прилегли на древние железные кровати с шашечками, изъеденными кружавчиками понизу и какими-то гигантскими нагромождениями сверху. Это были то ли перины 19 века, то ли ватные одеяла, впитавшие в себя трудовой пот и раздумья нескольких ушедших под землю поколений сельских сидельцев. Брезгливый Юра замертво упал на древнее покрывало, а потом рефлекторно влез под ватное одеяло в сером пододеяльнике. При его зарывающихся движениях с одеял посыпались брызги мышиных катышков, а на подушке вдруг явственно стала видна огромная птичья пометка. Такой большой белый плевок не могла сделать случайно залетевшая синичка. Мы присмотрелись. На лампах, столе и кроватях явно зимовала большая сова, может и с совятами. Всюду был совиный помёт и пёрышки. Мы обыскали всю избу, сову не нашли, решили, что она прилетала в трубу и в трубу и вылетела.

Так зверски хотелось спать в тепле, что мышинные катышки повсюду не вызывали ни малейших эмоций. Скорее глубокие эмоции вызывала изысканно пахнувшая пыль позапрошлого века, которая источалась от дряхлых крестьянских постелей и шкафов, кружавчиков и занавесочек. Мы с Юрой легкомысленно приехали в шортах, босоножках и футболках, других вещей с собой не взяли. Несмотря на печь, хотелось укутаться. Вспышкин торжественно выдал нам амуницию- проковыренные треники 1950-х годов, секунд-хэндвский добротный нерусский свитер, растянутые чьими то вы-

росшими ногами чулочного цвета х-б носки. Всё это с радостью было надето на наши городские зябнувшие тушки. Мы тёрлась у печки, котик от ужаса залез в невидимую щель, и никакой китикет не мог его оттуда выманить. Мы погрузились в глубокий и тяжкий сон. Перед сном Юра заметил на потолке здоровенный крюк и свисавшую с него цепь. Я тут же догадалась, для чего это – вовсе не для садомазохистских игр. Тут висела люлька. Какая-нибудь дебелая сталинская колхозница лежала на пышной горбатой кровати у коврика с розами и оленями и покачивала белой толстой рукой люлечку, свисавшую тут же под боком у неё... Ребёночек из той люлечки уже вырос, состарился и, возможно, умер от последствий беспробудного деревенского алкоголизма. В лучшем случае он живёт сейчас в городе и ездит летом на Мшинскую, выращивать в парничке помидорчики и укроп.

За полуистлевшими ковриками, на которых были изображены грубые и безумно мечтательные розы, а также в изобилии любовные семейные трио оленей в разных позах, вдруг обнаружилась всё более возрастающая жизнь. Мыши бегали между брёвнами и облезлыми искусанными обоями как кони. Очевидно, прямо надо мной пролегал какой-то мышиный Бродвей. Мыши выскакивали в невидимых тоннелях над дверью и резво проносились у меня над боком, выныривая где-то прямо над головой. В какой-то момент мне надоело прятать голову от мышиных прыжков под одеяло, я окончательно проснулась и стала нежно и призывно вызы-

вать котика Кешу. Кеша где-то под кроватью трусливо поджав хвост тихо сходил с ума. На вторую ночь к его чести инстинкты в нём всё ж проснулись. В какой-то миг, когда особо наглая жирная мышь прыгнула прямо мне на плечо, а оттуда на стул, где лежал мой фотоаппарат, кот не выдержал и тоже прыгнул на стул. После этого всю ночь мыши выпрыгивали из щели на моё одеяло а оттуда на стул, а кот прыгал за ними и что-то с ними делал. Я не думаю, что он их ел.

Утром первого дня, после простого завтрака из овсянки, Вспышкин надел порты с заплатами, подпоясался бечевой, взял косу и пошёл выкашивать растительное безобразие вокруг избы. Потом он прокосил дорогу к реке, мы же протоптали в камышах путь к глубокой воде, и стали плавать. К нам в воды вошёл Вспышкин в стрингах и тоже долго плавал. Иногда над головой как птеродактили проносились чудовищных размеров аисты.

Окрепнув духом и телом, мы совершили тяжкую прогулку по деревне, прокладывая во травах дорожки и тропы. Правда, кроме нас дорожки иногда уже кто-то проложил- в некоторых яблочных местах это были кабаны, в иных- лисы. Среди зимних срубов попадались дома, в которых можно ещё было жить- с крепкими крышами, сараями, с утварью. Всюду умиляли кружевные занавесочки в окнах, которые лет 10-20 назад отдёргивала последний раз ныне уже давно истлевшая на местном кладбище рука.

Ночью в избе я наблюдала желтовато-беловатое свечение,

Юра и внучка Вспышкина тоже. В один из вечеров, когда на пахучие луга после жаркого дня пал молочный туман, и Юра смачно стал рассказывать о призраках и оборотнях, которые обожают в туманах материализовываться, Вспышкин вдруг признался, что не раз среди ночи в своей избе слышал голоса обедающей семьи. К тому же и кладбище рядом, похоронена семья, расстрелянная немцами во время Великой Отечественной войны. Когда немцы пришли, они все местные луга засадили тмином для своих булочек, и требовали от местных жителей, чтобы те этот тмин собирали. Началась партизанщина...

Над туманом взошла толстая долька красной луны. В полной тишине почудился всхрюк... Нам как-то быстро расхотелось гулять по травам, и мы пошли в избу, смотреть на моём ноутбуке фильмы на дисках. Особенно на ура пошёл фильм Джармуша «Кофе и сигареты». Именно кофе и сигарет здесь, всяких прикольных псевдоинтеллектуальных городских чувачков на этих древних землях со следами пребывания Ивана Грозного явно не хватало.

Вспышкин рассказал о зверушках, которые в этих местах в изобилии водятся. В прошлом году он пошёл по ягоды в лес, заблудился на извилистом ручье и увидел в кустах коричневую толстую харю. Он решил, что это медведь, но у хари был пяточок. Это был кабан с полосатыми детками. Вспышкину повезло, он умеет быстро бегать, и почему сразу вспомнил путь домой.

Днём мы купались, косили травы и ели яблоки. Яблони в этих краях были настоящие, как из русских народных сказок, с ветвями вниз, как у ив, только сплошь покрытые румяными яблочками. Именно под такой яблоней можно укрыться от гусей-лебедей.

Юра, глядя на реку Шелонь с высокого холма, вдруг воскликнул: «Вот то место, где я бы хотел иметь свой дом!».

Мы пошли в лес. Шли по кабаньим тропам. Кабаны протоптали прихотливые, пересекающиеся улицы и проспекты, по ним можно было ходить среди стеной стоящих высоких трав куда угодно. Бывшее поле являло собой жёлтые пушистые колоски перезрелых трав, среди которых ярко зеленела молодая поросль берёз. В поле находили периодически огромные камни-валуны. Судя по всему, это были камни, на которых когда-то ставили избы. Судя по всему, тут всюду были дома на берегах древней русской реки. Берёзовая роща оказалась весёлой и светлой, радостной. Вдруг земля задрожала, как от шагов динозавра. Мимо, где-то совсем рядом, по параллельной кабаньей дорожке промчалось гигантское стадо тяжких откормленных кабанов, с всхрюками и лёгкими взвизгами...

В один из вечеров Вспышкин устроил банный день. Жуткая покосившаяся банька Вспышкина, более похожая на лачугу Бабы-Яги, была хозяином жарко протоплена. Это была банька, топившаяся по чёрному. Внутри неё была железная печурка без трубы, на которую была навалена груда кам-

ней, на камнях стоял жбан с водой. Дым уходил из лачужки сквозь щели в потолке и сквозь дверь, из-за чего потолок, стены и верх двери были жирно покрыты угольным бархатом. Я была в шоке. Вспышкин подбадривал: «Банька по чёрному, а выйдешь вся белая да чистая!». Так оно и вышло. В жаркой лачужке оказались скамьи, на которых можно было париться берёзовым веничком, волосы семейство Вспышкиных любит обмывать лопуховым отваром. После него волос становится пышным и прекрасным...

Ну что ж, кто как любит отдыхать.

В своём домике Вспышкин всё сильно запустил, особенно была плоха пристройка для животных. Огромный сарай опал и лежал бесформенной кучей серых досок и брёвен. Вспышкин заглянул под рухнувшую крышу и нашёл там гигантскую чёрную змею, которую от страха откинул вилами в поле.

Я думала, что вот она какая, родина предков Вспышкина! Оказалось всё не так. Это не его родина.

Вспышкин с семейством купил тут домик лет 15 назад. Сначала у него был домик на острове, где нет электричества. На острове расположено старинное кладбище, захоронения с 16 века. Туда и сейчас подхоранивают остатки русичей, здесь ещё живущих. Привозят на лодках. Потом на лодках своих покойничков навещают на Троицу, с обильным количеством водки. Потом уезжают. 8 лет Вспышкин доблестно жил среди покойничков, сред проросших высокой травой могилочек. Мы пошли посмотреть кладбище. Жуткое зрели-

ще. Многие керамические фотографии от погодных перемен попортились, лица поплыли. Это фильм ужасов. На могилке написано «Авдотья Ильинична Простакова, родилась в 1898, умерла в 1989». А на фотографии- Панночка, ведьмушка, вурдалакиня, рот чёрен, глаза безумны. Свят-свят, изыди и т.д. Благостная фотография отчего то местами побелела, местами почернела, в результате что-то вышло абсолютно inferнальное. И почему таких могилоч много, очень много. Мы разгребали сухие царапучие цепляющиеся травы в рост человека, а там то крестик покошенный, то древняя могила с гранитным надгробием, когда то крестьяне были богаты и ставили хорошие памятники, а потом среди репья и лаванды- вдруг Панночка и вурдалак пристально так глядит, того и гляди взлетит и полезет к душе христианской как в фильмах по рассказам Гоголя. Я вспоминала прозу советских деревенщиков, о благостных колхозницах-старушечках, носительницах христианской морали в советском колхозном бреду. Увы, что-то не сработало, что-то было не так. Не просто так у благостных старушечек дети были алкаши, бросали свои земли, уходили в города, там спивались, рожали никчёмных детей и т.д., пока русская земля не обезлюдела. Авдотьи Ильиничны Простаковы что-то не то в своих душеньках носили, что проявилось в мирах иных...

Сам остров был прекрасен. Высокий, как бы на горе, в центре его была лощина, протекал прекрасный ручей среди крупных камней. На одном взгорье покоилось смиренное

кладбище, на другом, подобно английскому замку, высилась полуразрушенная водонапорная башня и длинный каменный остов фермы. Было несколько довольно крепких остовов деревянных домов с прохудившимися крышами. Самый поганенький домишко занимал Вспышкин в течении 8 лет... Хорошо, что он завалился и зарос олешиником... Не дом и был. Я представила, как среди стройных берёз, на роскошном лугу, ведущем ввысь от ручья, водили хороводы девицы в 16, 17, 18 веке, девицы в сарафанах, в кокошниках. Здесь когда-то был процветающий многолюдный край, сплошь по берегам реки стояли цветущие деревни, по рекам ходили суда, тут были торговые пути, ведущие в Прибалтику, в Белоруссию, в Молдавию, в Московию.

Вспышкин, пнув ногой свою же брошенную лет 5 назад синюю кастрюльку, рассказал, что однажды всё же мертвяки его потревожили. На Троицу была как-то ужасная буря, гроза, ливень. Тогда ещё в соседнем доме на горе жил последний колхозник с женой. Вдруг вечером откуда то в домах появились полчища обезумевших летучих мышей. Вспышкин с женой и сыновьями смотрел на крылатых мышек с свинячьими мордочками спокойно. Пусть полетают, попищат, постукаются об рамы. Ишь, инферныши! Явно души покойничков взбудоражились и рванули в царство живых. Ктой-то испугнул их. Новый покойничек, возможно. Или молитва праведника об изгнании бесов... Вспышкин приоткрыл окно – пусть летят на волю. Не то было в доме колхозника.

Там колхозник с женой взяли в руки палки, ухваты, вилы, стали упырьков уничтожать. Ловили и били, и добивали маленьких зверьков ужасных, похожих на летающих пауков в паутине. Колхозникам было страшно, волосы у них дыбом встали на голове. В тот год оба умерли. Дом опустел. А добрый к мышам Вспышкин усилился.

Местные жители, знавшие Вспышкина ещё до того, как он стал ди-джеем, относятся к нему дружелюбно. «Однако, зарос!», – говорят ему, увидев в местном сельпо.

Утром кто-то постучал в окошко. Мужчина в синей рубашке подарил Вспышкину толстую книгу стихов местного поэта, который прожил тяжёлую жизнь, с хулиганствами, пьянками и отсидками в тюрьме. При этом этот человек по кличке Поэт и умер поэтически- замёрз в сугробах, оставив после себя сундук, набитый исписанными листками. Стихи были народные, гладкие, но искренние и тёплые. Очень много стихов он написал. Дальний родственник в синей рубашечке Поэта продал свинок и на вырученные деньги издал книжку. Вот, подарил её городскому чувачку.

Пора было уезжать из этого изумительного уголка. На автобусной остановке сидело человек 5 местных жителей, мужчин и женщин. Женщины были в очках, но явно не от чтения книг. Скорее всего, от плохой жизни. Почему-то одеты они были очень плохо, будто только что в навозах копошились, вид имели спившийся и опущенный, но при этом вели мудрую беседу о пользе подшивания. Подошьёшься – и пить не

хочется, да и водка то ноне не целебная, палёная какая-то, вызывающая желтуху. К ожидающим автобуса аборигенам подошёл рослый охотник в болотных сапогах, с ружьишкой и с яркими голубыми глазами среди морщинок. Над ним стали пошучивать: «Эх ты, охотничек! Плохо стреляешь! Тут кабанов невидимо развелось! Девки на дискотэку бояцца ходить! Кабан такой здоровый с клыками вокруг клуба бегаёт! Отродясь такого не было в наших краях!». В автобусике меня изумил один местный мужичок. Правда, перед этим я прочитала Ивана Бунина, который тоже любил путешествовать по разным дырам и захолустьям любимой родины. Мужичок это был выпимши и хорохорился. От него плохо пахло, почти как от бомжа- вековой грязью одежд и немытой жопой. Он громко острил и хотел развеселить пассажиров. Но получалось у него это как-то грубо, во всём его облике было что-то старомодное, шукшинское. У меня аж слёзы на глаза навернулись.

Я подумала, сколько поколений его предков должны были вырасти и сойти в могиле в состоянии глубокого унижения, чтобы потом вот получился такой вот мужичок лет шестидесяти, с рабским нахальным смешком, с ярко голубыми выцветшими глазами, на дне которых просвечивала неуверенность в себе и вековая тоска, и невозможность жить смело и натурально, без взбадриваний, опиумов и дурашливой петушистости. А ведь у него есть свой дом, есть клочок земли-кормилицы, и неужели этого мало...

(((((((

Потом мне позвонил ещё один мой приятель Дропус, питерский интеллеktуал, увлекающийся пропагандой экологических знаний среди населения. Он продал квартиру в одном из царских пригородов Питера и купил себе большой зимний сельский дом в Рогавке, бывшем посёлке советских торфодобытчиков. Он приглашал к себе в гости меня и Юру... Надо съездить! Вдруг там удастся купить отчуждённую собственность!

До Рогавки мы с Юрой доехали на дизельном поезде с мягкими бордовыми сидениями. За задраенными приглушёнными стёклами мелькали Шишкинские боровые леса, в креслах сидели сельские жители- в основном пёстрые яркие старушки, чинные старики с ясными очами, зло и здраво рассуждающие о политике, и какие-то неприглядные мужики дикого вида с пузырями пива «Охота». Народ с горечью и сердечной болью обсуждал дикие по масштабам, не имеющие никакого оправдания вырубки лесов Новгородской области. Вдоль железнодорожных линий это ещё было не заметно, но там, в глуби, всю лес вырубался и вывозился непонятно кем и куда. Под шум этих разговоров я совсем по-новому смотрела на вековые ели и сосны, бежавшие за окном. Они вызывали тревогу и печаль.

В Рогавке возле иссохшей чаши фонтана на привокзальной площади народ быстро разбежался в разные стороны по

белёсым пыльным улицам. Наступила тишина. Мы отправились искать жилище нашего питерского интеллектуала.

Домик Дропуса оказался весьма симпатичным. Это была настоящая деревенская изба со следами художественных вкраплений. Крыльцо поддерживали искривленные стволы, над окнами красовались нестандартные резные птицы. Но сами окна были почему то забиты досками или закрыты изнутри картоном. На двери был замок.

Мы прошли на участок за домом. Сеточный забор был оббит весёлым выюном. Из высокой жирной зелени выглядывали лечебные травы и полезные кустарники, зверобой и лесной шиповник, бледные маки и хрен. По голубому небу пронеслась аки чёрная сыпь дружная стая галок, грачей и ворон. Они как-то по былинному летели в одну сторону, будто там мёртвый добрый молодец лежит под бел горяч камнем. Под заросшей хмелем крышей стояло продавленное кресло, и валялись написанные ручкой и отпечатанные на машинке, пыльные рукописи. У поросшей бурьяном собачей будки валялась пожелтевшая книжка со странным названием «Экзистенциализм и лечение травами».

Мы решили погромче постучать в дверь и в окна дома. Хозяин неожиданно вынырнул из двери сарая для животных, примыкавшего к избе. Вид у Дропуса был абсолютно безумный. Я решила, что это от одиночества на природе и от радости видеть у себя в гостях живых людей. И ещё подумала, что так вот кончаются мифы о Простоквашине. Дропус

сказал, что дверь на крыльце забита, и что он пользуется входом через хлев. В крошечной тьме мы вынырнули из закутка сарая на лестницу, ведущую в сени. Чтобы зажечь свет, нужно было наощупь сделать несколько шагов вниз по ступеням, потом- вверх, рискуя при этом по пути сломать себе ноги или вышибить мозги об низкий деревенский косяк.

Внутри дом тоже был почти абсолютно тёмным- из-за забитых окон, которые изнутри прикрывали зловеще просвечивающие в щелях алые флаги с серпами и молотками. Повсюду висели портреты Ленина с трогательным умным взглядом, каким его любили изображать советские художники из прослойки между рабочими и крестьянами. Стены были покрыты зеркальными и серебристыми поверхностями. В углу зелёная лампа освещала аквариум с одинокой и жирной пиявкой. В нише лежали груды пыльных книг, когда-то весьма драгоценных для советского интеллигента 60-70 годов. Одна из стен была занавешена огромным коллажом, в центре которого располагался портрет ясноглазого Пети Дропуса в пионерском возрасте, справа от него висела фотография его отца в молодости, ясноглазого красавца, похожего на Дропуса периода работы на таможне и также на Йоганна Вайса из фильма «Щит и меч», а снизу улыбался обаятельный Курёхин. Вот он, иконостас постмодерниста 90-х. Насильник Ленин. Коллажист Курёхин. «Я» как центр вселенной. Пристальное взглядывание в великую загадку- молодого отца. И Петрушка-инферно, смеховой русский дьявол. Он

неприятно корчился рядом с пустым окладом деревенской иконы. От всего этого мурашки по спине у нас бодряще забегали, будто мы не к питерскому интеллектуалу приехали, а попали в избушку Бабы-Яги, повышающей свой гемоглобин человечинкой...

На мысли о каннибалке Бабе-Яге наводил странный набор посуды Дропуса. У него не было ни одной маленькой кастрюльки или ковшика, одни лишь огромные жбаны, в которых можно было варить по пол телёнка. Или по пол человека... К тому же стоял какой-то тяжёлый запах... За день до нас должна была к Дропусу приехать американская художница, любительница русской экзотики. На вопрос, где она, Дропус как-то кисло улыбнулся и нехорошо сверкнул глазами...

Мы выложили на стол квас «Никола» (Дропус никогда не употреблял алкоголь, другим баловался), кой-какие продукты. Петя Дропус был истощён, но из еды согласился только на квас «Никола». Нам показалось, что он болен, может быть сильно болен, и от этого не может и не хочет есть. Неожиданно Дропус предложил покататься на велосипедах. «О, да он не так уж и плох! И достаточно бодр», - обрадовались мы. Из сарая были извлечены ретро-машины 50-60 годов, изрядно попользованные, со следами починок и передряг, но на ходу. Мы сели на велосипеды, и, подобно фашистскому ефрейтору с двумя рядовыми из советского фильма о войне, полетели, выстроившись треугольником, во главе которого был Дро-

пус, обследовать посёлок бывших добытчиков торфа. Пока мы ехали по территории, застроенной деревенскими избами, Рогавка казалась патриархальной и привлекательной. Потом пошли толстостенные и разваливающиеся двухэтажные домики, построенные немецкими военнопленными, затем- руины торфяных цехов, потом- недостроенные в 70-х кирпичные светлые брежневки с провалами тоскливых окон.

На одной из ржавых труб, торчащих из развалов как памятник в Хатыни, красовался маленький, ржавый, но гордый серп и молот. Питерский интеллектуал Петр Дропус, ставший похожим от житья в деревне на почтальона Печкина, сморщился скорбно и попросил его сфотографировать на фоне следов похеренной цивилизации. Потом мы долго подпрыгивали по навозным лепёшкам и рельсам, которые некогда опутывали сложной сетью посёлок советских торфодобытчиков. Наконец мы выехали на природу- к потрясающей красоты озерам, блиставшим среди плоской зелени пейзажа. Такими синими прозрачными озёрами в камышах и с утками была покрыта вся окрестность- это были искусственные неглубокие озёра, образовавшиеся после выработки из почвы торфа до каменистого слоя.

Пока мы думали, окунаться или нет в эти синие провалы, к берегу подъехала на велосипеде высокая и статная натуральная блондинка, просто девушка Виола какая-то. Она скинула одежды и стала, словно русалка, долго плавать в синей холодной воде, отдающей талым льдом. Кругом трепета-

ли на ветру молодые берёзки, главная статья доходов местных жителей, которые, подобно козам, обдирают эти берёзы на банные веники и продают их оптом в города. В болотных северных травах, усеянных розовыми, белыми и жёлтыми цветиками, таились гроздья поспевшей брусники. Дропус встал на корточки и стал поедать ягоды как медведь. Мы удивились и стали собирать для него ягоды.

Когда мы пришли в дом, Дропус взял нечищенные ягоды, засыпал их сахаром, растолок пестом и залил кипятком. Потом он поедал ботву морковки с жадным чавканьем. В тёмной-тёмной избе с кровавыми от знамён окнами Пётр Мамонов мерзким голосом напевал всякий нервный вздор типа «Морской пёс ест свои мягкие зуууубы».

Дропус купил этот дом у художника-шестидесятника, который, в свою очередь, купил сие родовое гнездо у какого-то вымирающего местного аборигена. Плакаты с Лениным Дропус нашёл на чердаке. Ещё на железной печи в паутинках стояли две чеканки, изображавшие испитый, с мешками под глазами профиль Владимира Высоцкого. Их своими руками выбил покойный художник. Очевидно, Высоцкий был кумиром этого человека. К Ленину покойный ныне художник был спокоен, но у Дропуса проснулся, судя по инсталляциям, искренний интерес к этому борцу за счастье других.

Дропус вдруг рассказал, что в лесу он любит ловить гадюк и выжимать яд у них из зубов. Что весной одна гадючка укусила его в руку, боли он не почувствовал, так как гадюка

сделала ему анестезию, но рука потом опухла и почернела, но яд в итоге рассосался. Глаза у Дропуса в этот миг сверкнули зелёным огнём, и он вдруг попросил, чтобы его угостили тремя банками сгущённого молока. При этом он высунул язык и жадно облизнулся.

«Дядя Петя, вы оборотень?», -хотелось задать ему вопрос. «Он по ночам превращается или в медведя или в гадюку», – зашептали мы с сыном друг другу на ухо.

Ещё нас потряс туалет Дропуса. В нём была лампа, но электричество к ней было обрублено. В тёмном высоком на-сесте царил жуткий абсолютный мрак, пользоваться толчком можно было лишь при широко открытых дверях и ярком свете, зажженном в сенях. С чердака свешивался хлам веков, истлевший, закатанный в трубочки картон, какое-то древнее крестьянское железо для животных, хомута и книги. Также жутко было на кухне. Когда Дропус отвернулся, мы заглянули под крышки. Слава Богу, там было чисто и пусто, правда в одном жбане чернели прокипячённые травы- мята и зверобой. Странную вонь в избе с заколоченными снару- жи окнами мы списали на эти травы... Дело близилось к ночи, душливой избяной ночи, резко контрастировавшей с целебным деревенским воздухом в саду.

Хозяин улёгся на огромной кровати под какую-то дрях- лую шкуру и стал смотреть телевизор, который в Рогавке ло- вит лишь одну центральную программу. Мы с сыном улег- лись на низкий топчан, укрылись шкурами-маломерками и

уоставились от страха на потолок.

Потолок избы был завешен огромным шёлковым полотном с логотипом некоего банка. Дропус лежал под ним с позеленевшим осунувшимся лицом, как Баба Яга в русских сказках, у которой нос в потолок врос, и брови загустились, и вообще... По телевизору, повёрнутому на своих курьих ножках к нам задом, а к Дропусу передом, бесконечно шелестели жуткие русские сериалы. Какая-то баба-следователь выясняла обстоятельства зверского убийства, патологически обсасывая тошнотворные детали. Потом шли новости- столь же тягостные, маньячные, всё про убийства мирных граждан, всё про смерть и убийства. Имя телевизора в провинции- «несущий смерть русскому народу». Я видела острый зелёный нос Дропуса, отражённый в системе зеркал, и чувствовала, что либо он маньяк, либо я тоже обретаю черты маньяка. Когда Дропус шевелился в полной тьме, подавая признаки жизни, мы с сыном от первобытного ужаса выскакивали из-под своих беленьких заячьих шкурок. Я не знаю, как мы дожили до первых петухов, ибо петухов в Рогавке, как и во многих деревнях, почему-то ныне не слышно. То ли птичий грипп их вывел, то ли алкоголизм и лень выели под корень.

Утром Дропус склонился надо мной и спросил: «Ну что? Ты ничего не замечаешь?». Я честно прохрипела: «Нет!». Он сказал: «Я побрился!». Я с ужасом притихла, не понимая, куда он клонит. «К чему бы это?», – спросил он у меня. «К тому, что мы с тобой сегодня едем в администрацию Рогав-

ки. Я хочу здесь создать экотеатр!»,- вдруг здраво объяснил он мне снятие со своего лица дремучей шерсти.

В администрации, просторном кирпичном здании с лёгкими следами обветшания и вывешенными на стене листками, на которых изображалось, как надо вести себя в условиях угрозы терроризма, Дропус весьма эффектно описал свой проект. В нём проснулся питерский лоск изысканного грантополучателя.. Дама администратор была в восторге. В Рогавке, где живёт 5 тысяч человек, 70 детей – воспитанники местного детского дома. Хорошо бы с этими детьми создать экотеатр и объяснять местным жителям, что нельзя бросать окурки в торф, вываливать мусор в озёра и т.д. и т.п.

В это время Юра стерёг велосипеда у входа в администрацию Рогавки. Возле него возник какой-то дедок и стал с непередаваемым матом рассказывать другому дедку о своих ночных приключениях. Как к нему ночью через окно влезли два местных парня и стали требовать от него денег и паспорт, в придачу, очевидно, с целью изъятия навек его недвижимости, при этом угрожая ему экзотическими пытками и смертью от ножа. «Я бывший десантник!», – орал дед. «Я взял палку и проломил Осипу голову. А второго всего отутюжил. Осип помер в больнице сегодня. Мне сказали. Я же десантник! А второй уж ко мне не сунется. Ему долго лечиться надо, пока он сможет ко мне опять сунуться. Я же десантник советской армии!».

Потом мы опять долго куда-то вдоль поросших бурьяном

рельс ехали на велосипедах, нещадно поедаемые слепнями и комарами. По пути я увидела длинное белое здание, с одинокой, тонкой, как детская ручонка, трубой, ровно по центру. На окнах нижнего этажа пестрели разнообразные ржавые решётки. На бордюре из врытых в землю резиновых покрышек сидел, маясь от тоски и безделья, белокурый мальчуган. Это был местный детский дом.

Вечером мы прошли пешком по посёлку. Опять нас поразило это сочетание красоты и тоски. Иногда встречались процветающие уютные дома, иномарки, красивые люди-яркие блондины с синими глазами и добрыми улыбками, но встречались и абсолютно выродившиеся, похожие на каких-то инопланетян обдрипанные облезлыши со странными головами, носами и ушами. Обычно у них в руках были пухляки с пивом «Охота»...

После прогулки Дропус лёг под шкуры и впал в тяжкое забытье перед экраном маньякально борморчущего о насильственной смерти телевизора. Юра сказал мне, что спать без света не может. Мы взяли толстенные книги из развала умершего художника, и сделали вид, что нам очень хочется читать. Из окна доносился запах дыма. Торфяной дым стоит здесь каждое лето, ибо каждый год тяжело, неизлечимо, подземно горят торфяники. За окнами иногда кто-то кричал, иногда зверски тархтел пролетающий мимо мотоцикл. Трещали и свиристели ночные цикады. Над головой болтал кровавым носом зловещий Петрушка. Казалось, что кто-то трёт-

ся у стен. «Мама! Убери-ка те огромные ножи на кухне. На всякий случай. Ещё хорошо бы положить поближе к нам арбалет, которым можно убить медведя. Тот, который мне показывал дядя Петя, пока ты была в огороде. На всякий случай». Я, ловя на себе мнимые взгляды из под закрытых зелёных век оборотня Дропуса, завернула длинные ножи в полотенец и спрятала их в щель. Потом я посмотрела своими расширенными от страха глазами на место нашего ночлега и увидела, что на столе масса макетных ножей, которыми террористы резали пилотов в американских самолётах 11 сентября. Я их тоже собрала в кучу и спрятала у себя под диваном. Юра раскрыл свой перочинный ножик и сунул его под подушку. Всю ночь мы не смыкали глаз.

На рассвете Дропус пошёл поесть и, видно, с ужасом обнаружил пропажу всех ножей в доме. Дропус посмотрел на нас с обидой.

Утром мы убегали на станцию, сославшись на звонок по мобильнику, который якобы звал нас в Новгород. Мы увидели, что этой ночью буквально дотла сгорел соседский заброшенный крепкий дом, так называемая «отчуждённая собственность»— дом, чей хозяин умер, не имея помнящих о нём наследников и родственников. Его сожгли, скорее всего, те местные инопланетяне с пивом «Охота», пластиковую тару от которого так любят разносить потом вороны по всем окружающим торфяникам, и чьи детки маются в летней тоске в детском доме.

Через полтора часа мы были в Новгороде, сняли белый, чистый номер в гостинице «Россия», с видом на реку Волхов, со светлым, хорошо обозреваемым по всем углам туалетом. Наконец то можно было отоспаться.

((((((((

Когда приехали домой, то есть в ту точку пространства, где у тёплой батареи стоит мой диван, где я могу спать в относительном спокойствии, то приснился мне сон. Что лезу, лезу я на гору, а там встречают меня богатые подружки, владелицы своих домов и хороших квартир. И вот мы все лезем в цветущий сад, в котором скрываются хорошенькие домики, подруги мои вошли в резные ворота, а передо мной калитка закрылась. Я хотела перелезть через забор, но не вышло, я стала оседать вниз куда то с горы.

Домик в деревне купить не удалось, даже самую последнюю развалюшку. То хозяев было не разыскать, то оказывалось, что документов нет на дом, то какие-то молдаване там прописаны, то какие-то родственники прорезывались у заброшенной гниющей на земле собственности.

Вообще мне теперь всё время снятся сны, что у меня есть СВОЙ ДОМ. Такие радостные сны снятся. Однажды приснилось, что вот у меня свой дом на месте завода «Красный треугольник». Что там всю территорию вычистили, что там кирпичные стены помыли активированным углём, который вытянул из стен и почвы вредные вещества резиновой промыш-

ленности. И вот у меня целый дом- красный кирпичный дом с большими окнами от цехов, несколько этажей. Кругом растёт яркая зелень, цветущие деревья какие-то. В доме у меня ламинат сверкает на полах, большие пространства, комнат семь у меня, у каждого домочадца по своей комнате, и ещё мастерская у меня есть, где я стану великим модельером, где буду на машинке шить всякие хорошие вещи, которые кроме меня никто не сошьёт, так как кроме меня никто так линии, цвет и материалы не чувствует. И ещё у меня будет кабинет с большой библиотекой, так как Юра всё время издевается надо мной: «А где у нас Лакан? А где «Упанишады»? А что, и «Меча самурая» у нас нет? И даже старичка Фрейда? Да мы, мама, простолюдины какие-то!». И вот что есть теперь у нас много-много полок, где вольготно могут раскинуться книги. И ещё в большой комнате пианино стоит...

Ещё мне сон снился, что мой дом на берегу канала, что у меня целый этаж комнат 7. Меньше чем 7 комнат это мало. И ещё приснилось, что вот на Петроградской у меня своя огромная квартира. У прабабушки моей был свой дом в Петербурге до революции и свой чаеразвесочный заводик. Может, это от неё мне эти сны снятся...

(((((((

Вот и лето прошло. Прошло под знаком нечисти. Прошло столько лет, и ничего в моей жизни не изменилось. Наверное, от того, что не изменилась я сама. Всё такая же невоз-

деланная, разбросанная- аааааааааааа. Каждое лето- одно и то же. Люблю природу, а сижу в душном каменном мешке. Ужас, как меня развратило моё деревенское детство среди васильков и пшениц. Одна работа, довольно таки поверхностная, не дающая денег, но копошиться надо каждый день. Скорбный труд приговорённого к тюремным работам вола. Вылазки в природу – они только тоску усугубляют...

Сегодня 31 августа. Внутри стоит непрерывный вопль- аааааааааааааааа. Лето прошло- аааааааааааааааа. Ничего не изменилось. Стало ещё хуже- аааааааааааааааааааа. Квартира разорена и загажена безнадёжно. Митя задыхается от аллергии. От пыли, от книг, от цветов, от игрушек и дисков. Всё выбросить к собачьим меринам. И получится старушачий рай-пустенько так, стерильненько. Аааааааааааааааа.

Написала 12 статей- по статье в два дня. День берёшь интервью, второй день- расшифровываешь и пишешь. Думала, наработала на отпуск. Вышел хрен. Заплатили гораздо меньше, чем думала, заплатят. Денег хватило только на самые дешёвые поездки в жопные дыры нашей поросшей травой родины. В многостраничном журнале, рекламирующем брюлики, дорогую недвижимость и машины, где страница рекламы стоит несколько тысяч долларов, я, журналистка, опубликовавшая 12 статей о культуре на 12 страницах, делающих журнал читабельным и увлекательным, не получила и одной тысячи долларов. А рекламисты поменяли в этом месяце свои иномарки на более шикарные. Что-то тут не так. Без наших

журналистских статей кто бы стал читать их рекламу? Да никто. Надувка всё это жадного капитализма! И мы типа на цырлах серые козы такие, которые, нищие и облезлые, волокут на себе целую стаю боровов-рекламистов и менеджеров, включая директора издания.

Как серпом по яйцам. Самоуверенность испарилась. Всё плохо, всё плохо- ааааааааа. Жизнь сплошной ужас беспроектный- ааааааааа. Лето- кульминация года. Все силы, все помыслы о лете, о каком-то горьком кусочке счастья. Ждёшь весь год, ждёшь. Хотя бы фикцию счастья. Хотя бы фикцию грязной пальмы и чуток взаправдашнего, пусть грязного и холодного моря. А хрен вам. И ещё раз хрен вам.. Ааааааааа. Два человека чего-то хотели от меня, но они были такие страааашные. Таких страааашных, сумасшедших и больных и на свете то не бывает. С ними жить нельзя. Только носить им передачи в больничку и гавно за ними выносить. Вот такие мужья, которые хотели сделать из меня свою мамку. На хрен они мне сдались. А боженька так не думает. У него перевоспитательные планы на мой счёт. Он хотел меня такими мужьями унижить и перевоспитать мою гордыньку.

Уж и погордыниться девушке то не дают! Если жизнь вся порушена в гавно, то как же быть? Мне удалось хоть чуток сделать свою тюрьму уютенькой, хоть чуть-чуть было уютно в тюремном гнезде последний год. Ночь у меня была – диван свой, телевизор, телефон и ноутбук на постели. Владик ко мне заглядывал, и дети по утрам по нему лазали как подох-

лой смешной кукле. Теперь и этого нет, отобрано навсегда. Слова страшные-«навсегда» и «никогда». Гордыньские слова, неправильные. Но так тяжело, так сердце всё изболелось.

Так жила моя бабушка с изболевшимся безнадежным сердцем от неисправимых ситуаций со знаком «никогда». Жила тоже бездомной. У неё никогда не было своего домика в деревне, где так органично она смотрелась бы, так радостно и уютно она смотрелась бы. Всю жизнь она приезжала прихвостнем к своей мрачной сестре и своему глухому брату. Всю жизнь приезжала в чужой дом. А в городе все жили друг на друге, 6 человек в двухкомнатной квартирке. Но всё же метров 35 у них было, и без книг и всяких увлечений. Боже мой. Как же можно так проживать свою единственную жизнь, без физиологического гнезда, без воздуха, в скукоженном виде, с завязанными руками. Бабушка моя всю жизнь прожила в тюрьме. И мне завещала тюрьму. Ааааааааа. Бежать, но как, куда бежать, с двумя детьми. Куда бежать, где заработать столько денег, чтобы сил хватило хотя б шаг сделать в сторону? Одна пустота и ненужность тебя в этом мире, вытесненность тебя. Ори не ори, мир занят, все места заняты. Нет ни щели, ни дыры, чтоб влезть туда.

Где свобода, красота, вольно дышит грудь, поддающееся тебе любимое существо, гармония с любимым существом? Никогда, слово никогда...

ЧАСТЬ 4. ЗАЩИТНОГО ЦВЕТА

(((((((

С Владиком мы теперь трахаемся только у него в комнате. На моей территории этого уже не будет никогда. Дети подросли, их двухэтажную кровать продали. Теперь старший занял детскую комнату 8 метров, в большой мы поставили два дивана, на одном сплю я, на другом – мой младший сын. Когда на ночь диваны раздвигаем, это сплошное спальное место. Днём Митя смотрит Симпсонов и канал альтернативной музыки, хуже всего, когда он смотрит мультяшные японские сериалы, где какие-то куколки бесконечно под напряжённую музыку играют в футбол и сражаются. Я по утрам пишу статейки для газет, пока все в школе, вечерам я убегая из этого мультяшного ада, пропахшего бабкиной жирной мучной стряпнёй, от которой у младшего аллергия, у старшего прыщи, а у меня обвислый жир на боках.

Я стала совсем существом без своей норы, пусть самой малой. Даже о пятиметровой бабкиной комнатке я мечтаю с вожделием. Я никогда не думала, что буду так плохо жить. Что можно так жить будет в 21 веке. В трущобах каких-то чудовищных, будто мы негры какие-то, что ли. Или пролетариат времён промышленной революции. Что за всю жизнь мне не удастся заработать ни на один метр жилья. Что все деньги будут уходить только на прокорм детей, на плохую,

среднюю одежду и на маленькие путешествия иногда, чтоб совсем от тоски не сдохнуть от проживания в депрессивном вонючем углу города. Что на всём земном шаре моей недвижимой собственности будет только койко-место.

Пыталась встать на очередь- на улучшение жилья. Не поставили нас. У нас 29 жилых метров на 4 человек, а, оказывается, что учитываются не жилые метры, а общая площадь. Общая площадь- 41 метр. То есть на 1 метр больше, чем нужно. Было бы 39 метров- то есть меньше, чем 10 метров на человека, то поставили бы. Я поражена этой хитрости. То есть выходит, что один член нашей семьи должен жить в совмещённом санузле или на 5-метровой кухне под газовой горелкой. В 21 веке человек в России- это дерьмо, ни на что право не имеющий, вопреки конституции, которую новая элита ещё не успела под себя окончательно заточить, но чинуши уже успели придумать лазейку- подменить норму жизни общими метрами. Какая беспросветная гадость!

Нина говорит:

–Всё же хорошо, что у тебя Владик есть. Красавчик. И живёт в центре.

Я думаю: «Ну и что. Если бы она знала, как депрессивно мне ходить к самцу в очень грязную его прокуренную комнату, видеть его всё в том же синем протёртом костюме в красную и белую полоску, как грустно мне видеть, что годы идут, и ничего не меняется, ничего в его и моей жизни. И никаких перспектив что-то не видно, разве что чудо расчу-

десное произойдёт немислимое, а на свои силы надеяться абсолютно нечего....»

(((((

Звонила мне Лена и рыдала на ту же тему. Сын подросток, и вдруг она поняла, что нужно квартиру ему купить. Или комнату хотя бы. И пока она об этом думала, вдруг сволочи какие-то подняли астрономически цены на жильё. Откуда эти нули выросли -никто не понял. Что, песок, цемент, зарплаты подорожали? Нет вроде. Песок как был песком, так и остался. И арматура тоже. И люди получают столько же. Так откуда цены то выросли в одночасье в разы? Этого никто не понял. Но кинули всю страну.

Лена звонит и рыдает. До неё вдруг дошло, что при всей её прыти ей на квартиру не заработать никогда. Она увидела это слово «никогда». Даже если она вся ужом извиваться будет, если по 100 тысяч рублей в месяц зарабатывать будет- всё равно она не купит. Ведь надо на что-то и жить, и уже от 100 000 отщипнётся часть денег. А квартира самая паршивая стоит уже миллионы. Да и 100 000 ей в месяц никак не заработать, нереальные это деньги для неё и её мужа. И в этой жизни рассчитывать на свои силы уже нельзя. Если только сын не женится на богатой девице с отдельной квартирой. А так- труба, труба....

(((((

Ночью Владик пялится в компьютер, пялится могуче своими глазками, выдавшими всякие виды, от чего они у него потеряли свою изначальную природную зоркость. Так как он воин, барон Литопурк хренов, он должен ежедневно побеждать, покорять кого-то, у кого-то что-то насильственно отбирать. Раньше воины отбирали жизнь и собственность, жён, скот, земли и вещицы, современная ипостась городского воина в виде Влада по ночам хищнически разоряет Интернет. Владик, меломан и киноман, теперь, с двумя компами,— варварский ненасытный коллекционер. Он теперь обладатель десятков тысяч записей музыки и тысяч фильмов, в основном элитарного, малопонятного и недоступного обывателям кино.

Ещё у Влада, как и у многих творческих людей, какие-то тормоза. Им кажется, что свою музыку или своё кино можно делать, когда познаешь все-все деяния своих конкурентов. Неверие в себя у Владика выражается в количественном беспределе. Это мешает, но в этом есть уважительное отношение к творчеству других людей. И Влад качает, качает, популяризирует самые свежие достижения мировой культуры среди своих друзей, потом пишет что-то своё.

(((((((

Я теперь дружу со стариком Вспышкиным. Мы с ним гуляем по городу, он всех своими шипами, белой бородой и чёрной кожей возбуждает, а также алой футболочкой с над-

писью «Секс». По вечерам я болтаю с художником Гущиным и с астрономом Пайковым. Если собрать в кучу Вспышкина, Гущина, Пайкова и Владика, то получится один милый мужчина, который удовлетворяет все мои потребности, кроме денег. Деньги я добываю сама, маленькие такие, плюгавенькие деньги. Это не те деньги, на которые можно купить машину, взять кредит на жильё или съездить проветриться по миру. Это деньги на еду мне и двум подрастающим моим щенятам-пацанам, которые иногда ужасно много едят, а иногда ничего не едят, но иногда хотят мяса и супа, и фруктов и соков, и овощей и мороженого с пирожным. Я как конь пишу статейки в 5 журналов, добытые маленькие деньги тут же, как пылесосом, вытягиваются из меня.

Влад надо мной издевается, что мне так мало платят. Издеваться можно так же над Пайковым, который работает в обсерватории и получает 8 тысяч рублей в месяц за свой уникальный исторический труд, ибо он сделал великое открытие, по иному показывающее строение Вселенной. Пайкову вроде как светит рано-поздно Нобелевская, но сейчас он убогий скромный мужчинка, живущий со старушкой-матерью в смежных комнатках, сын спит, мечтая о сексе, а мама идёт через его комнату в туалет. Никакая самка к Пайкову в дом не пойдёт. Пайков получает столько же, сколько знакомый поэт шизофреник. Поэт периодически лечится в дурке, и вот ему сделали пожизненную инвалидскую по мозгам пенсию в 7 тысяч рублей. Я, если посчитать, тоже полу-

чаю 7 тысяч. То есть в три раза больше, но если поделить на троих, то тоже оно и выйдет. Все мы семитысячные, то бишь раза в два больше чем МРОТ. МРОТ- это жить чтоб совсем не жить, а только-только на волосок не сдохнуть. Два МРОТа – это всё ж можно порой в секунд-хэнде купить свитерок новый, с французского негра какого-нибудь снятый, в контейнер брошенный, там протравленный и перепроданный на территории великой России.

Влад трубит уже о 3 тысячах евро, которые он требовал бы за труд типа моего от моего журнала, рекламирующего брюлики, дорогие машины, коттеджи и всякую дорогую хреновень для буржуйков и менеджеров. Он говорит: «Давай я буду журналюгой вместо тебя. Уж я то твоего хозяина то поприжму, уж он то мне будет платить по честному, отдавая зарплату от рекламы!».

«Сформулируй мне задачу!»,- трубит на меня Влад. «Отстань, Влад. Ни один человек в мире тебе задачу не сформулирует. Ты пойми, что человек в мире бесконечно одинок, особенно талантливый и самобытный человек. Ты сам должен сформулировать себе задачу, сам её придумать себе, сам её выполнить, сам её предложить и продать. Ты же не исполнитель какой-нибудь рабский, ты ж не можешь быть лакеем и пресмыкаться в угоду хозяину. Твой продукт авторский. И тут с деньгами – труба. То есть труба перекрыта. Потом, когда-нибудь ты станешь богат...Отстань от меня Влад, не сформулирую я тебе задачу. Музыка пиши сам для себя, по

внутреннему приказу своему и пожеланию, и старайся писать так, чтобы точнейшим образом голос свой выразить».

(((((

Влад сидит всю ночь у компа, я зарубаюсь на его диване. Влад лазает на форумы и с кем-то весело триндит, иногда он издаёт возгласы, хохочет, потом быстро-быстро щёлкает кнопками, набирая язвительный ответ кому-то. Я полусплю и думаю:

«Как все вот так переговариваются, как бы голоса под землёй. Или ангелы незримые бестелесные – шу-шу-шу, зу-зу-зу. Даже и уст то нет, и даже и голосов то нет, и тел нет, и возраста нет, а лишь квинтэссенция одна в виде письменности. От тела – только пальцы от рук, касающиеся кнопок. И денег никаких. Никакой корысти, кроме как у Била Гейтса, да там провайдеров всяких с проводами своими, рекламистов всяких невнятных. Неужели рекламу кто читает в нете? А люди в нете – это ж херувимы, это человечество будущего, это бестелесье, ни пищи, ни желудков, ни дыхания, ни запахов, ни кожи, ни волос. Токмо сущности духовные в виде слова, поверхностные неземные касания.

А там, на поверхности, под солнцем- то, иная жизнь. Жизнь надземная, дозволенная, разрешённая, узаконенная – там, на телеэкранах, там, в газетах, журналах и книжках. Там то, что можно, там гласность и взглядность, громкий звук, броские надписи, пляска картинок. И то, что сверху, это как

раз самое нутряное и есть, телесное всё такое и низовое. Всё о жизни тела и для жизни тела. Прокладки, зубы, попки детские писающие и срущие в памперсах, сиськи соблазняющие натянутые, жиры на брюхах, импотенция, органы и железы, сердце оторванное, жратва, кухня с чадом, сковородки дымные, мясо, кожа, тела, шампуни, крема, кожа старая и в прыщах, седые и лысые головы, ноги в туфлях, тела в шубах, ремонты бесконечные, когда хлипкими ламинатами и сайдингами заменяют крепкие честные поверхности. Одно безумное мерзкое проклятущее поганое тело, биооболочка дрянная, скафандрики, скорлупки человечков дрябленькие, несовершенные, вонючие, с детских лет уже гниющие, ломающиеся, портящиеся, нуждающиеся в подпорках и питании. И делает это материальное и телесное вид, что оно вечное, ибо увековечено снимками, фотографиями, фильмами в момент цветения, делает вид, что бессмертно, тело это товарное, искусственное, оторванное от жизни. А никакой там жизни реальной нет, всё придуманное, чтобы больше для тела покупали всякой мишуры и дряни, даже сериалы, чтоб тело орало от ложного ужаса и рыдало от ложных старстишек, чтоб хохотало от клоунчиков, чтоб покупало себе эти искусственные раздражители.

И выходит, что-то, что в подполье, в узких каналах нета, в незримых волнах – это и есть мир, это ум, это душа, это базовая реальность, это события и факты, это самое важное, самое необходимое. А что снаружи, на людях- это постыдное

низменное и телесное, туалетное и гинекологическое, что надо скрывать, излишнее всякое баловство, без которого отлично можно обойтись. Не нужно оно.

Как так всё поменялось местами? Кто загнал мир и внешнюю реальность, мысли и философию под пол, кто вынул низменность, жир и хихиканье, кровешку и мечтаница, онанизм, кал и сопли наружу?»,- вот так вот думаю я...

(((((((

Владик редко-редко, но иногда всё же работает. Опять строил бассейн.

Однажды, вернувшись после строительства бассейна домой, Влад нашёл в своём компе письмо от фирмы Билла Гейтса. Из письма следовало, что Микрософт заслал в компьютер Влада файла-шпиона, и этот файл-шпион обнаружил наличие в компе Влада 125 программ, и все они – пиратские. Этим Влад нанёс Микрософту урон в количестве 120 тысяч долларов, и поэтому должен возместить этот урон, а также заплатить Микрософту и Биллу Гейтсу штраф на сумму ещё 125 тысяч долларов. Иначе Билл Гейтс вышлет наряд полиции, и Влада посадят на 5 лет в Американскую тюрьму. Честно говоря, мы все обрадовались за Влада, он так давно хотел съездить в США, но дурацкая ксива гражданина мира никогда не выпустит его из объятий родной родины. Мы сказали Владу: «Вот здорово! Соглашайся! Побываешь за границей, посидишь в тюрьме, напишешь новую музыку, и оттуда же

её будешь популяризировать по Интернету. Только потребуй ноутбук в камеру».

Но Владик вспомнил о своей бароньей крови, и быстро написал ответ жадному Биллу Гейтсу и его компании Микрософт. В письме он выдвинул множество обвинений в адрес Билла Гейтса и его компании.

Во-первых, программы Билла Гейтса не соответствуют зарплатам российских пользователей, что отстраняет российских пользователей от приобщения к мировой информации и культуре. А это уже нарушение прав человека и всяких международных соглашений (далее в письме следовал список из десятка нарушенных Гейтсом норм, сводов и договоров). Во-вторых, Билл Гейтс угрожает Владу, потому что баронов Литоपुरков, а по закону от 1523 года, изданном ещё королём Якобом Вторым, это само по себе является преступлением, согласно которому крестьянский сын Билл Гейтс, нанёсший барону Владу угрозу, сам должен быть наказан типа отсечением головы. В-третьих, Владик предложил всё же Биллу Гейтсу как-то урегулировать денежный конфликт, и вернуть Микрософту украденные путём скачивания пиратских программ Владом деньги.

Влад написал, что он работает в России строителем бассейнов, зарплата его – 1000 баксов, поэтому понадобятся десятилетия, чтобы вернуть долги. И поэтому Влад предлагает Гейтсу следующий вариант – поехать в Америку на земельный участок Гейтса и построить ему шикарный бассейн, с

американской оплатой труда. Тогда Билл и Влад будут квиты.

В тот же день Владик получает письмо от русского служащего Микрософта. Тот написал ему: «Чувак! Ты молодец! Мы все на твоей стороне! Ты так уделал Билла! Ему никто ещё таких писем не писал. Ему передали твоё письмо, особенно его поразил закон от 1523 года. Он изумился и попросил детально, до мелочей перевести твоё письмо!»

Потом Владу пришло письмо, что, принимая во внимание его личные проблемы, Билл Гейтс разрешил лично ему подарить несколько дорогостоящих программ, для этого надо придти в такое то время по такому то адресу. Влад зло ухмыльнулся и не пошёл.

Зачем? Пиратствовать так пиратствовать!

((((((((

Из-за Влада начнётся война Америки с Россией

Выступал Гейтс и грозил чуть ли не войной пиратствующим странам Китаю и России. Правда, оказалось, что это не тот Гейтс, а другой. Тот Гейтс этому, наверное, пожаловался на чудовищного пирата Влада, который хочет выкачать весь Интернет и всё бесплатно везде выставить, чтобы меломаны всех стран имели бесплатный доступ к культуре. Да, Влад, не просто меломан, а какой-то чудовищный, сверхмерный меломан. Он во всём, за что не берётся – какой-то чудовищный и чрезмерный.

((((((

У Владика болит голова уже месяц- стреляет в висок и т.д. Он аж блюёт, пердит, смердит и теряет картинку перед глазами от боли. Боль души он заглушает чудесными пилюльками, которые можно получить по рецептору Дохтура Смерделкина из районной клиники. И пошёл Владик в поликлинику. И тётя в регистратуре ему сказала: «Идите-ка вы сударь за полисом. Без полиса не обслуживаю!».

И пошёл Влад за полисом, поехал он за ним на другой конец города. Несмотря на то, что он гражданин мира, всё ж медицинская помощь ему положена, так как, работая, он платит налоги.

И дали таки Владу полис, отметив вместо паспортных данных что-то иное. Влад отнёс этот полис тёте-регистраторше. А она ему говорит:

–Ваш полис не по форме сделан, это не тот полис, который нужен, и вам талончик к доктору я не дам!

И пошёл Владик опять за новым полисом в другой конец города. А ему говорят там: «Ваша регистраторша дура и юридически безграмотна, полис отличный и шикарнейший. Именно самый законный и есть, по нему вы вполне можете получать все медицинские услуги!».

И тогда Влад опять пошёл, уже взбешённый донельзя к регистраторше. И она, дура, не знала, с кем связалась и что её ждёт!!!

Влад начал вежливо:

–Дайте мне, пожалуйста, сударыня, талончик к доктору!

Вот вам мой плис!

Регистраторша по подлой своей привычке измываться над больным гнилым народцем стала Владу дерзить:

–Вам, сударь, надобно в платную медицину идти, полис ваш мне не нравится! Это неправильный полис! Такие мы не обслуживаем! Где ваша прописка? Где ваш паспорт? Где всё это указано в полисе? Нет-нет, номерок я вам не дам!

И тогда Влад рассвирепел, он изрыгнул на тётю напалм мата, который не хочу приводить. Он ей сказал:

–Тётя, я больной человек, по настоящему очень больной, очень-очень больной. Ты мне не перечь, тётя, ты дай талон, а то со мной сейчас случится припадок прямо на твоих глазах!

. Тут Владик для подтверждения своей припадочности засунул свою свежевыбритую голову в окошечко и стал скалить на прекрасную регистраторшу свои крепкие зубы. Она закричала и стала звать охранника. Охранник пришёл, выслушал аргументы с двух сторон и поддержал Владика. Действительно, чего это над больным человеком тётка измывается и не даёт ему талончик! Полис есть, пусть и не совсем такой, как у других! Бабища же была то ли глупа, то ли глуха, то ли слепа, она не врубилась, что имеет дело с бароном Липтопурком, который не привык уважать седые седины старЫх тЁтей в маразме. Владик, засунув голову в окошко, стал показывать по второму разу охраннику и регистраторше, как он

может укусить зубами во время припадка. Он зубами почти уже прихватил отпрянувшую регистраторшу за рукав. Тогда регистраторша, не найдя защиты в лице родного поликлинического охранника, нажала на антитеррористическую тайную кнопку.

Через минуту в клинику ворвались черепашки ниндзя во всём чёрном, с масками на мордах, с Калашниковыми на грудях. Они всех больных размазали по стенкам, в том числе Владика и охранника. Как размазывают подозреваемых по стенам- это все в кино видели. Народец в поликлинике обосрался от страха и приник лицами к стенам в позах раком и с поднятыми руками. И спросила группа «Смерч-антитеррор»:

–А кто здесь бандит?

Регистраторша с трясущейся челюстью указала на Владика, стоящего к стене лицом, к группе «Антитеррор» задом.

–Ты бандит? – спросили омовцы у Влада.

–Он не бандит! – стал объяснять тоже стоящий лицом к стене с поднятыми вверх руками охранник. – Эта стерва сама его довела до белого каления!

Тогда омовцы направили Калашниковых своих в рыло регистраторше и сказали:

–Старая манда! Ты чего тут устроила! Мы тебе голову разможим в следующий раз, ты нас от дела настоящего отвлекла!

Потом охранники гаркнули и на больных:

–Вы, б–и, трепещите! В следующий раз вас всех расстреляем! – и скрылись.

((((((((

Владик шёл по Невскому и сложился. Очнулся в больничке. Сосуды у него засахарились, то бишь засолились, или, в-общем, сосуды у него от неправильного образа жизни подпортились. Владу сделали операцию – сосуды заменили. Влад сказал, чтоб я его не навещала.

–Болезнь – это такое личное дело, тут надо одному, с самим собой, с врачугами пообщаться. Если чего сломалось – починить надо.

Мне нравится Влад, что вот он во время слабости уползает и прячется в норе. Хорошее животное Влад.

И опять у Владика глаза сели. Теперь вот сосуды в глазах у него полопались, наверное, от того, что пялился в комп беспрецедентно, ночами напролёт, всё выкачать весь Интернет мечтал. Врачи сказали, что восстановится, но можно аналог марихуаны в таблетках принять, восстановление пойдёт веселее.

Говорит мне Владик:

–Приходи ко мне и будешь моей овчаркой-поводырём. Мы пойдём с тобой по городу, и ты отведёшь меня туда, где дают таблетки, аналог марихуаны.

Я представила, как это скууушно. Владик такой весь тяжёлый, самодостаточный, неслиянный с миром, так он не

любит ничего в этой жизни – ни поэтов, ни художников, ни поесть вкусно, ни потусовать где-либо...

Звонит Гущин. Я ему говорю:

–Давай вдвоём станем овчарками Владика. Мужского и женского полу. Он совьёт нам верёвочки и венки из конопли, так и будем по городу ходить, втроём веселее, будем слепца Владика прогуливать.

(((((

Ещё Владик теперь всё время просит оружия. Он говорит мне по утрам какую-то полную хрень, типа, чтобы я на Троицком рынке купила бы ему гранатомёт, пулемёт, двустволку, пистолет и гранат побольше. Ещё Влад говорит, что заходил к воякам в военкомат и просил их, чтобы они его отправили в горячую точку. Влад охренел полностью, судя по всему, сидя у компьютера. Владу явно надо поразмяться, поработать физическим телом своим, куда-нибудь идти в ночь, нарываться на неприятности в виде врагов, таких же обхреневших мужиков, как и он, у которых тестостерон в жопе играет, мышцы и фаллосы их распухают, и очень-очень им надо чрезмерность свою заземлять. За самочек своих, за землю, за родину бить друг друга. Олени-рогачи, тоже мне, нашлись!

(((((

Я трахаюсь с Владиком, когда он не спит. Он такой круп-

ный красивый самец, у него такой какой-то орлиный нос после неоднократной слепоты выработался, вроде бы он не похудел, нет. Просто как-то стал построжее, как-то отстрадался, что-ли, красоте его это пошло на пользу. Да, Владик совершенный самец, какие у него красивые ножки немецкие, плечики куриные, грудная клетка костлявая, как это у него всё в гармонии, пропорции какие у него хорошие, и голова всё украшает. Пожалуй, большевата голова, но было бы меньше – и уже было бы мелочно. Благородные черты лица всё умягчают, примиряют меня с ним, как он ко мне ползёт хорошо на диван, сверху как туча синяя надвигается, возбуждённый, трепещущий, бритый наголо, весь-весь обнажённый без занавесочек романтических всяких, без барочных кудрей и украшательств, смелый и честный, какой есть – такой есть, скрывать нечего. И вот я смотрю на него, слышу его голосок приказывающий.... У меня уже сменилась частота дыхания на другой регистр, кошачий какой-то, расплавленный. Но вдруг что-то не то лезет мне в голову.

Социальные моменты всякие лезут. Этот лентяй, разгильдяй, нищенка, несостоявшийся мудака, у которого если я склёвываю крошку с руки, так это я склёвываю крошки, принесённые в его дом его мамой и братом трудящимся и милосердным! Владик типа кот лентяй некастрированный, валяжный, покоровивший и обольстивший всех своей важностью и красотой. И вот к нему кошечка приходит потрахаться, и котик ведёт кошечку к своей миске, гордый и смелый,

проявляющий благородство и рыцарство – на милая, поешь, мур-мур, видишь, как я галантен и нежен к тебе- да-да, вон ту рыбку, видишь ли, мне её выдают по выходным, а я с тобой, так и быть, поделюсь.

Тьфу, а не мысли в голову мне лезут в самый неподходящий момент...

(((((((

Саммит в Питере прошёл слишком тихо. На подъезде к городу, где-то в районе Сиверской, в небе вертелся прекрасный военный самолёт. Он аки птица крутился и так и сяк со страшным рёвом, будто красовался перед электричкой с дачниками. Мне позвонил революционер Богданов и предложил посмотреть на антиглобалистов. Их нигде на Невском не было видно. Вдруг из дворика, где сейчас филиал Британского совета, вышел Тони Блеер. Мне понравилось, что не было никакого ажиотажа, никаких быков-телохранителей. Лишь когда, помахав ручкой нашему народу, он стал влезать в свою чоорную машину, тогда вот два изящных, даже мелких молодых человека из его свиты приняли позы охранников – типа слегка отключили задницы и растопырили локти у зада машины. В-общем, если что- они наверно прыгают быстрее пуль. Антиглобалистов загнали на стадион имени Кирова, как во времена Пиночета было принято. Ужасно неприлично, на мой взгляд. Ну да антиглобалисты – это люди с особым вывихом в башке, часто вывих бежит впереди здоровой идеи

о судьбах планеты, но народ имеет право высказывать своё мнение наряду со своими правителями. Более того, на стадион к антиглобалистам никого не пускали! Это уж было настоящее нарушение свободы слова и собраний. Просто свинство со стороны хряков-ментов. Антиглобалисты вынуждены были пребывать в изоляции и антиглобалистски вести себя друг перед другом. Бред ужасный. Вот я антиглобалистка, и к антиглобалистам слиться в экстазе мне не позволяют! Ментов было у стадиона больше чем антиглобалистов раз в 10, может- в 50. Полное разочарование. У входа собралось уже человек 10- тех, кто антипоглобалистничать захотел. Мне понравился один чувак – у него под футболкой были намотаны провода, шланги, железки какие-то. Я даже стала остерегаться, что это антиглобалист-шахид. Или провокатор-глобалист. Хрен разберёшь. Там, в политике, всё амбивалентно. На любую акцию придумана провокация. Так что любая акция уже на руку противоположной стороне своими провокациями, и уже любое высказывание в нашем мире как-бы получает наколпачник с раздвоенным полюсом, и уже теряет свой чёткий смысл, так как тут же противоположная сторона нацепляет намордник, очерняет и подрисовывает типа усики. И вот этот чудачок сказал, что это на нём медицинское оборудование от какой-то болезни. Врёт, клоун сраный. Я его в других местах видела без проводков. На Невском потом поговорили с подростками у кинотеатра Родина. Они ничего не знают, раскрасили морды в чёрный траур а ля готика, уты-

кались пирсингами. Они даже не знают, что такое антиглобализм. Народ распластан в попсовом умилённом отупении и ни о чём не хочет думать. Хотя наверно так всегда было.

((((((((

Я дала Владу деньги, чтобы он мне купил самый лучший и самый дешёвый велосипед. Влад раз сто мне позвонил на мобилу, сообщая, что вот есть зелёный красивый, но не складной, потом – что складной типа аиста, но китайский и хлипкий. Наконец он радостно сообщил, что нашёл именно то, что мне нужно. Потом он долго ехал через весь город на моём дамском, без рамы велосипеде, потом доехал. Я села на велосипед чуть ли не впервые в жизни, я вспомнила, как меня где-то мимолётно учили, что справа педаль должна быть сверху, чтобы толчковой ногой отталкиваться. Я сделала победный круг на школьном стадионе, где до этого пыталась бегать, чтобы сгонять жир.

Меня изумляла память тела. Я бегала день ото дня всё лучше и лучше. Также и с велосипедом, я ездила всё лучше и лучше. С изумлением я узнавала, что велосипеду по фигу дыры, он нормально взгромождался на паребрики и спрыгивал с них слегка, как с трамплина. Я с изумлением видела коллег по колёсам. Это были мамы с колясками и старушка на инвалидной коляске, которую катала весёлая девушка лет пятнадцати. Только в пятнадцать лет не очень красивые, но нацеленные на добро и счастье девушки так уме-

ют любить своих больных бабушек. Бабушка была приятная, недавно парализованная, недавно обездвижившая, но с такой прекрасной внучкой нацеленная на позитив, девочка катала бабушку тем же маршрутом, что и я катала себя, мы намазывали круги в одном направлении – по подводника Кузмина, потом по Счастливой, я быстрее- они медленнее, но нас объединяло общее знание подводных камней- там ямка, тут лужа жуткая, которую лучше объехать, там будет трясина, а здесь вообще лучше проехать по дворам.

Второй мой маршрут был познавательным, я решила уехать как можно дальше на юго-запад, по Дачному проспекту и за него, до залива. Меня так тревожили эти чайки в небе, которые ежедневно по вечерам, красиво крича, летели в небо косяками в сторону залива. Где ты залив, хочу увидеть тебя! И я направилась по маршруту вечерних чаек.

Всё время приходилось переходить дороги, я через дорогу вела велосипед, я неуверенно себя чувствовала. Навстречу мне било огненное солнце, дымные дома сменяли друг друга, всюду шла стройка, всюду поражали гигантские супермаркеты и полное отсутствие домов культуры, люди новой цивилизации должны были бесконечно жрать и обустривать свои цементные норы всякими слоями и прокладками, линолеумами, утеплителями, обоями и плитками. Юго-запад был ещё тот райончик, метро было далеко, и каждое человеческое существо, измученное зависимостью от маршруток и автобусов до метро, норовило купить машину. Я видела за ру-

лём усталых тёток, девушек и дедков, особенно меня изумил дряхлый-дряхлый дед, ехавший мне навстречу по тротуару подле длинного дома на старой машине типа латанная-перелатанная «Победа». Красиво атели гроздья рябины на деревьях, выросших возле домов. Деревьев могло бы, и должно бы было быть и больше, в связи с катастрофическим количеством машин в этих местах. Там, где был залив, была какая-то насыпь и что-то промышленное за длинным забором. Залив увидеть так и не довелось. Вечно эти люди-мрази портят себе и таким эстетам, как я, жизнь, лишая болезненно самого желанного и красивого. Я так жаждала увидеть серый металлический залив под закатным белым солнцем в этот день!

В третий раз я разработала ещё маршрут. Я добралась до парка Александрино. Там были отличные дорожки гравиевые, по ним нужно было сильнее жать на педали, трение сопротивлялось. Я мотала круги мимо мамаш и папаш с колясками, почему-то много было приличных папаш, выгуливающих своих младенцев по парку, много было пожилых дам и старушек, гуляющих в основном парами и стайками, поддерживающими своё здоровье. Старые мужчины сидели на двух скамьях со столом в углу парка и дулись в разные игры, мне показалось, что в шахматы, домино и карты. Я набрала скорость и пронеслась мимо них, они на меня посмотрели. Потом я ещё раз четыре пронеслась мимо них со всё большей скоростью, они крякали, видя меня, у одного чуть ли кепку

не сдуло. Я подумала, что скоро у них будет для меня кличка «Гуля- ветерок». Типа: «Вот, Гулька-ветерок промчалась». Пару раз я чуть не намотала на колёса беспечных, собирающих корм белок. Белки были тут совсем распушенные, не боявшиеся людей. Кой-где они ели с рук людей орешки, особенно любили кормить белок пожилые четы, или одинокие мужчины и женщины.

В одном месте я увидела маньяка в тёмном углу парка-леса. Это был хилый молодой человек с подлой улыбочкой, он что-то нёс в пакете, он как-то всё норовил зайти в глушь, я мимо него несколько раз проскакивала, опасаясь, что он вставит палку в колёса, сшибёт, завалит, убьёт и испытает наконец-то таким противоестественным сложным образом свой хилый оргазм. Может, конечно, он забирался в самую нелюдимую глушь парка, чтобы пописать... Я решила миновать маньяка и свернула на узкую дорожку соседнюю. Но неожиданно навстречу мне по ней выехали на велосипедах два подростка-мальчика. Я попыталась объехать их справа, по правилам движения, но один мальчик поехал тоже справа, я дёрнула влево, и наехала на левого мальчика. Это был странный мальчик со смазанным ртом и носом, то ли волчья пасть, то ли немножко даун, у нас был такой одноклассник, умный, но со следами вины беспробудного алкоголизма отца. Мы с мальчиком мягко упали на грунт, сцепившись колёсами. Мальчик сказал мне изумлённо и возмущённо: «Вы что так едете!», я почувствовала ссадину на ноге до крови,

вот была бы гадость, если б кровь бы хлынула б и промочила бы брючину, тоже мне, веловелосипепедистка. Я сделал ещё пару кругов, боль стихла, но мальчик даун потряс воображение. Перед этим я читала в Интернете про ксенофобию, и вот оно наехало на меня- Ксенофобию, мальчуган со смазанным лицом в капюшоне.

Моё место на велосипеде как физического тела было непривычным, меня было много, у меня были расставлены руки и ноги, у меня появилась длина по асфальту и ширина, а также высота. Под прекрасно закруглявшимися ветками кустов и деревьев, растущих как бы специально антропоморфно, под человека, приходилось пригибать голову, чтоб ветки не дали по глазам. Трудно было лавировать между заставленными рядами машин и движущейся навстречу ещё одной бедолаге машине, которой нужно было проехать и куда-то приткнуться. Пешком когда я шла, можно было прижаться к машине и дать дорогу. На велосипеде часто было не разъехаться, приходилось вжиматься в щели. Я думала об автомобилистах, захапавших себе в два-три раза больше пространства, чем я. Они эгоистично попрытались внутрь своих коробок, под крышки, они там изнывали от слабости ненужных им мышц, там им нужен был только хороший глазомер и чуткие пальцы на рычагах.. Они воняли. Они дышали как человек, сжигая кислород и выделяя углекислоту, но делали это во сто крат больше. Каждый жалкий человечико на машине были типа как на стоголовом табуне коней, и эти сто

коней жрали кислород, воняли задами как сто лошадей, при этом они питались не возобновляемой травой, а невозобновляемой нефтью. Зачем такая мощь мелким людишкам?

Я же восседала на точке седла, как некий паук, я через зажатый зад держала всё тело и всю железную структуру велосипеда, мой зад был точкой сбора моего тела и тела велосипеда. Жир уходил из меня, тело собиралось, необласканное грубым любовником снаружи. Велосипед был моим скульптором, он лепил моё тело, он ласкал его, он его, где надо, подтягивал. Я вспоминала Влада, который в постели был застенчив и туп, пролетарий несчастный. Наши контакты с ним были эгоистичны до крайности, гладить его тело в бородавках, прыщах и родинках было сложно. Я гладила только его бритую голову, это было необычайно приятно, так как голова его в многочисленных жёстких колючках была как велюр, как искусственный мебельный бархат. Влад тоже был велосипедист, в отличие от меня, с полупрофессиональным прошлым. Его тело тоже собирала не ласка другого человека, а жёсткое сидение и жёсткая конструкция, приспособленная для бесконечно одинокого эгоистического тела.

Я всё время думала о соборности самой себя, что вот я так невыразительна и невидима из-за того, что вот до сих пор не собрана в точку, не нашла своего духовного велосипеда, этого жёсткого точечного седла, которое стало бы моим центром сборки, заставило бы трудиться все-все мышцы от макушки до пальцев ног и рук, которое бы вытягивало б мой

скелет и укрепляло бы вяленький такой мой позвоночник. Когда я найду свой духовный велосипед, свою могучую точку опоры, то всё переменится. Я стану Я, я соберу воедино тысячи моих Я центробежных, я отсеку вялые случайности, сконцентрируюсь на главном, оно даст мне и внешнюю форму, и одежду даст, и лицо у меня появится.

(((((((

Владик теперь одевается в магазине «Сплав» для охотников, рыболовов и охранников. Там нашили одежды из пятнистых военных тканей защитного цвета: и футболки пятнистые, и комбинезоны, и штаны, и кеды, и шарфы, и куртки зимние. Сапоги хорошие там продаются, на шнурках, на подошвах рифленых. Влад там всего себя одел. В карманы спереди на грудке защитного цвета Влад складывает всякие полезные вещи. Он кладёт туда сидишек и дивидишек штук по 10, нож свой тупой и чёрный, шуруповёрты и проводки для компьютеров. Владик же пиратище у нас, вот и носит пиратскую продукцию, распространяет её всюду бесплатно или за очень маленькую денежку. Он стал вдруг ярым врагом денег. Говорит, что всё должно быть бесплатным, особенно в сфере культуры. Фильмы, песни, музыка, стихи- всё должно быть доступным и бесплатным, пусть пользуются все, кто имеет потребность. Я абсолютно с Владом согласна. Мне вообще пираты нравятся. Они надкусывают мерзкую наёпку капитализмом людишек-баранов. «Капитализм- сдохни!», как пи-

шут на заборах вдоль железных дорог какие-то хорошие молодые, а может и не молодые люди.

И вот Влад теперь выглядит так. На животе у него куча дисков, как у кенгуру большого размера и к тому же самца. Сверху Влад, вечно мёрзнувший (так как не пьёт, ест экономно, калорий нет в его организме излишних), сверху Влад одевает куртку толстую на дутом синтепоне, защитного цвета, в пятнышках. На голове, который Влад аккуратно продолжает брить по мере зарастания, он шапочек не носит. На ногах у него шнурованные полусапожки из чёрной военной кожи. Так как карманы на животе переполнены, силуэт у Влада как у беременного десантника на сносях. Или как у пузатого офицера, который съел все солдатские пайки, спортом ни хрена не занимается, и пузо отрастил. Когда Влад идёт по улице, он вызывает уважение у ментов и военных. Они думают – вот немолодой бритый чел идёт, рослый, пузатый, видно, что наш человек. Без опознавательных знаков, правда, но весь военизированный.

И случилось чудо – у Влада перестали требовать его раскисшую ксиву! Вообще на него внимание милиционеры перестали обращать! Если бы Влад в таком виде был бы строен и тощ, он бы вызывал желание покочевряжиться над ним. Но с толстым брюхом – явно человек опасный, внедренный, накормленный. Вот такие дела.

(((((((

Я тоже занялась имиджем. Платье красивое моё так никто никогда и не увидит. Зато могут увидеть наружную одежду! Шла, шла я по городу. Увидела в магазине тканей тонкий искусственный мех под тигра, очевидно, для детских карнавалов. Он продавался со скидкой, так как был с дырками. Ещё продавался очень лохматый мех, тоже с дырками, очень красивого оттенка. Я купила мехов и за пару часов сшила себе шубу с клыками вместо пуговиц. Получилась шуба типа тигр с опоссумом, очень тёплая. Шуба одним людям нравится. А жена поэта Амелина сказала мне, что в шубе я напоминаю бомжиху или бурлака на Волге, тянущего баржу изо льдов. Я ей подмигнула, и сказала, что главное – это помонстрить, слаще удовольствия нет. Оденешься как все- это же скучно. А вот тигр с опоссумом всех сводит с ума.

Зашла недавно покушать в кафешку на Невском проспекте, так охранник начал за мной форменную охоту. Куда я протискивалась между узких рядов столиков, смахивая своим опоссумом чашечки, туда за мной устремлялся и охранник весь в чёрном. Так мы оббежали всё огромное кафе. Я поняла, что спокойно поесть под его пристальным наблюдением мне не удастся, так как он встал прямо за спиной у меня, рука у него подозрительно была напряжена в кармане. Может, он меня за дичь принял, и у него охотничий инстинкт обострился?

(((

Влада великий электронный музыкант драм-энд-бейса из Франции позвал на свой концерт. Личное приглашение именное выслал, в знак уважения к его бесплатному беспрецедентному пиратству в сети и вкладу в дело популяризации музыки в сети. Влад вывешивает ежедневно раскапываемую им музыку в сети на мировые сайты, их посещают миллионы меломанов всего мира. Правда ни копейки Влад не получает. Его рыцарская бескорыстность и разгильдяйство ещё более вызывают уважение к нему. Влад ходит по городу как рыцарь наших времён, в военных штанах, военной куртке, только без оружия. Его оружие - это выкачанные из Интернета фильмы и музыка на дисках, которые Влад бескорыстно по городу разносит на своём брюхе в специальных карманах.

В таком виде Влад заявился и в Мариинский Дворец, в мэрию нашу долбанную, ибо там знаменитый драм-энд-бейщик устроил свой концерт для избранной питерской публики. Влада охранники мэрские долго осматривали и обнюхивали, дивились его переднему карману под курткой. Но именное приглашение всё же сработало, не пустить не посмели.

Но Влад так и не услышал любимого музыканта и не смог ему руку его не виртуальную, а всамделишную пожать.

Как только Влад вошёл в высоких ботинках своих во Дворец, так сразу за ним увязался отряд охранников, ментов и уборщиц. Они делали на всякий случай вид, что просто так, по своим делам следом за ним идут. Но стоило Владу огля-

нуться, они тут как тут, целой стайкой, руки на оружии и на мобилах наизготове держат, но головы отворачивают в стороны- что вот мол, вот просто так за ним следом уборочной командой идут. Влад занервничал, он понял, что эта толпа его явно преследует, хотя делает вид, что просто так по коридору тянется в его направлении. Влад решил передохнуть, осознать, что с этими челами делать и покурить в сортире. Зашёл в дверь с буквой «М», засмолил свои чудовищные сигареты, дешёвые и очень вонючие, не вяжущиеся с местом, где работают насосанные, нажратые слуги народа. Только он вошёл в сортир, снаружи его тут же на ключ и заперли. Влад сначала не понял, стал дёргать ручку позолоченную. Не отпирается! Он стал мощно стучать в дверь. Тут дверь распахнулась, на Влада напало человек шесть в форме, его скрутили в миг и вынесли, как огромную спелёнутую мумию Тутанхамона на руках, прямо с непотушенной сигаркой в зубах. Засунули в машину, отвезли в до боли знакомое отделение милиции. Продержали до конца концерта и отпустили.

(((((((

Владик стал каким-то вонючим. Так как его комната набита тысячами дисков и компьютерным железом, комната его провоняла чем-то пластиковым и кисленьким, которое излучается пластиковыми коробками и лазерными дисками. Влад курит ужасно. И вот теперь его комната воняет особой вонью, смесью гремучей пластика, табака и живого тела.

Владик добился своего. Он стал киборгом, у него уже изо рта пластиком и лазерными дисками попахивает, все эти ингредиенты сплывились в одно, я думаю, что уже тут и микробы техногенные выводятся.

(((((((

Наступила весна. Я иду к Владу по Троицкому мосту через Неву. Май, холодно и солнечно, хотя уже вечер. Дуют майские ветры и несут, несут горы пыли и грязи. Над городом стоит жёлто-серый смог из взвешенных частиц. Я не понимаю, что это, почему это, такого жёлто-серого смога раньше не было. Заводы то стоят, не дымят. От машин? Машин сегодня мало, праздничные дни, народ уехал на грядки в садоводства свои, на шести сотках своей земли сидеть и о чём-то странном мечтать, какое-то странное удовлетворение в этом находить. Так что смог, висящий над городом, мне непонятен. В середине моста я останавливаюсь и смотрю на воду. Моё любимое занятие. Нева свинцово и тяжело бьётся под мостом, выбрасывая пену и брызги, к тому же идут останки ладожского льда, основная масса прошла, идут уже сходящие на нет льдины, похожие краями на пролитое молоко. Я смотрю вдаль. Я не узнаю город. Я как-то что-то проспала!

Город изменён в худшую сторону. Повсюду за панорамными красотами торчат серые блескучие колбы и коробки, берег до Смольного весь вдруг оказывается покрытым серы-

ми уродливыми домами из панелей, они такие крупные, что скрывают изящные белые колокольчики Смольного Собора! Нет Смольного Собора больше в панораме Невы! За крейсером Аврора торчит какая-то инопланетянская серая колба со шприцом сверху. Её, наверное, воздвигла международная наркомафия как знак порабощения города героину, как знак высасывания, бесконечного высасывания из похоти венденьжищ. Торчит ещё уродливая прямоугольная глыба над бывшей гостиницей «Ленинград». Гостиница и сама то по себе слишком крупная и серая, она и так то уродливо портила панораму Невы, превращая военный госпиталь классического стиля рядом в какую-то длинную ненастоящую игрушку. Вместо того, чтобы снести уродливую гостиницу, напоминающую о бедности и жадности советского вечно голодного периода, когда всегда было не до красоты, вместо этого за ней построили зеркального хамелеона, тело дьявола! Ибо дьявол пуст, он не самодостаточен, он присасывается к позитивной реальности, он её в кривом зеркале отражает, он говорит её словами, превращая эти слова в ложь и пустоту, он насмешничает, и пересмешничает, и гримасничает. Он сер и бесцветен, он не имеет тела и формы, токмо оболочку. Такова и пластиковая архитектура с серыми зеркальными глянцевыми боками, которую международные строительные транскорпорации всюду внедряют.

Я не узнаю свой город. Особенно ужасны разрушения дома на Зверинской улице, углом выходившего на Неву. Там

снесли крепкий изящный дом с лепниной. Кариатиды с дивными девичьими морскими лицами, они оказались крепки, их техника не смогла разрушить. У них отбили руки, над ними снесли дом, который они поддерживали. Вместо рук торчит арматура. Они похожи на истерзанных пытками молодогвардейцев перед расстрелом. Или на святых христианских мучениц, истерзанных римскими цезарями. Кто это сделал, зачем это сделал? Это Он. Тот, кто хочет качать и качать ненасытно деньги в своё ненасытное брюхо, это Лярва крупного масштаба. Она там воткнёт коробку мимикрирующую с зеркальными поверхностями, коробку постмодернистской пустоты и невнятности. Тот дом будет как больной в коме, весь на проводках и искусственном поддержании жизни. В нём будут кисленько вонять европакеты, будут попахивать низкие потолки из дешёвого пенопласта, будут вечно откалываться тонкие плитки. Дом, который снесли, был построен богатыми и нежадными людьми для роскошной и комфортной натуральной жизни, чтоб из высоких овальных окон сверкала синяя Нева, чтоб даже ручки на окнах и балясины на лестнице – чтоб всё было индивидуально сделанным под этот единичный дом в единичном сказочном месте на берегу Невы. Эту тонкую работу снесли, впердолят дешёвую архитектурную ложь, где солгали все – и архитекторы, и чинушки свиньи, и менеджеры, и строители, и риэлтеры, бездарные серые напыщенные индюки, засравшие мозги такому же тупому и серому нуворишу, укравшему деньги от

российских недр, газа, леса и нефти.

Я стою на высшей точке моста, мне хочется плакать от унижения и бессилия, но глаза тут же осушает пылью и машинными газами холодный майский ветер. Я поняла, откуда эта жёлтая взвесь в воздухе. Это смесь неубранного с зимы песка на тротуарах и пыльца от разрушенных старых зданий города.

(((((((

Собираются вот дома жилые на Шпалерке снести, пре-
красные старинные дома в завитушках и маскаронах, чтобы
всадить сюда, в сердце города, дома пластиковые уродливые,
которые везде одинаковы, во всех странах. И так-то набе-
режную Невы чудовищно испортили. «МЕГАФОН» и «ГАЗ-
ПРОМ» светят красным и синим огнём грубо очень, буквы
размером с этаж, в воде невской изящной эта похабень от-
ражается, убивая красоту мостов, Ростральных колонн, Пет-
ропавловской крепости. Я вот не пойму, отчего я, частный
человек, и все мы, общественный народ, почему мы должны
смотреть на эти уродливые надписи, за которые соответству-
ющие организации проплатили каким-то чинушам. Почему
одна частная фирма имеет право за небольшую деньги уро-
довать вид целого крупного города? Это что, в каком то за-
коне прописано, что частный шкурный интерес фирмы вы-
ше общественного и эстетического интереса целого города?

Ну не зря же город называют северной Венецией! Тайна

красоты- в тонком-тонком нежном колорите, когда всё из мелких витиеватых деталей состоит, разноцветных, в тонкой гамме. Когда розовое, жёлтое, серое, золотое, террактонное, когда белый орнамент и игра теней в лепном декоре. Когда Нева мерцает своими мелкими разноцветными волнами. Когда румянец северного больного неба перекликается с тонкой раскраской домов. А тут такие буквищи уродливые прямые и бездушные небо застили над Невой! Тьфу! Кругом грубые прямоугольные неигривые формы, локальные грубые серые цвета, и ничего, кроме серого современный архитектор не знает. Дома уродские из серого пластика торчат, коробки какие-то цементные заслоняют виды Невы. Хотят Башню Газпрома впердолить в берег Невы, вместо того, чтобы облагородить историческую панораму оригинальными и разноцветными малоэтажными особнячками. Тьфу, гадость. Идёшь по городу, и каждый день блевотина и гадость, блевотина и гадость, блевотина и гадость.

Людей на Шпалерке хотели объегорить. Летом устроили собрание жильцов, чтобы они подмахнули свои подписи по решению ЖКХ сносить дома. Народ вдруг опомнился, пришли все-все жильцы. Мохнорылые дельцы московские, которые хотели на фук развести жильцов, удивились. Но всё равно решили народишко глупый обмануть. Микрофон не давали народу, несколько часов несли всякую лживую хрень, чтобы народ обмануть, и чтобы потом оптом поставить подписи на снос. Вечно спящий Владик зашёл случайно, его кто-то

из жильцов позвал, за руку привёл. Влад пять минут послушал словесный понос, который несли инвесторы. Врать ведь легко – надо говорить слащаво, кругло, вставлять термины и воспевать закон и благо. Влад это сразу просёк и пошёл напролом в своей военной форме к микрофону. Его пытались не пускать, а он как бизон шёл и шёл, как такому бритому под ноль, рослому и страшному, с папиломами на ушах, отказать можно! Чиновнички испугались. Влад выхватил у жирного нежного инвестора микрофон из его заплывшей жиром нерусской руки в золотых перстнях, он гаркнул в микрофон: «А вы тут не крутите. Говорите немедленно и прямо: когда расселение? Сколько даёте за метр? Или где будете давать квартиры!». Инвесторы закрутились в пляске лжи, так как именно на эти вопросы отвечать не хотели, именно тут то и была их нажива – людей опустить, отобрать бесплатно и в полцены, а кой кого вообще со свету сжить, чтоб денег не дать. «И как там конституционное право на сохранность и доступ к культурным ценностям? А!», – строго добавил Влад.

Инвесторы тут вообще заверещали. Владик сказал: «Если вы сейчас на вопросы не ответите, так нечего людям и мозги парить!». «Ну, мы в таком тоне разговаривать с вами не будем!», – заюлили лживые нелюди. «Да, кстати, – сказал Владик напоследок, когда уже целая орава пыталась вырвать из рук его микрофон. – Если вы людей обманете, начнёте выселять кого, так тут дворы отлично простреливаются. Мы тут каждый поворот и нишу знаем. Из пулемёта тут от-

лично стрелять будет! И люки у нас тут большие, трупы легко туда заталкиваются. И вообще, сколько вы квартир хотите расселять? 248? Ну, так с каждой по 200 рублей, на киллера хватит. Адреса ваши найти несложно, базы данных в метро продают на каждом шагу».

Поднялся страшный скандал, собрание закончили, не собрав подписей, московские жиртресты быстро куда-то утекли. Жильцы минут пять сидели в мёртвой тишине и отупении. Когда собрание начиналось, все эмоционально и неконкретно кричали, а тут, когда на конкретные вопросы были получены конкретные ответы в виде исчезновения и испарения в воздух, тут народ как-то ошалел и призадумался. Потом все стали подходить к Владу и жать ему руку.

–Спасибо, товарищ скинхед. Вы нас спасли!,– так говорили они Владу.

((((((((

Вчера, в часу седьмом, зашла я на Чернышевскую. Нам с сыном Юрой надо было кой-куда зайти по делам, визы сделать. Неожиданно на меня что-то ужасное навалилось, внезапное расслабление желудка и кишечника, мистическое и столь могучее, что пришлось воспользоваться услугами биотуалета. Сейчас вместо фундаментальных домиков- туалетов с разветвлённой системой унитазов делают хлипкую, неприличную, звуко- и газопроницаемую кабинку биотуалета. Я еле выждала очередь из 5 человек, подпрыгивая и извиваясь,

отдала свою сумку сыну и вошла в кабинку. И так-то биотуалет- ужасная вещь, какая-то бадья пластиковая с кошмарной жидкостью колеблется, сесть на неё нельзя, надо ногами встать, а встаёшь- и упираешься головой в потолок, сгибаешься- и вообще не видишь, куда ты и что делаешь, если попадёшь в бадью- тебя оттуда обдаёт ответной волной, если промахнёшься- вообще можешь стенку туалета уделать.

В-общем, меня взорвало так, что аж все стены были уделаны и началась страшная вонь. Тётенька кассирша за тонкой перегородкой, бесчеловечно расположенная между двумя отсеками биотуалетов, вся зашуршала и стала опрыскиваться струями из освежителя воздуха. Ужасная у неё работа!

Но, блин, в кабинке не оказалось бумаги! Пришлось пожертвовать перчатками. Я долго ими утиралась и пыталась утереть стены, потом вышла из насквозь осквернённой кабинки, которой уже после меня пользоваться никто не мог. Я сказала Юре: «Быстро, быстро бежим отсюда, пока кассирша биотуалетная не вышла и не узнала, какой вред её предприятию я нанесла. А то она нас просто убьёт!». Мы резво убежали.

За углом Юра мне сказал:

—Когда ты вошла в кабинку, в этот самый миг, откуда ни возьмись, из-за угла появилась целая процессия высокопоставленных чиновников. Они важно осматривали дома во круг, и глава свиты сказала: «Что это за уродливая громади-

на стоит тут!»», – и указала в мою сторону. Я сначала подумал, что это она про меня. Потом понял, что дом старинный им не нравится, и его они хотят снести. Но тут ты стала так громко пердеть и вонять, что делегация с подозрением посмотрела на кабинки биотуалета, возле которых остановилась, и тут ты такой громкий звук издала, что все быстро ушли и забыли обсуждать дальше свои планы. Возможно, мама, ты спасла от сноса старинный дом!

(((((((

Мы с Юрой едем в Финляндию. Мы едем на красивом автобусе как раз мимо дома Владика. Владик мне звонит на мобилу как раз в этот миг:

–Ты где?

–Да я в Финляндию еду, как раз мимо твоего дома!

–К финикам? Ах ты, как всё просто теперь стало! Не то, что раньше!

Я слышу особые интонации в голосе Влада. Я чувствую всеми фибрами души своей, как Влад завидует. Гражданин мира, блин, который теперь по своей ксиве даже до Москвы доехать не может.

На границе на фонарях сидят три чайки и один баклан. Они орут, жадно всматриваются в выезжающих за границу, вырывают булку чуть ли не из рук. Мне показалось, что вот оно – явное переселение душ. В этих трёх чаек переселились души трёх умерших интердевочек. Эти чайки хорошенькие,

очень хищно жадные, готовые прямо изо рта у вас прокорм себе вырвать. Белёсый крупный баклан с хитрыми и жадными, чуть печальными глазами – это явно бывший фарцовщик, которого на том свете снизили в должности и воплотили в баклана, но зато и бонус – летай за границу туда-сюда, свобода полная, и вот он смотрит так печально, что как вот раньше нужно было надрываться, чтоб в Финляндию попасть и ихние товары покупать, их продукты кушать. А теперь – так всё просто. Мотайся туда сюда. Не дожил, бля, до свободы то....

(((((((

От журнала послали в Москву. Зашла на Винзавод, посмотреть, что там с искусством современным делается.

Я обошла весь Винзавод за 5 минут. Убогое зрелище. В одной галерее какие-то старые киноплакаты, очень милые, но очень мало, штук 7. Зрение насытилось ими за 2 минуты. Если б их было 77 штук- то это была б вкусная полезная выставка. В соседнем отсеке на стенах висели какие-то скучные, считываемые за сотую долю секунды хари негров и нацменов. Просто хари без выражения. Типа стильно. Ничего стильного, скучно.

Далее были в белой комнате штук 20 больших цветных размазанок. Фотограф внёс величайший вклад в искусство- он снял танцующих так, чтоб в кадре вышли размазанные пятна. Ну и что? Это не было красивым, завораживающим.

Любой фотограф делает такие снимки, вглядывается в случайную размазную, вроде как красиво. Потом плюёт, никакого смысла и красоты в этом нет, ничто не будоражит мысль. Гавно.

Далее была выставка социального репортажа величайшего фотохудожника. Он типа снял сценки из утреннего ночного бара. Ничего не запомнила, так как скучные фотки. Ну, колоритные негритосихи падшие, спившиеся, загулявшие на ночь одинокие блядищи и стрёмные чудики. Просто рожи, без взаимодействий, психологии, символики предметов. Ни одна извилина не шевелится ни у фотографа, ни у зрителя.

Потом была галерея Гельмана. Звучное яркое имя. Выставка- лилипутское гавно. Прости меня Гельман. Я знала одного шизофреника, вот он был склонен делать такие микроскопические рисунки, предельно аккуратные. Рисующие школьники рисуют такую хренашку в своих клетчатых тетрадочках, предельно аккуратненько так. Лепят из пластилинчика. Ничего креативного, ни одной штучки, запавшей и душу, пробудившей сознание. Ничего не запомнила- какие-то крошечные хренашки, дешёвые вялые поделки учеников с уроков труда в школе. Шизофрения. Запомнила сточенные цветные карандаши с красивыми спиралями-стружками в баночке. Но, блин, чего оно такое в натуральную величину? Если б были карандашища типа как колья, сточенные такими стружками-кудрями, вот это б вставляло. А так, ээх... Где искусство, мастерство, искусственность, отличаю-

щие мастера от фломастера?

Типа великое, очень дорогое искусство, сделанное великими современными художниками. НаёПка, больше ничего, наёПка! Имена художников были знакомыми, ибо вот влияние раскрутки на сознание, фамилии изломанные, звучные, типа стильные- вбил таки Гельман в бошки! Волшебная сила слова...

В соседней галерее явно что-то готовилось. В ведре лежали ломти арбузов. Вышел из тьмы Бакштейн. Я подумала- вот как так, бахча и Бакштейн. Притянулись.

Началась в 8 вечера. Великая выставка великого художника. Не помню блядь его фамилию. Величие этого заморского мастера состояло в том, что он создал некие маленькие скучнейшие фигни, заснял их на цифровое видео. И вот на пяти проекциях прямо на белёные кирпичные стены проецировалось величайшее, глубочайшее по величине искусство сего художника. На одном экране дрожала такая штучка, я в детстве такие на помойке находила, всё не могла понять значение и смысл этих деталек. Типа в стопку сложенные одинаковые пластинки, придавленные снизу и сверху, и ещё такие типа винтики наверху и внизу, чтоб куда то привинтить.

В-общем, бессмысленная фигня, если бы был образ, то это была бы рифма, было бы два предмета, или предмет и фон, или предмет и звук. А тут просто фигашка. И всё. Придумывай что хочешь, полная свобода. В основе никакого усилия, никакой идеи. Скучно. НАЁПКА!!! Следующая картин-

ка. Буква П, только большая такая, из тонких палок. Под ней ещё буква П, поменьше, внизу вроде как норка мышки, или дырка в стене. В –общем, скучнейшая неинтересная хуйня. Третий экран- вообще просто чего-то серое, вроде как грязная пористая стена крупным планом. Скучно даже смотреть. Вроде ещё что-то было, хоть убей не помню что. Дерьмо сраное мелкое такое плюгавенькое.

Великое очень умное искусство называется. Типа толстый сильный придурок плюнет перед тобой, потом поймает тебя тщедушного, начнёт душить, чтоб свои инстинкты диавольские потешить, начнёт тебя мухрыжить: «Ну ка, заморыш, скажи, что я сделал?». «Плюнул!». «Не угадал! Думай ещё!». И вот заморыш извивается, пытается думать, а думать тут не над чем, это НАЁПКА!. Чего не скажи, жиртрест будет измываться над тобой, куражиться, что это не плевок, что это пена Венеры, или брыльянтовая уточка. Вот такой мерзкой была эта лжевыставка.

Но какой был фуршет! Фуршетище! Рядами стояла водка Абсолют. Давно уже я заметила, что Абсолют любит выкидывать горы водки на такие вот сраные муравьиные мероприятия, бессмысленные, но наёпкистые, пафосные, с пустыми навешанными вокруг словесами вместо удовольствия от образов. Вышел Бакштейн и армянин какой-то, они что-то умное говорили, наёпковали народ, развешивали пустоту вокруг маленьких хуен на стенах. Собралась тьма москвичей, модная туса из подыхающего гламура, все бабы в чёр-

ном, типа траур по гламуру. Много «моделей», худышки такие скучненькие, как палочки, неинтересные, неживые. Понравился один юноша женственный, у него было тело, кудри, жопа, он был ни на кого не похож. Хороший. Вошёл какой-то маленького роста чернявый человечек с белыми зубами, все ему преклонялись. А так разговоров никаких. Одни восклицания, плямканья, намёки глазами, животные взборматывания. Все такие сдержанные, учтивые, затихшие от восторга, что вот попали аж в высшие гламурные слои общества.

Зато какая была жратва! В стаканчики бармены в чёрном, опять же ей-ей траур по гламуру, бармены туда клали куски арбузного мяса с косточками, мятные листики, толчёный лёд, вспыскивали ликёрчиком, потом- водку лили, сверху ещё листик, две соломинки чёрные, траурные. Я не могла оторваться, очень хорош был арбуз на дне. К водочному водопою, чтоб получить напитки из рук траурных барменов, выстроилась длинная медленная очередь. Так весь вечер и проходил в очереди, больше заняться было нечем. В центре зала красивый диджей с лицом кудрявого испанского бычка чего-то крутил. Я стояла сзади и хотела стырить из горы его дисков какой-нибудь просто так, Музыка иногда создавала иллюзию принадлежности к высшим кругам и иллюзию высоты достигнутого.

Это была туса мира моды, но одеты все были скучно, бесцветно, не запоминалось ничего. Один чувак пришёл в вязаной шапочке с ниточками, его все бросились фотографи-

ровать.

Потом пошёл закус. Официанты в белом носили на прозрачных стеклянных подносах квадратики блинного пирога с начинкой из шпината и рыбы, каждый квадратик был укутан в белую кальку и перевязан белой верёвочкой. После 5 стаканов коктейля «водка плюс арбуз» эти вот верёвочки стали сильно смущать. Всё как-то скучнее было их развязывать, чтоб закусить блинным пирожком. После 6 стакана уже хотелось съесть прямо с верёвочкой. Устроители это приняли во внимание, верёвочки были натуральные. На чёрных столбиках в 5 местах стояли бутылки абсолюта. Я всё на них смотрела и раздумывала, как бы их спереть, всё равно кто-нибудь сопрёт. Но всё было не время ещё. Потом в миг все бутылки спёрли. Пока я ела блинчатую трубочку с икрой в сметане, бутылки стырили. Вроде это сделали живые парни, бородатые, не пафосные, которые под конец пришли из другого мира, непослушного какого-то мира.

(((((

Я чего-то теперь всё время придумываю проекты. Меня хлебом не корми, дай проект придумать. Когда я с Владом делюсь проектами своими, Влад начинает беситься. Он аж брызгает слюной на меня, спорит со мной до хрипоты. Спорит о том, что «всё это ерунда», что «и ничегошеньки то у тебя не выйдет!», что «а вот и не получится!». Я говорю: —Дай помечтать то человеку! Может и не выйдет, но мож-

но попытаться, попытка не пытка, и вообще просто помечтать приятно о другой реальности! Ты не человек, а какой то тормоз! Вместо того, чтобы думать, как проблему решать, ты описываешь убийственные тупики. Так нельзя. Лазейка всегда найдётся!

Влад до белого каления доходит, опровергая осуществимость моих проектов. Будто лярвы в нём ненасытные беснуются! Вот не пьёт, а какие-то твари злобные в нём продолжают жить и вопить, мешают ему двигаться и осуществлять желания.

И вообще люди боятся нового. Сбывшегося боятся, названного, объективировавшегося. Пока муть и туман- всё отлично, все в благодущии улыбаются, всем хорошо, даже если им очень плохо. Привычно, всё обмялось под тебя в норе твоей,— значит хорошо. И свобода есть, есть мечта что «вот хорошо бы»... А как туман убрали, как поставили столб с чёткими стрелками, так всё. Злобу вызывает...

(((((

Я случайно подслушала разговор Влада с Мишей Взоркиным. Миша спрашивал у Влада, что тот делает для меня, какие подарки дарит, как со мной обращается, чтобы я давала ему потрахать. Влад похвастался: «Да я с ней хуже, чем с собакой обращаюсь! И денег никаких не даю, у меня их и нету». Ишь, говнюк! Может быть, если бы вместо меня была бы какая ядовитая змеюка засасывающая и властная, так

она бы заставила б Влада носиться как метеор в поисках бабла, и всё бы бабло б это из Влада б высасывала б, и он бы говорил, счастливый: «Какая баба у меня крутая! Высушила меня всего! Вот это жизнь!». Отношения между полами как борьба за бабло, дающее чувство полноты жизни, имеющее выражение количественное и в виде вещественных доказательств, – но я этого не люблю. Когда мои руки тянутся к деньгам, то они как бы вянут. Нет во мне деньгопохоти. Становишься похож на кролика-обывателя, а как же идти поперёк и помонстрировать?

И вообще Влад меня теперь Пуделем зовёт. Звонит, говорит: «Привет, Пудель!». Или когда я ему звоню, говорит: «Ааааа... Пудель! Куда это вы подевались! Я вас ждал, ждал, даже заснул. Обманщица!».

Теперь, когда я иду к Владу, меня часто охватывает депрессия. Я люблю всё новое, а у него всё старое. Ничего не меняется. От этого меня охватывает тоска, и часто я объедаюсь пирожными в кафе «Сладкоежка» по пути к Шпалерной. Так приятно посидеть в гламурном местечке, за стеклянным столиком, поесть из прозрачной тарелочки среди идеальной чистоты, перед тем как попасть в коморку ада. Всё же Владик живёт в адовой норе, где сизый дым висит пластами, где всюду толстый слой пыли, где Владик в омерзительной своей лягушачьей шкуре – в костюме спортивном нейлоновом из советской эпохи. Мне это ужас как надоело, как мне хочется лягушачью шкурку Влада сжечь, вдруг он принцем станет!

Часто ноги мои сворачивают, и вместо Владиковой норы я оказываюсь в другом месте....

((((((

Влад опять где-то за городом что-то кому-то строил. Потом была мужская пьянка. Пили мужики помоложе, это были какие-то ментовские начальнички. Они стали Владу задавать каверзные вопросы: «А чего ты, на Шпалерке живёшь, да? И как тебе то, что дом впердолили вам, что теперь смотришь по прямой, и в конце Смольный Собор же не виден, серый бок уродского дома его заслоняет? А?».

–Да никак я к этому не отношусь!

–Спокоен, да, что город твой родной уничтожают, доступы к культурным ценностям заслоняют?

–Спокоен!

–А то, что башню Газпрома воткнут, и будет Питер как какой-нибудь Нь-Йорк сраный?

–Да спокойно я к этому отношусь. Вот Шпалерка – улица прямая. Берёшь установку «Град». Один раз нажимаешь на спуск. И нет проблемы! Тот дом торчащий сразу ахнется, и опять Смольный собор будет улицу завершать!

Менты замолчали в глубоком раздумии.

–Это ты хорошо придумал. Тут, понимаешь ли, целые институты над спецоперациями думают. А ты так просто всё изложил... А людей в доме не жалко?

–Неа. Не жалко. Нечего было покупать в таком блядском

доме квартиру. Не люди это. И вообще, городом должны управлять потомственные петербуржцы. Те, у кого 4 поколения предков в этом городе жили. Только такие люди могут город беречь и развивать его гармонично.

—А как с Башней Газпрома быть? Ведь, суки, построят же! Нет бы на краю города бы построили, как Дефанс в Париже.

—Да тоже способы есть. Начнут строить- а им чумной холеры распыскать на гастробайтеров, которые херню строить .ту будут. Отправят в Боткинские всей бригадой- опять микробов напыскать. А если всё ж построят- так туда внутрь можно корабельных крыс напустить. Они всю проводку выжрут внутри, лифты встанут, замыкания, пожары начнутся. Или тараканов тоже можно специальных для этой цели напустить. Башня оплавится и оползёт. В п—у. На х—!

Настала мёртвая тишина....

(((((

Одноклассника Владика, Никиту Спиридохина выпустили из тюрьмы, где он 8 лет отсидел за убийство рэкетира, которое он совершил в 90-х. Никита Спиридохин вышел из тюрьмы как консерв истории какой-то, он всё ещё в тех временах живёт, которые давно территорию России покинули. Никита Спиридохин вышел из тюрьмы и первым делом решил купить на припрятанные деньги себе недвижимость за городом, земли решил прикупить с домиком. Но наткнулся на стальную шеренгу чинушек, которые требовали за каж-

дый шаг взятки. Спиридохин изумился тому, как изменился мир, после некоторых телодвижений он узнал, кто главный в этой очереди жадных до его денег свиней. Им оказался некий чинушка из района Ленобласти. Никита Спиридохин взял с собой Владика для компании, долго они ехали по раздолбанной трассе на джипе, вдоль шоссе стенами стоял бурый нескгибаемый зимними ветрами борщевик.

Вошли в кабинет. Чиновник, немолодой дядька с пузом и седыми висками, абсолютно нагло, в открытую, назвал очень большую взятку, которую Спиридохин должен ему заплатить, чтобы быстро и весело стать хозяином поросшей травой земли в неудобном месте. Влад даже изумился такому беззастенчивому открытому тексту.

–Ну, друзья, вы же должны понимать, что это не мне деньги пойдут, а моему начальнику, Амбросу Лермонтовичу. Он по чину не может брать, так что я у вас возьму и ему передам, и всё мгновенно срастётся, всё подпишу, выйдете из кабинета хозяевами земли своей.

Никита Спиридохин, заматеревший после тюрьмы мужик с наивными синими прежними глазами, вдруг неожиданно подпрыгнул к чинушке, ухватил его за шею и приставил к его виску неведомо откуда взявшуюся пушку. Как в кино, бля! Влад опешил, он такого поворота не ожидал...

–Так, Пётр Петрович! Ты мне одно скажи- мы по конституции живём или по понятиям, а?, -вопросил аки змий Никита Спиридохин.

Чинуша Пётр Петрович побагровел и засипел, извиваясь в крепких руках Спиридохина, который дулом пистолета уже как бы череп Петру Петровичу просверливал, внедряясь прямо в живой розовый мозг.

—По законам и конституции страна у нас живёт или по твоему щучьему хотению?

—По законам, по конституции,— прохрипел сильно забдевший Петр Петрович.

—Ну, так тогда подписывай всё по закону и по конституции, без взяток.

Пётр Петрович живо и учтиво подписал все бумаги, даже ласково улыбнулся, приводя в порядок красную шею свою с белыми отпечатками пальцев.

Никита Спиридохин и Влад вышли с нужными бумагами из здания районной администрации. Никто их не преследовал. Охранник внизу вежливо открыл дверь. Последствий у этого инцидента не было. Пётр Петрович никому не пикнул о случившемся. Ну, не поедет его Машка с сыном на австрийский горнолыжный курорт на весенних каникулах. Ну, так лохов то много, на майские точно поедет его семья куда-нибудь... Конечно, оно, того, неприятно, как тот сумасшедший уголовник пальцами на кадык давил. А ну их нах, воспоминания эти неприятные! Много, много землицы, поросшей бурьяном в его ведомстве.

((((((

–Влад, а как там твой змееборец сантехник Серёга пожи-
вает, кстати?

–Как раньше. Одно время на стройке работал. Он же ма-
стер на все руки. В вашем районе и работал, где небоскрёб-
чик у шоссе строили.

–А, та типа пластиковая длинная бутылка с тупым кон-
цом, типа как презерватив на члене?

–Во-во. Он там месяц проработал и ушёл.

–Платили мало?

–Да нет. Нормально платили. Просто технологии не со-
блюдали. Серёга посмотрел, посмотрел на всё это дело. Стал
возникать, что нельзя так. Ему говорят: не твоё дело! А как
это не его дело! Он сказал, что при таких чудовищных на-
рушениях технологий возведения высотных зданий дом этот
долго не простоит. Завалится быстро. А он, Серёга, грех на
душу брать не хочет. Ушёл он от них, расплевался со всеми
и ушёл. Им то что, засранцам. Построили, бабла набили на
счета в швейцарских банках и свалили в жаркие страны. А
нам тут жить.

–А змей Серёгин как?

–И не спрашивай. Жуткая зверюга.

(((((

И вот и Таня куда-то исчезла. Говорят, что уехала за гра-
ницу. То ли в Штутгарт, то ли во Франкфурт- один фрукт.
А, может, и не уехала. Просто полгода прошло, а её никто

не видел. И что вроде как сдала она свою четырёхкомнатную квартиру некоему Саиду, человеку с золотыми зубами и плохо говорящему по-русски, который взялся неизвестно откуда с «козликом», с микроавтобусом старым престарым, и на боку у него написан кривыми чернильными буквами маршрут «Проспект Ветеранов- улица Пионерстроя». И вот этот Саид всех пугает, я сама слышала не раз, как он нёс какую-то криминальную хрень о том, как надо кого-то из квартиры выселить, кого-то убить, потом он противно смеялся гортанно так. Потом начинал на наречии своём говорить с бородастым чёрным мужиком неприятным, музыка чужая из «козлика» обычно громко орёт, однотонная такая, зомбирующая музыка из его «козлика» вечно неслась. И смех у него очень нехороший... Говорят, что он занимается работорговлей и торгует проститутками. Все боятся его, а участковый милиционер- земляк Саида, жаловаться ему бесполезно...

Я шла по двору, и вдруг увидела, что в окнах у Тани висит много-много белья. Пелёнки какие-то, простынки, распашонки. Моё сердце радостно забилося. Враньё всё это про Саида! Не могла Таня Саиду сдать. Лучше б мне сдала, я бы платила немного, но регулярно и надёжно, я бы гнёздышко б там свила себе, рабочий кабинет, а то писать статьи негде. И вообще Таня так любила, как я пишу. Ведь у Тани две квартиры, а у меня ни одной. Ведь Таня молода, и как хорошо было бы, если б она была бы и добра. Чуть-чуть больше доброты к ближним, ведь я же ближняя. Не верю про Саида!

Оговорили Таню! Она такая осторожная была, так блюла себя, свою собственность, тело своё и комнаты свои! Нет, не могла Таня сдать комнату криминальному опасному Саиду в здоровом состоянии психики!

Пелёнки за окном! Наверное, Таня встретила наконец-то подходящего мужика, хоть чуть-чуть подходящего себе, и вот она втихоря вышла замуж, и родила ребёночка... Простынки! Пелёнки! Много-много белья каждый день! Ура, Таня вернулась, и не одна!

Я увидела, как из подъезда Тани выходит мужик какой-то, вдруг это и есть муж Тани, ведь всякое бывает! Я проскользнула мимо него, поднялась на третий этаж. Позвонила в Танину дверь. Дверь открыл Саид с золотыми зубами. Я даже испуганно отпрянула, так это было неожиданно. За Саидом в Таниной белой комнате на Танином диване из «Икеи» я увидела человек 8 разных возрастов и полов. Одни что-то ели за стеклянным столиком Тани, другие сидели на диване. Среди них меня поразила черноволосая худая женщина с младенцем на руках. Через всю комнату как в ауле было протянуто несколько бельевых верёвок, на них сушилось много разномастного белья. Я спросила у золотозубого:

—А где Таня?

Он мне ответил, лыбясь:

—Какой такой Таня? Не знаю я никакой Таня!

—Это же её квартира. Она тут жила,— шепчу я себе под нос, боясь быть услышанной.

Прошёл год. И Саид с аулом куда-то исчез. Теперь в Таниной квартирке живут две бабы грубого вида, похожи, будто из тюрьмы вышли...

(((

Шла по Литейному проспекту. Там ходила по тротуару какая-то жуткая бабища южная, страшная, сухая. Это была женщина-бутерброд, на ней было две большие фанерины, спереди и сзади, на них - цветной постер. Постер этот изображал добрую восторженную старушку в глубоком маразме. Она была похожа на добрую черепаху Тортиллу, морщинистая, с обвислой шеей. Под фотографией старушки была надпись: «Пропишу к себе без посредников». Сбоку шёл адрес юридической конторы и перечень услуг: «Помощь трудовым мигрантам. Прописка. Трудоустройство. Жильё».

Когда я это увидела, мне стало плохо. Я всё поняла.

Что ЭТО? По моему это копец! Друзья! Господа! Товарищи! Это копец!

ЭТО в виде больших постеров носят на спине какие-то чужие люди возле метро Владимирская и по Невскому проспекту. Носят среди бела дня. В открытую. Раздают всем желающим. Не верите? Приподымите жопу и сходите туда! Смотрите! Смотрите внимательно на это лицо-лицо этой старой черепахи в глубоком маразме и благодати, это наше с вами лицо, лицо петербуржцев, лицо русских! Это мы с вами - бросившие своих стариков, это наши старички со ста-

линским детством, не создавшие ни семей, ни домов, ни достойных потомков! Это наша европейская старая маразматическая харя, в которую открыто плюют иноземцы! Нас уже нет! Наша маразматичная политкорректная морщинистая харя открыто зазывает – придите, пропишу без посредников и дам себя побыстрей добить!

Даже и адрес цинично и беззастенчиво указан, где пришлецам подыщут подходящую старуху для убивания и заселения её квадратных метров. Вперёд! Вперёд!

По-моему нам всем петербуржцам пора собрать монатки и уйти пешком в леса из нашего города! Пусть наши квартиры заселяют южане, перспективная жизнеспособная нация с железной хваткой, способная пускать наших старух в расход, пусть они ездят по великому городу на «козликах», реставрируют наши дома самыми дешёвыми способами, не зная нашу культуру и историю, пусть они открывают свои магазинчики и перепродают нам мёртвые еврофрукты. Они делают, безусловно ту работу, которую русские люди делать никак не могут делать, и которая составляет основу экономики культурной бля нашей бля столицы!

((((((

Сегодня наблюдала сценку у метро. Мороз крепчал. У метро несколько пожилых женщин раздают газеты и план единства партии ЕДРО. Им холодно, они очень тепло одеты. Одеты в какие-то старые, изъеденные молью пальто, ко-

торым лет по 30. Одна из женщин вообще меня удивила. Мне сначала показалось, что она в костюме чёрного кудрявого медведя, типа символа России, только в нефти вымоченного. Это сейчас в моде живая реклама- ходят люди-бутерброды, люди-омары и т.д. Но потом я пригляделась, это просто эта женщина была в какой-то очень тёплой натуральной шубе из какой-то собачины, наверное, это прадедушкина шуба. Поверху на ней болтался голубой передник с предвыборной агитацией. На это так было стыдно смотреть. Этих женщин Россия опустила по самое не хочу, сначала отобрала у них их сбережения со сберегательных книжек, потом пенсии, совпадающие с прожиточным минимумом. Ну ладно, был тяжёлый период. Но уже несколько лет как ситуация для экономики России очень благоприятна- нефть качается миллионами тонн, барель стоит дорого. Стабилизационный фонд трещит от золота. И ни копейки ни идёт на людей. Они живут ниже прожиточного минимума, живут как скоты в рушащихся домах, в бараках и лачугах каких-то. И в планах власти нет ничего для людей. Ипотеки, кредиты- какие на фиг ипотеки и кредиты? Деньги в стране есть, они уворованы из недр, которые принадлежат народу этой страны. Если они не принадлежат, то это не наша страна, и мы ей ничего не должны- ни налоги, ни своих детей в армию, ни ходьбу на выборы..

Тут ещё подъехал на машине какой-то хер в дорогом пальто. Он подошёл к старухе-подневольному медведю и стал

шипеть на неё: «Вы передо мной отчитаетесь! Не забудьте!». Старуха –подневольный медведь послушно сказала : «Да, конечно!», и сунула мне деликатно предвыборную газетку, в которой Супрягин написал гигантскую статью, где не понимал, почему наши люди не хотят работать за рабскую зарплату, которая не способна восстановить потраченную рабочим силу. А он же изучал марксизм, он должен помнить о том, что для восстановления рабсилы нужно жильё, одежда, питание, расходы на транспорт, семью, жену, детей, образование и досуг. Какой нах досуг и жильё при зарплате 10-20 тысяч рублей, и при ценах в 100 000 долларов за квартиру. Понятно, что хоть усрись, у тебя никогда не будет квартиры. Рабочему нужно на жратву рублей 300 в день минимум. Ну, и считайте, что остаётся на всё остальное. 3 тысячи на квартиру, 3 тысячи на дорогу, а на жену, размножение и детей не остаётся ничего.

((((((

Болтали с астрономом Пайковым. Он вдруг вспомнил Столыпина. «Да! Человек был удивительной чести и достоинства, сейчас таких не бывает! Вот представляешь, он, смертельно раненный, без ног, приподнялся и в предсмертном состоянии перекрестил Николая Второго!». «Да, круто. Трудно представить себе чтобы какой-нибудь губернатор, подорванный террористом, благословлял бы на смертном одре Путина! Или чтобы немецкий банкир подорванный бла-

гословлял бы Ангелу Меркель. Разве можно представить Березовского, подорванного террористами, благословляющего Абрамовича?». «Нет, нельзя, люди уже измельчали. Нет таких, как Столыпин!». «Нет!»

((((((

У Влада теперь новая фишка. Он говорит, что хотел бы сшить себе кафтан бархатный, сделать шлем из металла, меч, щит, доспехи, и в таком виде по городу ходить. Я дико ржу, представляя, как высокий Влад лезет в латах с мечом в мелкомерную маршрутку, или как он по городу бредёт, позвякивая и постукивая. Я говорю:

–Влад, лучше всего в таком виде ходить на фарш несогласных. А то что за хрень: менты вооружены, в доспехах, с щитами и дубинками, а народ беззащитен своим мягким телом. И вообще красота: идёт отряд по городу, все в бархатных кафтанах, с мечами, шлемами и с железными панцирями на уязвимых местах! Любо-дорого смотреть! И лозунги несут против коррупции властей. А менты им навстречу. И так здорово можно шмакнуть железным мечом по ментам!

–Хорошая идея!– говорит Влад.

Мы с Владом идём по городу, болтаем, снимаем маскароннов.

Но тут я увидела маскарон невиданной красоты, который в таком освещении я ещё не снимала. Я быстро достала фотоаппарат...

К нам с Владом подошла русская женщина с какими-то квитанциями.

–Что вы делаете? Зачем снимаете?

–Я снимаю эту каменную деву – вон там, видите?

–Да! Ой, какая красивая! Как она улыбается странно! Удивительно! Я тут сто раз проходила, а навверх ни разу не глядела... Удивительно! Как вы так это заметили!

–А у нас целая коллекция. 4000 снимков сделали. Город рушат, сносят старинные здания. Вы не представляете, сколько уже домов погребло вместе с лепниной, с маскаронами. Многие наши снимки- это уже то, чего нет...

–Вы, значит, умеете видеть то, чего другие не замечают!

–Да-да! Это удивительно. Были такие случаи – я сфотографирую чудесную скульптуру на уровне третьего этажа, потом показываю человеку, который в этом доме 40 лет прожил, и он удивляется. Он ни разу за 40 лет головы вверх не поднимал, маскаронов не видел, красоту своего дома не видел.

–Да, люди будто спят. Ужас, что с людьми происходит. Мы, русские, потеряли веру в себя. Уже совсем завяли и поникли. Я вот хожу, квитанции разношу, чтобы задолженности свои платили. Так знаете, такая нищета кругом! Ужас. Целые семьи без работы сидят. Голодные, обносившиеся. Будто в сонном дурмане. Вот вы молодцы, что фотографируете, интересуетесь. Вот кто вы по профессии?

–Я строитель. Гуля – журналист.

—Знаете, я тоже строитель!— ожила женщина с квитанциями.— Я ЛИСИ заканчивала. У меня высшее образование. Меня вот удивляет, как ужасно плохо строители сейчас работают! Как плохо реставрируют! Должны же быть соблюдены технологии, материалы должны быть качественные. Такой красивый у нас город, его надо сохранять, а его как специально уничтожают! Вы, журналистка, вы пишете об этом!

—А почему вы строителем не работаете?

—А я не могу работы найти уже полгода. Всюду на работу взяли приезжих с юга, безграмотных, не знающих специальности. Мне предложили помощником маляра за три копейки работать! Не пойду! Не пойду я к ним работать, они и не умеют ничего, не знают, только напортят. Не буду я им в этом чёрном деле помогать! Лучше вот квитанции носить буду! Вот что делать? Сердце изболелось, что мы детям оставим? Руины после реставраций? Снесённую красоту? Что мы скажем нашим детям?

Я не выдержала и достала флаерс с безумной старой петербурженкой, предлагающей «прописать у себя без посредников» не нас с вами, петербуржцев, а южных трудовых мигрантов, которые отобрали у петербуржцев работу, прислуживают дьяволу, снося прекрасные дома и делая похабные «реставрации», губящие здания. Я показала эту картинку русской женщине с квитанциями.

Она увидела и всплеснула руками.

—Это конец! Конец городу. Конец России- сказала она.

)))))))))

Я куда-то еду на велосипеде, просто, чтобы пошевелить мышцами, еду вдоль трассы, которая отделяет край города от каких-то невнятных типа полей с сурепкой и кустиков, за которыми прячутся очень мизерные и жалкие, грустные, очень маленькие садоводства пенсионеров, и вдруг вижу сцену. На автобусной остановке две женщины пожилые, одна стоит, другая лежит. Возле них – тележки двухколёсные, которые так любят дачники, на скамейке лежит первый урожай- большой букет цветов, бережно перевязанный газетой, полиэтиленом и верёвочками. А женщина лежит, старушка такая милая и лучезарная, ну прямо как моя мать. Такая изящная старушка в бежевом летнем плаще, в тапочках-тенисках. А другая старушка наклонилась над ней, гладит ей руку и говорит что-то по мобильнику, скорую помощь, наверное, вызывает. И, наверное, это конец. Относилось изящное женское тельце.

И тут меня пробило на слезы. Я слезла с велосипеда, зажалась под мост, и не могла удержать рыданий. Вот так вот и моя мать в дачных бегах когда-нибудь рухнет, светлая и лучезарная и изящная снаружи, и что там она говорила и творила – это неважно, это всё глупости. Я и так то стараюсь избегать семейных змеиных клубков и яду, но не до такой степени, чтобы жалостью всё смыть. А тут, возле этой чужой женщины, и, может вторая старушка- она тоже чужая этой

упавшей дачнице, тут такие слёзы из меня полились, что не успокоиться было. Я ещё раз оглянулась – так там всё и было без изменений, аккуратная женщина лежала в той же позе прямо на асфальте, вытянув усталые ноги, вторая гладила ей побелевшую её руку, склонившись над ней и обращая лицо своё куда-то к небу, прося помощи там. А путь женщины, которая родилась при Сталине, была лучезарной пионеркой, потом сияющей барышней, потом замуж, наверное, вышла, дети были, внуки, а вот муж, наверное, давно умер сорокалетним, потому что как-то вот у всех мужья умерли молодыми, что-то было при совке, что мужская энергия не могла биться в тисках всеобщих производств, и вот она осталась одна, но всё равно была светла, энергична, радостно растила свои тюльпаны и нарциссы с пионами, счастливо радуясь по утрам на их прелести в росе, и вот путь её кончился, отбежала, изящная...

(((((((

–Владик, а что стало с тем человеком?

Я имею в виду того московского чела, в задницу которому Влад всадил спидоносную кровь своего Попа. Я вижу, что Влад понял слёту, о ком я говорю.

Влад выпускает струю вонючего дыма дешевых сигарет, которые он курит по несколько пачек в день. При моих словах он запускает в меня острый свой, красный от дыма глаз.

–А-а-аа, тот чел, который мне деньги не заплатил?

–Да, я про него тут что-то вспомнила. Всё же, я думаю, ты вряд ли его заразил.

–Заразил. По полной программе. Положительная реакция подтвердилась. Он сошёл с ума. Самым настоящим образом он сошёл с ума. В психушке лежит. Трус оказался. Сошёл с ума от ужаса. И чего сошёл? Поп то вот живёт. Ну, в больницу раз в год кладут... Он пытался на меня в милицию пожаловаться, но ему никто не поверил. А потом он совсем скис и реально сбрендил. Заговаривается и всё такое. В дурдоме лежит.

–И всё из-за того, что не заплатил вовремя зарплату...

(((((((

Была в галерее «Три ерша» на открытии выставки. Выставку описывать не буду. Не произвела впечатление. С художником Гуциным мы выпили абсента из пластиковых стаканчиков. Божественный напиток! Помня о слепоте Владика, я выпила немного. Но нервы как-то сладко заныли, будто усилились все впечатления жизни.

((((((

Лучше бы они не усиливались! Утром открыла глаза. А по телику- ну ничего такого, как всегда, но мне вдруг всё это показалось ужасно унижительным. Какое там единство нах? Единство между олигархами и миллионами изнасилованных и прибитых блох? При зажористом капитализме, его высшей монополистической стадии, в которой мы очнулись,

когда не охнуть ни пёрнуть, всё схвачено – никакой свободы предпринимательства, творчества, бизнеса, одни гигантские международные спруты всюду всех душат своим наёпистым низкокачественным товаром, какое при нём может быть единство, между кем и кем? Между слугами пищащих товаров и теми, кому насрать на свой народ? Мне всё казалось, что это видения от абсента. Если б они просто делали индустриализацию и повышали б надои молока, то страна бы была бы более стойкая, но они этого не делают, а просто хорохорятся и обещают, обещают, обещают. И сколько можно обещать, и делать всё плохо, отдавая на высасывание коррупционерам, международной шпане и потерявшим всякую совесть отечественным жадным мразям. Говорят, надо высосать всю нефть, пока она кому-то нужна, сначала нажрут-ся крупные акулы, потом помельче, а там и народу крошки достанутся. А после нас что потоп. А ведь Столыпин говорил, что это позор перед потомками- высасывать и истреблять невозобновляемый продукт природы. Надо опираться на возобновляемый!

Шоу жадных дебилов.

Позвонила Елена-философ.

–Это что творится, а! Они же высосали и продали все наши недра, а деньги на страну не идут, дома и дороги не строятся для людей, метро захирело, производства национального нет! Голландскую капусту едим и израильскую морковку, а Ленобласть стоит поросшая кустом... Леса все выпилили..

–По-моему нас оккупировали инопланетяне. Они оккупировали всю планету, они хотят, чтобы все земляне сдохли от безработицы и плохого искусственного питания, чтобы на земле никто не выращивал пищу натуральную, чтобы все поглупели от телевизора и глупых газет, чтобы процветали пидерастия и извращения, чтобы семей не было, детей не было, не было мужчин и женщин, чтобы культура умерла. И чтобы они держали все деньги и всю власть. Только зачем она им нужна? Они же такие неигривые! У них же нет фантазии! Только игривые бескорыстные люди могут создавать главную ценность – красоту, изящество, весёлые мультики, умное кино о добре, вечные ценности культуры..

–Что они там врут ! Как это остопо–о!– ругается матом кандидат наук Елена.– У нас вот закрывают наш вуз, итак студенты приходят небывало необразованные, а мы их хоть чуть-чуть просвещаем. А теперь и этого не будет. А гундосят о том, что всё на благо России. Или они сошли с ума, или я!! Или они так врут- и нашим и вашим, чтобы обмануть типа врагов? Уже логика отсутствует, и я уже ничего не понимаю про нашу власть. Складывается ощущение, что Россию ведут на заклание, осуществляя невиданную в истории ложь. Что нас ждёт чудовищная национальная катастрофа.

–Ленка, а мне казалось, что это у меня от абсента! Вон оно как всё обернулось то.... Мы им, Ленка, не спустим! Нельзя жить по лжи. Нельзя, нельзя....

Я ночью пошла вдруг к старшему сыну Юре и стала умо-

лять его, чтобы он уезжал из нашей страны. Я сказала Юре: «Ты знаешь два языка, ты учился в хорошей гимназии, не то, что я. Уезжай отсюда! В этой лжи жить нельзя! Они заставят тебя кричать «Слава властям!», а сами будут обезоруживать и истощать и разрушать страну и её народ до последней капли. Тебе это надо?». И Юра мне сказал: «Мама, мне тоже не нравится этот мир. У меня нет родины. Эти хрущобы и помойки, эта наркота и гопники- это что, моя родина? Так мне всё это не нравится, что тут два способа есть избавиться от всего этого. Уйти из этого мира. Или переделать его. Мы переделаем этот мир, мама! И никуда из этой страны я не уеду, это моя страна».

Утром я рассказал о своём ночном разговоре с сыном Лене.

–Какие хорошие слова сказал твой Юра! – так сказала Лена, и мы обе расплакались.

))))))

А на работе у нас устроили праздник для рекламодателей. Пришёлся он на страстную пятницу. Сняли дворец кого-то из братьев Романовых на Неве, он оказался внутри в отличном состоянии, тут при совке был НИИ военный какой-то, и вояки дворец этот в сохранности оставили, стены и колонны на еавроремонтник из гипсокартончика не перестроили, витражи не разбили, люстры пока идентичные, и за это им хвала и слава. Дворец с его мраморной лестницей, огромными ок-

нами округлыми, с колоннадой в зале- он был восхитителен.

Хозяева решили выпендриться, и при входе всем давали на прокат исторические костюмы, чтобы создать совсем уж истерическую атмосферу великосветского гламурно-лавочного счастья. Дам наряжали в платья с декольтированными спинками и пышными юбками до пола, мужикам доставались костюмы гусаров, фраки, белые манишки и шёлковые банты.

Был фуршетище, и рекламодатели от ювелирной фирмы сказали, чтобы народ ел тарталетки и канапешки с осторожностью, в одну из канапешек будет спрятан необыкновенный розовый бриллиант в 0 5 кажется карат. Кому-то он достанется! «Так что призываем быть предельно осторожными во время нашего прекрасного фуршета», – так говорил ведущий в микрофон, потея лицом от духоты, от не очень удачных попыток развеселить собравшуюся чванливую гламурную публику, состоящую из состоятельных товарищей с поджатыми губками.

Товарищей можно было понять. Они проплатили журналу немалые деньги, и теперь их опять же вроде как за их деньги заманили веселиться и расслабляться, и карнавальничать, и кушать, и пить, и плясать и хохотать, и знакомиться шерочке с машерочкой. И ещё придумали- типа складчины. Одна фирма кормит, другая поит, несколько других делают подарки- под видом рекламы своих услуг. И все довольны. Тарталетки на фуршет делала одна фирма, а другая ювелирная –

выставила свой бриллиантик.

Я была расстроена и зла. Очень громко орал микрофон, нарушая историческую реконструкцию, подавляя волю к жизни. Люди были не привычно богемные, из незнакомого мне мира, какие-то дамы и девицы причипуренные, редкие их кавалеры счастливого доверчивого толка. Девицы на выданье пришли поакулить и половить женихов. Женихи не пришли, побоялись переодевания в благородных гусаров. Или вообще они в эту страстную пятницу привычно пошли по особо опасным борделям предаваться особо скорбным страстям. Девицы по залу ходили красивые и нервные, по высшему петербургскому 19 века разряду разодетые, страстно страдающие от того, что молодость проходит, а Евгения всё нет. Мне поручили изображать светскую поэтессу, почитать стихи, но не хулиганские, а благопристойно юмористические. Я заложила бумажки на нужные страницы, и пошла обжираться и оппиваться на фуршет. Бархатное бордовое платье сильно сжимало безвольные мои бока. В зале было темно, как у того негра в заду, свечей устроителям не разрешили пожарники, поэтому по залу шарили разноцветные лазерные лучи, ещё больше создавая нервозность. Я жрала сама не знаю что, так было очень темно. Только на вкус становилось понятно, мясо ли там, либо рыба. Попалась пару раз жёсткая креветка, орешки вроде какие, ещё что-то. Есть впотьмах всё же как-то неприятно. Я наткнулась во тьме на знакомого фотографа, тот был с молодойкой, со студенткой,

наверное, какой. Я прижалась к его столу с его девицей. «Батюшка, а женщину в пост можно? – Можно. Только не жирную!», – рассказывал анекдот фотограф. «А жирную нельзя!», – так он сказал мне, и мне показалось, что я особо жирна и нехороша среди этого пиршества гламура. Я пошла, и выпила много всяких горячительных напитков, чтобы убавить горечь сердца. Я была лишняя и дикая на этом пиру жизни, и мне ещё нужно было всех этих богатеньких молодых сучек веселить! Зачем? К чему? «А мы тебя раскручиваем бесплатно!», – такую странную фразу произнесли мне рекламодатели. «Зачем меня раскручивать? Бесплезно всё это!», – так думала я. – Всё равно денег нет и не будет, молодость моя и красота ушли, зрелость моя пришла, а плодов не принесла, ибо они запоздавшие». Ко мне подбегали устроители и пытались у меня расспросить, что я буду читать, чтоб я им показала. Они видели по моей угрюмой хारे, что я мрачна, и затеваю недоброе. А мне просто очень хотелось потихоньку слинять. Но я как бы окаменела. И ещё как следует выпила. «Не напивайся сильно», – сказали мне устроители, и я решила сделать наоборот. На сцену вышла вереница из девиц -Наташ Ростовых в бальных платьях, ведущий что-то громко орал в микрофон, говорить с девицами в микрофон мне не дали, всё время выхватывали этот громкоговорильный пухленький фаллос. Я чего-то буркнула, дарители призов чего-то перепутали, и вообще они где-то в кулуарах заблудились, произошла сумятица, потом меня вытол-

кали на середину зала, я хотела читать наизусть про лысого одуванчика, но ведущий был в поту от тревоги за меня, он шептал мне: «Не волнуйтесь! Вам помочь?».

Я забыла, что хотела читать наизусть, и открыла свою книжечку. Она почему-то открылась на стихе «О, Влад, ты изменить хотел, мне говорят, с каким то странным и большим самцом! Какого хрена ты полез к нему, к богатому и жирному еврею?». И т.д. Я пялилась в стих и понимала, что ничего кроме этого стиха, в котором я воспела попытку Владика изнасиловать Мишу Взоркина, я прочесть не смогу, так как нужный стих куда-то исчез, а вместо него черти мне подсунули именно этот. Я вздохнула, и стала читать то, что было перед глазами. Стих кончался метафорически. Лысый скинхед Влад был связан богатым и жирным евреем, он просил: «Развяжи», а еврей не развязывал, говорил: «Это жизнь!». Я читала в нехорошо притихшем зале, сама всё более оробевающая от своей наглости, сама себе удивляясь, какое глубокое пророческое стихотворение про Россию я написала! Тут я заметила всё более тяжёлый взгляд нашего директора, безукоризненного красавчика с красивой укладкой, одетого типа как Барклай де Толи. У меня вырвали микрофон, и всех позвали немедленно приступить к танцу ча-ча-ча. Я, подавленная, вжалась в ближайшую стену, а в зал вышел наш директор с главным бухгалтером, они стали очень зажигательно и элегантно выделять фигуры из ча-ча ча, чтоб развеселить рекламодателей и зашпаклевать нехорошее от меня

впечатление, наверное. Я плелась домой, еле волоча огромный букет, в ушах моих звучало ча-ча-ча и мелькали обращённые ко мне любопытные глаза мужчин после моего стиха. Вроде как все они были богатыми и жирными евреями.

Утром в день Светлого Христова Воскресенья я почувствовала страшную резь в кишках. «Отравили, демоны», – подумала я смиренно. Боль шла по кишкам, а потом я пошла в туалет и при попытке дефекации из меня с кровью выпал какой-то квадратик с розовым глазком посередине. Он был похож на пластиковый квадратный пакетик, в нём было что-то красноватое. Я решила, что это особый сорт глиста какого-нибудь, может, голова его отпала. «Какая гадость!», – подумала я, и смачно спустила воду в унитаз.

Боль в кишках прошла. Я пошла возлежать после перенесённых мучений на диван и размышлять о жизни. «Ой, а это, наверное, был тот бриллиант в 0,5 карат!», – вдруг я поняла про то, что из меня выпало.

Бог меня любит, он меня метит, шельму! Из нескольких сот человек, что были на вечерине, бриллиант сожрала именно я! Бог дал мне испражниться розовым бриллиантом! Все на вечеринке хотели бабла, а я его в буквальном смысле спустила в унитаз! Именно мне суждено было физическим действием показать презрение к благам земным, и деньжищам, и сокровищам!

Христос воскрес!

(((((

Я лежала на своём диване, истерзанная пережитой болью и раздумиями о смерти, и вспоминала Владика. Год назад он безобразно запил. Пять лет не пил, а тут запил как чёрт. По телефону звонить ему было бесполезно, он либо спал и не снимал трубку, либо бормотал такую пьяную чушь, будто теперь пьяные сосущие лярвы не просто зажимали ему носоглотку, но поселились у него в мозгу. Будто это не он говорил, а за него говорила сломанная скучная машина. Вообще было впечатление, что он во власти белочки.

Я вспоминала красоту Владика. Меня вдруг пробило на слёзы. Владик ведь красотой своей изысканной мужской превышал других мужчин, и рост у него был хорош, и стройность, и ноги и руки, и глаза были большие, и нос был как у красивого демона-маскарона, и губы красивые твёрдые, и зубы ровные и крепкие, и голос яркий, богатый и красивый. даже и Вспышкин отметил, что хорошо бы Владикау петь с таким ярким мощным голосом. Природа и мама с папой хорошо поработали над этим человеческим созданием. И что оно с собой сделало? В какую поганую плесень превратило! Какую бесполезную жизнь прожило, так и не состоявшись! Злодейское мировое пиратство и бесплатная раздача награбленных сокровищ из мировой сети- не в счёт. Не своё же раздавал. Уродился творцом, а прослужил лавочником, перепродавцом чужого товара, пусть и без денег. Кстати, а на что он пьёт? Маменька с братом-предпринимателем, похоже,

денежку дают. Хотя он ночью как-то звонил и бормотал, что ему за его музыку богатые евреи подарили пять ящиков водки, и вот он с тех пор не просыхает.

Я стала дальше подробно вспоминать Владика, его алчность чудовищную, его нежелание взять на себя ответственность за меня, моих детей, его стремление возвыситься над мной пошло и мелочно. И где мужское великодушие, умение отречься от себя во имя того, кого любишь? Я же снизошла к нему, замутив сознание своего богатства, я же примитивизировалась навстречу ему, чтобы обладать им. И вот что было эти 7 лет, что мы были любовниками? Ни разу не была я с ним счастлива во всю ширь и глубину, вечно было ощущение такого приспускания в ад. Придёшь к нему, в его адскую антисанитарию, где грязный пол, покрытый фантиками, окурками и грязной обувью, и всё до синевы прокурено, и лежишь у него на диване, как хабарик на дне унитаза. И хочется после погружения в божественное и прекрасное соитие с этим красивым голым человеком побыстрее удрать из этой скорпионовой нечеловеческой норы. Будто побывала у средневекового воина под кибиткой, в грязи, в копоты, гниющей крови. Зато типа мужик... И никакие бантики мои ему не нужны, очередной раз микроскопом, то есть мною, забивали гвозди...

И как же дети мои? Семь лет прошло, выросли они уже, выросли в чудовищной норе моей бабской, провоненной старрой бабой и бабой помоложе, без всякого мужского духа, в

норе, состоящей из истерик, бабьих лилипутских щипков, укусигов, булабочек. А как мальчикам надо видеть мужика настоящего, крепкого, с крепкой сталью внутри души, а не это мяконькое мяско бабское удушающее. За семь лет Владик ни разу не нашёл сил в себе придти ко мне на кухню, приготовить мяса для себя, меня и мальчишек моих. Ни одного часа не нашёл в сраной себялюбивой жизни своей, чтобы подарить его мальчишкам моим прекрасным, истосковавшимся по мужчине. Клоун похотливый и пьяный. Нет тебе прощения. Из мужских поступков твоих – ну ремонтник мне сделал на кухне, когда мальчишки на даче у бабушки гнилой в юбке огородной гнилой её сидели. Ну, сирень обломал с соседнего газона. И никакой силы не нашлось в тебе, чтобы пойти, заработать по-мужски ради меня на тяжёлой мужской работе, принести огромный шмат денег и кинуть к моим ногам, уставшим от бедности и потёртой обуви из секунд-хэнда. Гадость. Гадость! Будь ты проклят, Владик!

))))

Владик позвонил мне почти трезвый, потребовал немедленной встречи. Он так упрашивал приехать, что я сорвалась и помчалась к нему на встречу, хотя мысли о Владике вызывали у меня только ужас и ощущение крошечного безысходного ада. Чтобы избавиться от этого ужаса, как-то подсластить его, как-то прикрыть красивой тряпочкой, чтобы кошмарика не видеть, я решила совместить неизбежное с при-

ятным, назначила Владiku встречу в новой художественной галерее, открывшейся недавно в старом доме на двух первых этажах.

Владик стоял у дверей галереи во всём красном, в капюшоне. Шёл дождь, капюшон его алый и куртка блестели от воды, как смоченные слезами.

– Гуля! Гуля!, – назвал он меня по имени, что делал крайне редко. Обычно всё «Черепяхин», иди «пудельный штрудель», а тут по имени. – Гуля, я проститься с тобой пришёл.

– Уезжаешь, что ли? Далеко? – усмехнулась я.

– У меня нашли рак на последней стадии, завтра я ложусь в клинику, и я оттуда, наверное, уже и не выйду. Я поэтому и запил, и пью. Прости меня за всё, если я чего набедокурил. Давай поцелуемся последний раз.

Я поцеловала его в его сухие губы, нежное электричество пробежало меж нашими мёртвыми ртами.

– Да ты всё врешь! Это пьяные бредни! Хватит клоунить! Знаем мы вас, алкашей, – сорвалась вдруг я на крик. – Мне плевать на тебя! Я в галерею иду, там сейчас дискотека будет.

– А мне можно с тобой пойти туда?

– Не можно, а нужно! Ты, такой красивый и талантливый, что ты с собой сделал, сука! Докурился! Допился! Я киборг, я хочу нюхать из выхлопной трубы, я люблю только всё синтетическое! Поменьше человеческого, натурального! Побольше техники и мертвечины! Доигрался, придурок

долбаный!», – я орала и даже пыталась ударить Владика в его худые плечи. На нас смотрели люди, которые пришли на выставку. Девушки стильненькие, мужики средних лет – художники и поэты.

Мы вошли в галерею. Хозяин снёс нафиг все перегородки, обколупад красный кирпич, обнажив красивую сущность первого этажа с большими окнами и сводчатыми потолками. Посреди стояла инсталляция- кусок натуральной машины, вмазанный в бутафорский огромный сыр. Чушь какая-то, но с гниловатой вялой весельцой. Стояли ярко зелёный стулья без сидений, у пульта наяривал музыку диджей молодой. Музыка у него выходила скрежещущая и гадкая.

Владик, увидев пульт диджея, пошёл к нему, как магнитом притягиваемый. Встал рядом, что-то диджею стал говорить, тот ему – улыбаться в ответ. Потом парень отошёл, а Владик встал плотно к пульта, пробежал по клавишам. В зале раздалась иная музыка. Весёлая, моцартовская, пронзительно раскачивающая от глухих низов до дурацкого щебета небесных птиц. В зале все заулыбались. Девушки и парни в штанах с заниженной задницей, будто в штаны наложили, стали раскачиваться в такт музыке всё более живо. Кто-то уже стал и скакать. Владик царил над залом. К нему влеклись глупые девушки, заметившие его красу и гармонию. Он ничего и никого не видел, стоял в своей алой курточке и весь улыбался музыке, которая внутри и снаружи его звенела и переливалась, крича о радости, удали, иронии и дурацкой

насмешке.

Я прижалась к колонне из красного кирпича, и слёзы навернулись у меня в глазах. «А что, ну вот он какой, как птичка небесная! Создан не для бытовых потуг, а для пения и щебета и порхания, ах как хорошо! Ну, вот он какой! Прощай, Владик!».

2003

Приложение.

Стихи Гули.

БОРЬБА С ВОЛОСАМИ

Под душем струится, струится вода.

Под душем ты можешь увидеть Влада.

Владик – красивый и крупный самец,

Его раздражает, увы, волосец.

Когда- то он хиппи молоденьким был

И волосы гривой могучей струил.

Любил анашу, героин, кокоин,

И джинсы в цветочек он также носил.

Но юность умчалась, как сон, навсегда,

Влад взял и подстригся-

Прощай, борода!

Прощай, конский волос до самых сосков.

Увы, я не юн, но я молод и нов!

Шагает по Невскому, стилен и лыс,

Наш Владик, лучащий из черепа мысль!

Но этого мало, но это не всё.

Влад любит во всём – апофеоз.

Влад понял, как классно житьё без волос,

Он хочет быть гладким, как мраморный торс.

В ларьке он увидел чудеснейший крем,

Он волос снимает с поверхности тел.

Один только тюбик – и волос спадёт,

И дама счастливой опять заживёт.

–Мне тюбика мало, я крупный самец!

Куплю-ка три штуки – и делу венец!

Под душем струится, струится вода,

Растительность с тела спадает Влада.

Но волос на теле – непобедим.

План быть безволосым – неосуществим.

Начало животное бесит Влада.

Он бритвой опасной наносит удар.

Волосы можно под корень обрить.

Но страсти животные – не победить!

Так пусть же всё тело являет собой

Победу над волосом, лезущем строем!

Хоть здесь человек настоит на своём,

Хотя проиграет во всём остальном.

ТАКАЯ ЖИЗНЬ

О, Влад,

Ты изменить хотел, мне говорят,
С каким-то странным и большим самцом!
Какого хрена!
Неделю лишь назад
Описывал ты мне тусовку геев без восторга.
Какого хрена ты полез к нему,
К богатому и толстому еврею!
Он, тихий и спокойный человек,
Был изумлён твоим неадекватным поведением.
Высокий, мускулистый, на лысо обритый,
Чего ты захотел от этой кучи интеллекта?
Зачем тебе всё это? А, скажи?
Тот человек, мне говорят, был возмущён,
Но деликатен.
Он, с виду рыхл и неопрятен,
Был крепок и силён.
Он – как медведь пещерный,
Ты – как хищный птеродактиль.
Он заломал тебя, связал верёвкой, чтобы усмирить.
Ты путы рвать пытался и грозился
Овладеть им иль его убить.
Стоял он над тобой огромный, толстый, жирный,
А ты, с костистым черепом своим, несмирный,
Всё скалил зубы в ярости, хотел верёвку перегрызть.
Вот такая жизнь.
Он с доброю улыбкой на устах тебя пытался образумить.

Ты извивался, голый, в путах, словно белый угорь.
Потом взмолился: «Развяжи!».
Он не развязывал. Такая жизнь.

ГЛАЗА

Ты сказал, что если я изменю тебе,
Ты выколешь ножичком мне оба глаза.
Ты, признаюсь, меня очень смутил.
Моё сознание наполнилось облаком газа.
А если всё-таки это сбудется? Вот беда-то!
Я приду домой к детям на ощупь, слепая.
Дети спросят: «Где глазки твои?».
Я отвечу им на вопрос, сильно поддатая.
– О дети, дети мои! Мои глазки видели слишком многое.
Их за это не смогли простить.
Теперь буду во тьме я пребывать одинокая».
Я представила себе эту сцену и рассвирепела вдруг
От очевидной несправедливости.
Грешить то я буду другими органами,
А органы зрения должны пострадать,
Хотя пребывали в невинной сонливости!
На такое наказание не согласна Я!
Как это по- варварски жестоко!
Лучше тебе вовсе не изменять,
Сузив поле зрения, утопив в твоём оке своё око!

ПАССИВНАЯ КУРИЛЬЩИЦА И НАРКОМАНКА

Я пассивная курильщица

И наркоманка пассивная.

Всеми знакомыми некий кайф ищется,

А я кайф получаю насильно.

В клубах дыма табачного и конопляного

Я брезгливо сужаю носовые проходы,

И мечтаю не о нирване,

А о том, как окунуть в ванную

И погружусь в чистую воду.

Вот уже три месяца

Ко мне приходит любовник-наркоман.

Он употребляет терпинкод и фенозепам.

Он бешеный придурок, прекрасно-уродливый.

Я думаю, что уже на десятую часть состою из него,

Из его терпинкода, фенозепама и другого топлива.

А сколько алкоголя я получаю от него,

О, да это не подлежит подсчёту!

Из всех жидкостей он употребляет только одно -

Крепкое пиво из баночек под названием «Охота»!

В маленькой комнате, где он спит,

Нет кислорода – один выдохнутый им спирт!

Он давно уже потерял всякую связь с природой.

Купается с Чижиком- Пыжиком в грязной Фонтанке.

Бродит по улицам по 10 километров с бритой налысо го-

ловой,

И позабыл, что такое натуральный лес, воспетый писателем Бианки..

Любовникам- БЫВШИМ ХИППИ

Ты перегрыз палку в 52 местах.

Ты танцевал буги-вуги в заснеженных кустах.

Ты любишь жрать сырую печень,

Чтобы кровь по морде стекала.

Но мне этого мало...

Ты принёс три тысячи долларов в зубах.

Ты, наверное, замочил кого-то в заснеженных кустах.

Ты не танцуешь буги-вуги, от водки усталый.

Ты забавляешь меня на чёрных простынях.

Но мне этого мало...

Ты волосы выбрил, ты нашёл пистолет,

Тридцать семь – это много, мышц ослаблен жилет,

Ты хотел, чтобы я в рулетку русскую с тобою сыграла.

Ты и я, мы нажали с тобой на курок.

Но мне этого мало. Но мне этого мало...

В ПАРАДНОЙ

В парадной стояла страшная вонь.

Она с каждым днём нарастала.

Наверное, кошечка в подвале умерла,

И тело её на куски распадалось.

Но каждый проживающий в подъезде знал,
Что не может так ужасно пахнуть кошка.
Каждый в глубине души предполагал,
Что в подвале человеческий труп угнездился надёжно.

Всем было страшно сойти на три ступеньки вниз.
Люди бежали наверх, закрыв носы воротниками.
Внизу, несомненно, находился сюрприз,
И сам он никогда оттуда не уйдёт ногами.

Борьба длилась долго – кто- кого,
Но бедный труп победил равнодушие.
Из соседнего подъезда на запах пришёл управдом,
Открыл дверь, и все застыли от ужаса.

Красивый парень лет тридцати,
В хорошей одежде, лежал убитый.
Он уже почти превратился в слизь.
Он, безусловно, был из мира элиты.

Красивая женщина, блондинка управдом,
Из бывших валютных проституток в отставке,
Без свидетелей, зажимая рот платком,
Обыскала человека в резиновых перчатках.

Увы, не награждён был её героизм.

Убитого уже кто-то давно обшарил.
Красавица долго отмывала слизь
И обливалась французскими духами.

Жильцы позвонили в милицию, в морг,
А также в эпидстанцию,
Жалуясь на удушающий смог
И на разлагающуюся субстанцию.

С жильцов подъезда потребовали хороший куш
За то, что трупаря вывезут к вечеру.
Каждый заплатил по сто рублей.
Ужасно воняло. Делать было нечего.

-Мы не убивали этого пацана,-
Жаловались встревоженные люди.
-Почему мы за него должны платить?
-Не заплатите, ещё два дня нюхать будете!

Так усопший жильцов наказал
За пассивность и равнодушие.
Все помнили тот миг, когда он мёртвым стал.
Он просил о спасении, но его не послушали.

Лжепоп
Ты жирным был,

И был ленивым.
Совсем работать не хотел.
И некий черт черней вишила
Тебе в мозгах дыру проел.
Он знал твою объёмну память.
В неё он Библию залил.
И стал ты словно поп глоссарить.
Но то не ангел в тебе говорил.
В тебе завелась какая то мразь.
Она на асфальт тебя подтолкнула.
Ты сшил себе плащ наподобие ряса
И вышел туда, где побольше гула.
Стоишь вот в метро,
О, роскошный лжепоп,
Солидный, с коробкой для сборов,
И медной монетой сверкает твой лоб,
Под рясой скрывается боров.
В руке твоей где-то украденный крест,
Ты не сдашься ментам,
Как врагам город Брест,
В тебя пули летят-
То страдания баб,
И снаряды визжат-
Из грехов и грешат.
Ты величест-
венен,

Поп метро,

In метро-

политен.

Ты приподымаешь для благословения свою широкую
длань-

И никто даже и подумать то не может.

Что ты уже 10 лет наркоман. Наркоман!

У бегущих в метро людей грехов много.

А взять себе их грехи можешь ты один.

Люди готовы за свои грехи платить рубли, доллары и евро.

Тебе нужно много бабла на дорогостоящий героин.

Ты глубоко прячешь ноющую от боли нервность.

А потом, в грязном парадняке,

Прячась от грозной,

проживающей с тобой в коммуналке матери,

Ты делаешь себе сладостное перке

И отплываешь в мир грёз на райском катере...

Но как бы ты на бога не ссал,

Бог тебя в твоей щели тараканьей достал.

Он сделал тебе СПИД, СПИД..

Сказал твоему жирному желеобразному телу:

«Вой от страха!».

В твою душу плюнул напалмом:

«Не спи! Не спи!».

Вот стоишь ты в метро,

Спидоносный лжепоп.

Ты ещё вяло благословляешь метрожителей своим пер-
стом,

Но перед твоими глазами

Уже маячит жиробразный засасывающий гроб.

Ты понимаешь, что даже этот ужас

Не избавит тебя от лени и желания кушать...

А что плохого такого ты сделал?

Одно добро!

Людам, несущимся как безумные, по метронорам,

Помог избавиться от ощущения себя убийцей или вором.

Ты стоял в переходах как фильтр «Аквафор»,

Занимаясь очищением душ от сора.

Наверное, брат, ты с эти перебрал.

Грязь метрожителей тебя доконала.

Твоё тело приговорил к расстрелу небесный трибунал

В виде ВИЧ-пуль в имунитетных анналах.

—Но я же делал добро—

Мои уста изливали йод молитв

На душевные ранки тех,

Кто никогда не дойдёт до храмов.

Да, я презренный Лже-Айболит,

Лжеизлечиватель воющих от боли чурбанов...

КУПАНИЕ В ФОНТАНКЕ

Спозаранку,

На чьей-то стоянке,

Я яд пил из склянки,
А потом купался в Фонтанке,
Жёлтосморщенный, как обезьянка.

И смеялся над бедным Чижик,
Он сегодня ещё как-то выжил,
Он был бронзовый, мокрый и рыжий,
Он дразнился вот так вот: Вжик-вжик!

Я купался, купался, купался,
Как русалка, крутящая вальсы.
А ноябрьская непогода
Вызывала в прохожих зевоту.

Где-то страшные Невские глубы
Вызывали стучанья зубьи.
Где-то Финские Заливные
Перья Чижика вдаль уносили.